

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Электронный сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции

Брест, 28 марта 2019 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2021

ISBN 978-985-22-0066-0

Об издании – 1, 2

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2021

УДК 341
ББК 67.9

Редакционная коллегия:

Е. А. Коротич (отв. ред.), **Д. Г. Мороз**, **Л. В. Павлова**, **И. А. Заранка**

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент **П. И. Сащeko**
кандидат юридических наук, доцент **А. В. Ковальчук**

Противодействие преступности: криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 28 марта 2019 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Е. А. Коротич (отв. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2021. – 127 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by:80/handle/123456789/7325>.

ISBN 978-985-22-0066-0.

Материалы сборника отражают актуальные проблемы криминологического, уголовного-правового и уголовно-процессуального аспектов противодействия преступности на современном этапе.

Издание адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 341
ББК 67.9

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 8, Microsoft Office 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор И. Г. Лисоцкая, компьютерный набор и верстка И. Г. Лисоцкая;
- дата размещения на сайте: 22.11.2021;
- объем издания: 1,03 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

Ананенко А. А., Дмитриева Т. Ф. Отдельные вопросы деятельности прокурора по поступившему к нему для направления в суд уголовному делу	6
Барановская И. М. Основания и порядок установления материнства по законодательству Республики Беларусь	9
Бедрицкий А. А. Анализ доказательств государственным обвинителем в судебных прениях	11
Васильева М. С. Проблемы квалификации и индивидуализации ответственности соучастников в преступлении	14
Гузела М. В. Соотношение мер обеспечения уголовного производства и мер уголовного процессуального принуждения в законодательстве Украины	17
Гузела Н. М., Гузела М. В. Применение судами Украины норм международного права	19
Заранка И. А. Актуальные вопросы теории и практики квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны.....	21
Зимогорова В. О. Квалификация убийства матерью новорожденного ребенка в соучастии с другими лицами.....	25
Ивановская Е. В. Сравнительно-правовой анализ компьютерного мошенничества и хищения путем использования компьютерной техники	28
Игликова А. А. Новое в правовом регулировании превентивного надзора	30
Ищенко Н. С., Тагай Р. В. К вопросу о контрабанде в рамках Евразийского экономического союза и Союзного государства Беларуси и России.....	33
Климова Е. И. Некоторые особенности формирования частной методики расследования.....	38
Коваленко В. В., Колб И. А. О формировании в Украине правовых положений о применении к заключенным, лишенным свободы, мер пресечения.....	40
Козел В. М. О некоторых аспектах установления местонахождения без вести пропавших граждан.....	42
Козлова В. Д. Крайняя необходимость в медицинской практике	45
Колб А. Г., Попелнюк Т. В. О некоторых криминологически значимых признаках лица, совершающего преступления в сфере исполнения наказаний Украины.....	47
Колб С. А., Колб Р. О. О содержании понятия предупреждения преступлений.....	49
Коротич Е. А. Уголовно-правовая охрана прав пациента при применении современных медицинских технологий: к вопросу определения направлений правового воздействия.....	51
Коховец М. А. Военные преступления в уголовных законодательствах Республики Беларусь и зарубежных государств.....	54
Кулабухова Е. П. Доступ к правосудию несовершеннолетних	56
Кухта М. И. Общая характеристика и функции прокуратуры	59
Лазаревич Д. А. Виктимное поведение потерпевшего как условие совершения краж из автомобилей.....	62
Лапицкий М. Р. К вопросу о роли культурного фактора в борьбе с коррупционными преступлениями	64
Лузикова Я. С. Несанкционированный доступ к компьютерной информации.....	67
Малец А. Г. Участие статиста в предъявлении для опознания	70

Марисюк К. Б. Формы совершения деяния, предусмотренного статьей 149 Уголовного кодекса Украины «Торговля людьми или другое незаконное соглашение относительно человека»	72
Мешкова Н. А. Злоупотребление властью и служебными полномочиями: уголовно-правовой анализ.....	74
Мороз Д. Г. О некоторых вопросах совершенствования уголовной ответственности за преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами главы 20 Уголовного кодекса Беларуси	76
Мосиянич Е. В. Заведомо ложные показания: некоторые аспекты квалификации	80
Омельянович А. А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение: особенности квалификации	83
Орехова Е. П. К вопросу о профилактике преступлений, предусмотренных статьей 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь	85
Паньонко И. М., Римарчук Р. М. Исторический анализ противодействия расследованию преступлений со стороны осужденных в местах лишения свободы.....	88
Пашаев Х. П. Кратко об экстремизме и некоторых особенностях его доказывания.....	90
Пашаева Э. Х., Пашаев Х. П. О феномене следственной ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса.....	93
Пилипчук Е. С., Коротич Е. А. Продолжительность удержания как критерий дифференциации ответственности за незаконное лишение свободы: к вопросу о возможности закрепления в уголовном законе Беларуси	96
Римарчук Г. С. Формы общения субъектов учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов как противодействие расследованию преступлений	98
Савченко А. В., Дучиминская Л. М. Пенсионный фонд как субъект предупреждения преступлений в Украине	101
Семенович Н. Ю. Уголовно-правовые аспекты убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление	103
Серета В. В. Нравственно-психологическое содержание в профессиональной деятельности прокурора	106
Сильченко Т. В. Проблемные аспекты допроса обвиняемого по факту совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних.....	108
Сорока С. А. Профилактика как одно из мероприятий по противодействию незаконному распространению наркомании	111
Чепелев С. Н., Чепелева Е. Н., Чепелев А. Н. Динамика борьбы с коррупцией в Республике Беларусь (2014–2018)	113
Шайтарова Е. И. Проблемы правового определения понятия состояния опьянения в уголовном законодательстве Республики Беларусь.....	116
Шацкова П. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животным по законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины.....	118
Шелест А. А. Правовое положение статиста как участника уголовного процесса в Республике Беларусь.....	120
Шелягина А. Ю., Пантелеева Н. В. Уголовная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии)	122
Якимова С. В., Гумин А. М. Современные тенденции законодательного толкования понятия насилия в Уголовном кодексе Украины	125

А. А. АНАНЕНКО, Т. Ф. ДМИТРИЕВА

Беларусь, Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
ПО ПОСТУПИВШЕМУ К НЕМУ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ В СУД
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Предварительное расследование завершается передачей уголовного дела следователем прокурору для направления его в суд. Помимо самого дела, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) возлагает на следователя обязанность предоставить прокурору справку о результатах проведенного по делу предварительного расследования, а для представления в суд – список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ч. 2 ст. 262) [1].

После поступления уголовного дела и указанных выше процессуальных документов прокурор изучает их и в срок не более пяти суток, а в случае сложности и многоэпизодности дела – не более пятнадцати суток, принимает одно из решений, определенных в ч. 1 ст. 264 УПК [1]. Принятие того или иного решения сопровождается вынесением соответствующего постановления. Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность принятия в данном случае трех различных постановлений: 1) о направлении уголовного дела в суд; 2) о прекращении предварительного расследования; 3) о возвращении уголовного дела для производства дополнительно предварительного расследования.

Избранию прокурором соответствующего решения предшествует изучение уголовного дела. В частности, УПК в ч. 1 ст. 263 определяет вопросы, которые обязан разрешить прокурор по поступившему к нему уголовному делу [1]. Для направления уголовного дела в суд ответы на вопросы, предусмотренные пп. 1–6, 10, 11 ч. 1 ст. 263 УПК, должны быть положительными, а на вопросы, предусмотренные пп. 2, 12 ч. 1 ст. 263 УПК, – отрицательными.

При этом УПК не содержит указания на то, какие из пунктов ч. 1 ст. 263 могут повлиять на возвращение дела обратно следователю, а какие нет. Вместе с тем представляется, что неразрешение на стадии предварительного расследования вопросов, изложенных в пп. 7, 8 ч. 1 ст. 263 УПК, не может влиять на ненаправление дела в суд, поскольку они неспособны оказать влияние на законность и обоснованность принимаемых в дальнейшем решений по делу. Прокурор и даже суд могут самостоятельно разрешить вопросы, изложенные в указанных в пунктах.

Меры пресечения, в соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК, помимо органа дознания, следователя, могут применяться, изменяться и отменяться прокурором, судом [1]. По этой причине полагаем, что неправильное применение меры пресечения, ее неизменение и оставление в силе при наличии оснований для этого не должно влиять на возвращение дела следователю. Безусловно, нарушение указанного положения уголовно-процессуального закона не должно оставаться без внимания и должно сопровождаться применением мер реагирования дисциплинарного или уголовно-правового характера.

В силу ч. 1 ст. 156 УПК меры по обеспечению гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества принимаются органами уголовного преследования, к числу которых п. 22 ст. 6 УПК относит в том числе и прокурора.

Кроме того, ч. 2 ст. 156 УПК предоставляет соответствующие полномочия суду, который вправе воспользоваться ими при непринятии соответствующих мер на стадии предварительного расследования [1]. Ввиду этого невыполнение п. 8 ч. 1 ст. 263 УПК не должно влечь возвращения уголовного дела следователю.

Предрешать вопрос о возвращении дела следователю не должно и неустановление последним причин и условий, способствовавших совершению преступления, и непринятие мер к их устранению (п. 9 ч. 1 ст. 263 УПК). Следствием выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления, является вынесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления. В силу ст. 199 УПК данный акт могут вносить не только орган дознания и следователь, но и прокурор, на которого ст. 90 УПК, помимо вышеперечисленных субъектов, также возлагается обязанность по установлению причин и условий, способствовавших совершению преступления [1]. Данное положение подкрепляется также ст. 38 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» [2]. Однако в отличие от представления, вынесенного в рамках надзора за исполнением законодательства, оно, как справедливо замечает К. Б. Калиновский, должно основываться на конкретных доказательствах, содержащихся в уголовном деле, быть обоснованным и мотивированным, что проявляется в изложении в нем подробным образом причин и условий, способствовавших совершению преступления, и конкретно определенных мер по устранению последних [3, с. 379].

Устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, заключается в выполнении требований представления, внесенного в соответствующие организации или должностному лицу. В случае если изложенные в указанном выше документе предписания не исполняются в месячный срок со дня его вручения, следует констатировать непринятие мер к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления. При этом необходимо, чтобы изложенные в представлении меры с учетом имеющихся реалий можно было реально предпринять [4, с. 45]. Оставление без рассмотрения требований, изложенных в представлении об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, непринятие мер к устранению указанных нарушений, а также несвоевременный ответ являются основанием для привлечения к административной ответственности в соответствии со ст. 24.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Также в данном случае должны применяться меры дисциплинарного воздействия. Вместе с тем наложение административного и (или) дисциплинарного взыскания (взысканий) еще не означает устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления. Законодательство не дает ответа на то, каким образом действовать органу уголовного преследования в случае непринятия мер по представлению об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Обычно в данном случае, как показывает практика, органом уголовного преследования направляется письмо о необходимости принятия мер, изложенных в ранее внесенном представлении. В литературе для повышения эффективности исполнения представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, предлагается до истечения месячного срока со дня его получения направлять в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу письмо-напоминание о необходимости реагирования на названный документ [5, с. 134].

Возможность разрешения вопросов, изложенных в пп. 7–9 ч. 1 ст. 263 УПК, прокурором и судом является определяющим фактором при принятии решения о возвращении дела следователю. В данном случае следует понимать, что указанные

нормативные положения не влекут наступления обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и не влияют на дальнейшее принятие законных и обоснованных решений по делу. Под обстоятельствами, препятствующими рассмотрению уголовного дела судом, следует понимать нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, которые суд самостоятельно устранить не способен. Эти нарушения не связаны с получением доказательственной информации, а касаются реализации прав участников уголовного судопроизводства и являются препятствием для рассмотрения уголовного дела по существу [6, с. 10–11] (например, право на заявление отвода лицу, производящему дознание, следователю при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 77 УПК). Помимо этого, основанием для возвращения уголовного дела следователю является некачественно проведенное предварительное расследование (несоблюдение пп. 3–6, 10–12 ч. 1 ст. 263 УПК, отсутствие какого-либо документа из перечня, содержащегося в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, наличие обстоятельства, определенного в п. 3 ч. 1 ст. 280-1 УПК).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: обстоятельства, изложенные в ч. 1 ст. 263 УПК, следовало бы разделить на влияющие и не влияющие на возвращение уголовного дела следователю. При этом к первой группе следует относить пп. 3–6, 10–12 ч. 1 ст. 263 УПК, а ко второй – пп. 7–9 указанной части названной статьи. С этой целью верным представляется внесение соответствующих изменений и дополнений в УПК.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 401-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калининский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

4. Овчаров, А. О. Деятельность следователя по предупреждению преступлений / А. О. Овчаров, А. А. Васько // International scientific review of the problems of law : Collection of scientific articles II International correspondence scientific specialized conference, Boston, USA, 27–28 may 2018. – Boston : Problems of science, 2018. – P. 44–46.

5. Сахарова, Е. Г. Проблемы взаимодействия полиции и общества в устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений / Е. Г. Сахарова // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 5-й Междунар. науч. конф., Тула, 18–19 сент. 2015 г. / Ин-т законовения и упр. ВПА. – Тула : Папирус, 2015. – Вып. 5. – С. 133–135.

6. Дяденькин, С. В. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Дяденькин ; Юж.-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 30 с.

К содержанию

И. М. БАРАНОВСКАЯ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК УСТАНОВЛЕНИЯ МАТЕРИНСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Семья является основой любой социальной системы, и признание, уважение семьи как базовой социальной ценности – показатель устойчивости и прогрессивности общества и государства. В настоящее время политика, которую проводит белорусское государство, направлена на укрепление семьи, защиту интересов несовершеннолетних и помощь детям в случае, если семьи неполные или признаны неблагополучными. Реализация многих государственных решений в этом направлении зависит от того, какими правами и обязанностями наделены родители, как государство определяет ответственность родителей за ненадлежащее выполнение своих обязанностей. С точки зрения права основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей является происхождение детей, удостоверенное в установленном законом порядке.

В соответствии со ст. 50 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке. Взаимные права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака. Взаимные права и обязанности между отцом и ребенком возникают с момента рождения ребенка, если отец и мать ребенка состоят в браке или ребенок рожден в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным. Кроме того, взаимные права и обязанности между отцом и ребенком, если отец и мать ребенка не состоят в браке, возникают с момента внесения в установленном порядке сведений о нем как отце в запись акта о рождении ребенка либо с момента вступления в законную силу решения суда об установлении отцовства, если иное не предусмотрено законодательством.

Дети, родители которых не состоят в браке, имеют те же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, что и дети лиц, состоящих в браке между собой. Происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения, удостоверенного медицинской справкой о рождении, если иное не предусмотрено законодательством. При отсутствии медицинской справки о рождении происхождение ребенка от матери может быть установлено на основании решения суда об установлении факта рождения или решения суда об установлении материнства. Применение этого института материнства установлено в случаях, когда при регистрации рождения ребенка сведения о матери в книгу записей актов о рождении были внесены на основании данных, полученных от лиц, подавших заявление о регистрации рождения ребенка, когда родители ребенка неизвестны.

Сфера применения этого института ограничена лишь случаями, когда мать ребенка неизвестна, а сведения о матери в книге записей актов о рождении внесены по указанию лиц, подавших заявление о рождении ребенка. Установление материнства возможно по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия.

Ст. 56 КоБС определяет установление материнства только в судебном порядке. Так, материнство может быть установлено в судебном порядке, если при регистрации рождения сведения о матери в запись акта о рождении были внесены в соответствии с ч. 3 ст. 55 КоБС. Указанная норма предусматривает, что запись об отце и матери ребенка, если его родители неизвестны, в книге записей актов о рождении производится по указанию лиц, подавших заявление о регистрации рождения ребенка.

Таким образом, сущность установления материнства состоит в первичном установлении родительского правоотношения матери по отношению к ребенку в случае фактического отсутствия такового. Если же оспаривается материнство реальной женщины, записанной в качестве матери ребенка в книге записей актов о рождении, речь следует вести не об установлении материнства, а об оспаривании записи о родителях в соответствии со ст. 58 КоБС. Отметим, что ч. 2 ст. 56 КоБС предусмотрено, что установление материнства производится по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия.

Круг истцов по делам об установлении материнства идентичен с кругом истцов по делам об установлении отцовства, определенным ч. 3 ст. 57 КоБС. При этом требовать установления материнства в отношении определенного лица вправе не только само это лицо, но и иные лица. Тем самым законодательно закреплена возможность принудительного установления материнства в отношении лица, не желающего этого. Вместе с тем различен объем доказательств, подлежащих учету судом при установлении отцовства и материнства в судебном порядке. В соответствии с ч. 3 ст. 56 КоБС, при установлении материнства суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемой матери.

Регистрация установления материнства производится в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по месту жительства одного из родителей ребенка, или по месту регистрации рождения ребенка, или по месту вынесения решения суда об установлении материнства. Основанием для регистрации установления материнства является решение суда об установлении материнства. Для регистрации данного акта граждане должны представить заявление о регистрации установления материнства, документы, удостоверяющие личность матери, свидетельство о рождении ребенка и решение суда об установлении материнства. При регистрации установления материнства на основании решения суда ребенку присваиваются фамилия и отчество, указанные в решении суда. В записи акта об установлении материнства сведения о родителях ребенка указываются на основании решения суда об установлении материнства.

Суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об установлении материнства направить выписку из этого решения суда в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, по месту регистрации рождения ребенка.

На основании записи акта об установлении материнства, органом загса вносятся сведения о матери и связанные с этим изменения в запись акта о рождении ребенка, а затем выдается новое свидетельство о рождении, за исключением случаев одновременной регистрации установления отцовства и рождения. При выдаче нового свидетельства о рождении ранее выданное свидетельство аннулируется. Свидетельство об установлении материнства выдается по просьбе матери ребенка.

Подводя итог, отметим, что впервые в КоБС введен институт установления материнства. Применение этого института установлено в случаях, когда при

регистрации рождения ребенка сведения о матери в книгу записей актов о рождении были внесены на основании данных, полученных от лиц, подавших заявление о регистрации рождения ребенка, когда родители ребенка неизвестны.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что различен объем доказательств, подлежащих учету судом при установлении отцовства и материнства в судебном порядке. В соответствии с ч. 3 ст. 56 КоБС, при установлении материнства суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемой матери.

Безусловно, наиболее достоверным доказательством при установлении материнства или отцовства являются результаты генно-дактилоскопического исследования, значимость которого с учетом последних изменений существенно возрастает. Однако к числу достоверных доказательств, по нашему мнению, в определенных случаях можно отнести показания свидетелей и документы, в частности документацию организаций здравоохранения, договор суррогатного материнства и т. д. В любом случае достоверность доказательств будет определяться судом исходя из всех фактических материалов дела и собственной их оценки.

К содержанию

УДК 343.1

А. А. БЕДРИЦКИЙ

Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – **Т. А. Савчук**, кандидат юридических наук, доцент

АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ

Анализ и оценка доказательств – главный и наиболее сложный в выступлении государственного обвинителя в судебных прениях, где он продолжает свою деятельность по осуществлению доказывания в рамках выполняемой им функции уголовного преследования.

М. С. Строгович рассматривает доказывание как установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела: совершение (или несвершение) преступления, виновность (или невиновность) того или иного лица в совершении преступления и все иные обстоятельства, определяющие ответственность совершившего преступление лица [3, с. 125]. А. М. Ларин называет доказыванием осуществляемую в установленных законом процессуальных нормах сложную деятельность прокурора, органов расследования, а также привлекаемых или допускаемых ими других участников уголовного процесса, которая состоит в исследовании фактов для познания истины о совершенном (или предполагаемом) преступлении, о его причинах и способствующих ему обстоятельствах в целях решения задач уголовного судопроизводства [1, с. 87].

Под доказыванием следует понимать деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств, мыслительную и практическую деятельность государственного обвинителя. Установление факта преступления и его совершения обвиняемым, виновности обвиняемого в этом преступлении сопряжено с необходимостью исследования многих характеризующих преступление обстоятельств

и их отражений, находящихся в различных взаимосвязях и отношениях и подверженных изменениям. А. А. Старченко отмечает, что в уголовном судопроизводстве исследуются не всякие обстоятельства, а лишь те, которые оцениваются действующим уголовно-процессуальным законом как преступные. Раскрытие их сущности, движущих причин развития осуществляется на ступени абстрактного мышления в присущих рациональному познанию формах: понятиях, суждениях, умозаключениях, которые изучает наука логика [2, с. 102].

В правовом аспекте доказательство – это сведения о факте, с которыми возможны мыслительные операции, происходящие согласно законам логики, и на основе логического осмысления которых может быть сформирована позиция о том, существуют или не существуют конкретные обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела. В логике доказательство – это процесс, ход мыслительной операции, объектами которой являются анализируемые в соответствии с ее законами сведения и которая направлена на подтверждение или опровержение предположения о существовании определенного факта. Следовательно, в логике и в уголовном процессе одним и тем же термином обозначаются понятия, имеющие несомненное родство и столь же несомненное различное содержание.

Целью выступления государственного обвинителя в судебных прениях, если он не отказался от обвинения, является отстаивание перед судом мнения об обоснованности выводов органа предварительного расследования исследованными в судебном следствии доказательствами о совершении преступления обвиняемым, об относимости, допустимости, достоверности и достаточности этих доказательств, обоснованности уголовно-правовой квалификации инкриминированного обвиняемому преступления. Обязательным условием является наличие у государственного обвинителя объективного внутреннего убеждения в обоснованности своей позиции, сформировавшегося по завершении судебного следствия. Четкое понимание различия между содержанием функции обвинения и обвинительным уклоном как формой искажения этой функции в современном российской уголовном судопроизводстве становится необходимым условием успеха при поддержании обвинения в суде.

Государственный обвинитель обязан учитывать, что в своей речи он может оперировать только доказательствами, исследованными в судебном следствии и тем самым признанными относимыми и допустимыми. Соответствующее требование содержится в ч. 2 ст. 345 УПК Республики Беларусь, в соответствии с которой участник прения сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми. Это означает, что объектами анализа как при подготовке, так и при выступлении прокурора в судебных прениях могут быть только исследованные в судебном следствии и признанные допустимыми доказательства. В свою очередь, высказываемые государственным обвинителем комментарии относительно значения совокупности анализируемых в его речи доказательств, обозначение связей между ними и конечный вывод о доказанности устанавливаемого таким образом обстоятельства или их совокупности есть синтезирующий (итоговый) компонент его выступления в этой части. Многие государственные обвинители считают тактически и психологически целесообразным, чтобы в их речах в судебных прениях изобличающие обвиняемого доказательства приводились и анализировались в той же последовательности, в которой они представлялись суду в ходе судебного следствия. В свою очередь, возможность комментирования содержания и значения доказательств государственным обвинителем в его выступлении в судебных прениях, характеристик материальных и логических

взаимосвязей между ними дополнительно способствует формированию у председательствующего внутреннего убеждения в обоснованности позиции государственного обвинителя. Как известно, анализ доказательств в судопроизводстве представляет собой мыслительный процесс, подчиняющийся законам формальной логики и осуществляемый с использованием ее приемов, в рамках которого производится оценка доказательств с точки зрения не только их соответствия требованиям закона, отсутствия противоречий между доказательствами, но и наличия взаимосвязей между ними. Эти взаимосвязи, с одной стороны, позволяют объединить отдельные доказательства в совокупности, использование которых обеспечивает установление отдельных обстоятельств предмета доказывания, а с другой – проследить взаимосвязи между этими обстоятельствами.

В речи государственного обвинителя не происходит анализ доказательств с точки зрения их допустимости, поскольку такую проверку они прошли в судебном следствии. Вместе с тем в отдельных случаях прокурор в своей речи возвращается к данному вопросу, отмечая неудачную попытку защитника добиться признания судом недопустимым того или иного доказательства. С логической точки зрения процесс анализа доказательств в речи государственного обвинителя в судебных прениях представляет собой построение системы выводов, в которых из одних суждений (о содержании приводимых доказательств) на основании применения правил логики и построенных на них умозаключениях выводятся другие суждения – о доказываемых обстоятельствах, а точнее, об их доказанности.

Выступая в судебных прениях, государственный обвинитель высказывается о результатах анализа и оценки им доказательств, обосновывая полученными результатами тот или иной озвучиваемый вывод.

Тем самым практически выполняется разработанное теорией доказывания в уголовном процессе положение, в соответствии с которым вся совокупность рассуждений, с помощью которых обосновывают вывод по делу, может быть аналитически разложена на более простые составляющие ее части. Простейшим таким рассуждением является элементарный акт доказывания. С логической точки зрения элементарный акт доказывания состоит из аргумента, т. е. доказывающего (уже известного или доказанного) суждения, вывода, т. е. доказываемого суждения (того суждения, которое подлежит обоснованию), и некоторого общего положения, устанавливающего логическую связь между аргументом и выводом. Прокуроры, «не подготовившиеся к высокопрофессиональной деятельности, допускают серьезные просчеты, руководствуясь подчас не логикой доказывания, а идеологией обвинительного уклона... к этому добавляются слабые навыки публичного выступления и ораторского мастерства и др.».

Использование приемов анализа и риторики в речи государственного обвинителя должно осуществляться по принципу разумной достаточности, быть взвешенным и в то же время направленным на то, чтобы слушатели воспринимали умозаключения прокурора как свои собственные, а не как навязанные кем-то. Стоит избегать сложных логических построений и приемов анализа, а также словесных конструкций, так как это не будет способствовать полноценному и точному восприятию судом и другими участниками процесса позиции обвинителя, ее аргументированности, что может вызвать у суда затруднения при вынесении приговора. Перечисленные навыки приобретаются со временем, однако несомненным представляется принятие мер к их формированию еще у студентов, обучающихся по направлению «Прокурорская деятельность».

Это означает обязанность преподавателей, проводящих занятия по дисциплине «Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел», ориентировать студентов на изучение не только соответствующих норм уголовно-процессуального закона, организационно-распорядительных документов генерального прокурора, но также соответствующих методических рекомендаций и материалов практики участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами.

Несомненную пользу приносит посещение студентами судебных процессов при прохождении производственной практики, а также их встречи с прокурорскими работниками, поддерживающими государственное обвинение в судах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин, А. М. Работа следователя с доказательствами / А. М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1998. – 155 с.
2. Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. – М. : Госюриздат, 1987. – 235 с.
3. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1999. – Т. 1. – 468 с.

К содержанию

УДК 343

М. С. ВАСИЛЬЕВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **И. А. Заранка**, старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Институт соучастия в преступлении, а также вопросы, связанные с индивидуализацией ответственности и наказания соучастников, до сих пор остаются одними из самых сложных для понимания в юридической науке.

Совершение преступления в соучастии, несомненно, представляет большую общественную опасность по сравнению с преступлением, являющимся деянием одного лица. Сложение усилий соучастников, единая направленность воли нескольких субъектов и согласованность их поведения способствуют повышению вероятности достижения поставленной преступной цели, причем в более короткие сроки и с большей степенью вредоносности. Ощущение помощи блокирует сдерживающие факторы, повышается готовность к совершению более тяжких преступлений, способы совершения деяния приобретают более изощренные формы.

Многие авторы считают, что наибольшую опасность представляет такой вид соучастника, как организатор. Очень часто организатор остается в тени, что затрудняет его выявление и назначение наказания. Главная роль организатора заключается в организации самого преступления, разработке структуры группы, подборе соучастников и распределении ролей между ними, обеспечении дисциплины и устранении внутренних конфликтов. Ответственность организатора при соучастии с распределением ролей и при соисполнительстве закреплена в статье Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь со ссылкой на ч. 4 ст. 16 УК.

Однако если деятельность организатора по созданию соответствующего преступного формирования образует самостоятельный состав преступления (ст. 285 и 286 УК), то такие организационные действия по созданию преступной организации будут квалифицироваться как оконченное преступление (ст. 285 УК). Аналогичные действия по созданию банды – как покушение на совершение бандитизма по ст. 286 УК.

Другая важная и не менее общественно опасная фигура в соучастии – это исполнитель. Зачастую именно его действия влияют на исход дела, что в свое время влияет на квалификацию и на меру наказания другим соучастникам. Например, если исполнитель отказался от совершения преступления, тогда действия других соучастников будут квалифицироваться как приготовление к совершению преступления, и они не будут привлечены к уголовной ответственности. В случае если исполнитель не смог довести начатое преступление до конца по не зависящим от него обстоятельствам, деяние будет квалифицироваться как покушение на преступление. Часто без исполнителя нет преступления, а соответственно, нет и наказания соучастникам. Повышенная общественная опасность исполнителя заключается в том, что в тех случаях, когда нет организатора, который подготавливает преступление, исполнитель может выступить и как организатор, и как непосредственный исполнитель преступления [1]. Ответственность исполнителя закреплена в статье Особенной части УК без ссылки на ч. 3 ст. 16 УК.

Далее по степени общественной опасности следует фигура подстрекателя. Очень часто без подстрекателя вообще может не быть преступления. Если же у подстрекателя не вышло подтолкнуть другое лицо к совершению преступления, то его действия суд будет рассматривать как приготовление к совершению преступления в форме приискания соучастников. При этом для склонения другого лица к преступлению подстрекатель может использовать разные способы. Например, подстрекатель может применить способ убеждения (просьба, подкуп, обман) или способ принуждения (применение психологического или физического насилия). Применение насилия, его характер и степень также учитываются при назначении наказания [2]. Следует отличать подстрекательство от иных форм склонения к преступной деятельности. Например, пропаганда войны (ст. 123 УК) и призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь (ст. 361 УК), не будут являться подстрекательством. Действия подстрекателя квалифицируются по статье Особенной части УК со ссылкой на ч. 5 ст. 16 УК.

Соучастником, который обладает наименьшей степенью общественной опасности, является пособник. Как правило, суд ему назначает более мягкое наказание, чем другим фигурам соучастия, перечисленным выше. Содействие пособника облегчает другим соучастникам совершение преступления, но его роль по сравнению с ними небольшая, а поэтому мера наказания мягче. Чаще всего помощь пособника заключается в предоставлении информации, например, относительно места, времени, способа совершения преступления, а также в поиске средств или орудий преступления либо в сокрытии вещей, которые добыты преступным путем [3]. Необходимо подчеркнуть, что содействие преступлению другого лица по неосторожности не образует пособничества, а равным образом соучастия, но может рассматриваться в качестве самостоятельного преступления, такого как ненадлежащее выполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 298 УК). Ответственность пособника, не принимавшего участия в исполнении преступления, закреплена в статье Особенной части УК со ссылкой на ч. 6 ст. 16 УК.

Безусловно, иерархия общественной опасности отдельных видов соучастников может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В разных преступлениях, совершенных в соучастии, соучастники могут играть неодинаковую роль, а значит, им может быть назначена разная мера наказания. Например, при совершении убийства, как правило, более опасен исполнитель, что означает назначение ему более тяжкого наказания. При совершении краж или хищении имущества исполнитель далеко не всегда является центральной фигурой.

Основания для назначения наказания – это основополагающие требования, которые строятся на общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции Республики Беларусь, а также Уголовного кодекса Республики Беларусь. Именно этими требованиями должен руководствоваться суд при определении наказания виновному за совершенное преступление. На данный момент основными принципами, которым должны соответствовать нормы уголовного закона, являются законность, равенство граждан перед законом, неотвратимость ответственности, личная виновная ответственность, справедливость и гуманизм. Но в уголовном законе существует еще один немаловажный принцип назначения наказания – принцип индивидуализации наказания, который закреплен в содержании ст. 62 УК [4]. Проблема дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания за преступление, совершенное в соучастии, зависит от того, насколько хорошо разработана система уголовно-правовых норм Общей и Особенной части УК. Индивидуализация наказания за преступление в соучастии зависит от таких немаловажных факторов, как характер и степень фактического участия лица в совершении преступления, значение этого участия для достижения цели преступления, характер и степень общественной опасности преступления; также учитываются личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть характер и степень фактического участия каждого из соучастников для наиболее точной квалификации их деяний и индивидуализации ответственности. Характер участия в преступлении, совершенном в соучастии, определяет функциональную роль каждого из соучастников. К числу соучастников относятся исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Дифференциация уголовной ответственности является законодательной деятельностью по установлению разного рода уголовно-правовых последствий в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления. Индивидуализация наказания производится правоприменителем и заключается в избрании конкретной меры воздействия к лицу, совершившему преступное посягательство.

Таким образом, об интенсивности действия соучастника в рамках своей роли, о его вкладе в совершаемое преступное посягательство свидетельствует степень участия в преступлении. Степень участия определяется объемом проделанной каждым из соучастников работы, величиной их вклада в обеспечение осуществления преступных замыслов [5]. Получается, лица, которые в составе преступной группы проявили особо активное участие в совершении преступления независимо от их функциональной роли, при индивидуализации наказания могут получить большую меру наказания. Лицо может выполнять несколько ролей при совершении преступления (например, одновременно быть и организатором, и подстрекателем), однако выяснение влияния характера фактического участия лица и его роли в преступлении – задача не из легких. Многие авторы устанавливают иерархию видов соучастников по степени их общественной опасности, но законодательными актами это не предусмотрено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ADHDPORAL [Электронный ресурс] : электрон. правовая б-ка. – Режим доступа: <http://adhdportal.com>. – Дата доступа: 21.03.2019.
2. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Юридическая Россия [Электронный ресурс] : федер. правовой портал. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru>. – Дата доступа: 21.03.2019.

К содержанию

УДК 343.125

М. В. ГУЗЕЛА

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

СООТНОШЕНИЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА И МЕР УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Проблема соотношения мер обеспечения уголовного производства и мер уголовного процессуального принуждения в законодательстве Украины возникла с принятием нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) в 2012 г. В этом законе в разд. 2 нашел свое закрепление институт мер обеспечения уголовного производства, который, в частности, включает меры пресечения и иные меры обеспечения уголовного производства [1]. Тогда и возник вопрос: стоит ли отождествлять меры обеспечения уголовного производства и меры уголовного процессуального принуждения?

Стоит отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Украины 1960 г. включал гл. 13 под названием «Меры пресечения». Действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины также включает гл. 18 под таким же названием. Однако указанная гл. 18 в то же время является составляющей разд. 2 «Меры обеспечения уголовного производства» Уголовного процессуального кодекса Украины, и из этого следует, что меры пресечения по законодательству Украины являются мерами обеспечения уголовного производства. При этом украинский законодатель в ст. 131 УПК Украины определил единственный признак – общую цель применения мер обеспечения уголовного производства, которой является достижение действенности уголовного производства [1]. Это привело к тому, что некоторые представители науки уголовного процесса (считаем, что несколько безосновательно) пришли к выводу о тождественности мер обеспечения уголовного производства и мер уголовного процессуального принуждения [3, с. 81; 4, с. 67–170]. Ведь именно принуждение является залогом того, что применение мер обеспечения уголовного производства достигнет цели, определенной в ч. 1 ст. 131 УПК Украины.

Что же касается мер уголовного процессуального принуждения, то ни УПК Украины 1960 г., ни УПК Украины 2012 г. отдельно таких мер не формулируют. Однако термин «принуждение» в разных значениях присутствует, например, в действующем Уголовном процессуальном кодексе Украины, в частности как «необоснованное процессуальное принуждение» (ст. 2), «принудительные меры воспитательного характера» (гл. 38 параграф 2), «принудительные меры медицинского характера» (гл. 39), «принудительное сопровождение лица» (ч. 1 ст. 140), «освидетельствование проводится принудительно» (ч. 3 ст. 241), «принудительное привлечение лица для проведения медицинской или психиатрической экспертизы» (ч. 3 ст. 242), «отбор биологических образцов принудительно» (ч. 2 ст. 245), «помещение по принудительному содержанию лиц» (ч. 3 ст. 267) и т. п. [1]. Принуждение также характерно и для применения большинства мер обеспечения уголовного производства. Например, арест имущества в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК Украины заключается во временном лишении подозреваемого, обвиняемого и лиц, которые по закону несут гражданскую ответственность за вред, причиненный действиями подозреваемого, обвиняемого или невменяемого лица, возможности отчуждать определенное их имущество, распоряжаться им или же другим способом использовать его до момента отмены судебного решения об аресте имущества [1]. Таким образом, это означает, что применение ареста имущества одновременно направлено и на обеспечение уголовного производства, и на временное ограничение прав и свобод участников уголовного производства. При этом процессуальное принуждение напрямую связано со временным ограничением прав и свобод личности в уголовном процессе. И именно это дает веские основания в этом случае отождествлять меры уголовного процессуального принуждения и меры уголовного процессуального принуждения.

Однако не всегда применение мер обеспечения уголовного производства связано с применением мер уголовного процессуального принуждения, что, следовательно, исключает их тождественность. В частности, в системе мер обеспечения уголовного производства закреплены некоторые меры обеспечения уголовного производства (вызов следователем или прокурором, судебный вызов, временный доступ к вещам и документам), которые ни в коем случае не ограничивают права участников уголовного производства. Это значит, что в случае применения этих мер обеспечения уголовного производства меры процессуального принуждения, соответственно, к участникам уголовного производства не применяются. У этих участников уголовного производства возникают только определенные процессуальные обязанности, абсолютно не связанные с мерами уголовного процессуального принуждения. Именно поэтому мы поддерживаем позицию ученых, которые выражают сомнения в правильности отождествления мер обеспечения уголовного производства с мерами уголовного процессуального принуждения и которые предлагают решить этот вопрос теоретически, учитывая разное содержательное соотношение анализируемых понятий [2, с. 227; 3, с. 82].

Таким образом, меры обеспечения уголовного производства и меры уголовного процессуального принуждения не следует отождествлять, поскольку не всегда применение мер обеспечения уголовного производства связано с процессуальным принуждением, которое приводит к наступлению принудительных ограничений. Поэтому проанализированные меры соотносятся, соответственно, как целое и его часть [4, с. 170]. Более того, мы поддерживаем позицию видового деления мер обеспечения уголовного производства на непринудительные меры обеспечения уголовного производства и на принудительные меры обеспечения уголовного производства [3, с. 81–84], которые являются не чем иным, как мерами уголовного процессуального принуждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кримінальний процесуальний кодекс України. – Київ : Алерта, 2019.
2. Гумін, О. М. Система заходів забезпечення кримінального провадження за новим Кримінальним процесуальним кодексом України / О. М. Гумін // Наук. вісн. Нац. акад. внутрішніх справ. – 2013. – № 1. – С. 226–231.
3. Миколенко, О. М. Критерії класифікації заходів забезпечення кримінального провадження та їх співвідношення з заходами кримінального процесуального примусу / О. М. Миколенко // Правова держава. – 2014. – № 17. – С. 81–84.
4. Пархоменко, Я. Заходи забезпечення кримінального провадження та їх співвідношення з заходами кримінального процесуального примусу / Я. Пархоменко // Jurnalul juridic national: teorie și practică. – 2017. – № 4. – С. 167–170.

К содержанию

УДК 343.1

Н. М. ГУЗЕЛА¹, М. В. ГУЗЕЛА²

¹Украина, Львов, Львовский национальный университет имени Ивана Франко

²Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ УКРАИНЫ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Общепризнанные принципы и нормы международного права в соответствии с Конституцией Украины является частью национального законодательства [1]. Это касается и международных договоров, заключенных Украиной и ратифицированных Верховной Радой Украины. В соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров (1969), каждый действующий международный договор обязателен для его участников-подписантов и должен ими добросовестно исполняться. Более того, каждый участник международного договора не вправе ссылаться на положения своего внутреннего законодательства в качестве своего оправдания за невыполнение им норм международного договора (ст. 27 Венской конвенции) [3]. Таким образом, нормы международного права, которые закреплены в международных нормативно-правовых актах и международных договорах, сегодня являются частью национального законодательства Украины, а потому подлежат безапелляционной реализации через систему государственных органов и судов, в деятельности которых в Украине сегодня реализуется универсальный принцип верховенства права. Более того, в случае несоответствия норм национального законодательства нормам, закрепленным в международно-правовых актах или международных договорах, прерогативная важность отдается именно нормам международного права [1]. Указанное положение закреплено как на конституционном уровне, так и в нормах национальных процессуальных законов, в том числе и действующего Уголовного процессуального кодекса Украины [2].

Таким образом, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, стороной в которых выступает Украина, подлежат одинаковому применению в пределах правовой системы нашего государства. Это следует из положений Венской конвенции о праве международных договоров (1969), а также из норм Европейской конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (1950) [4], полноправной участницей которых является и Украина.

Следует подчеркнуть, что одним из основополагающих принципов Европейской конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (1950) является требование «правовой определенности», которое заключается в неуклонном соблюдении одинакового применения норм вышеуказанной Конвенции и решений Европейского суда по правам человека, которые принимаются на основе этих норм, всеми судами на территории Украины [2]. Таким образом, требование правовой определенности в деятельности судов распространяется не только на национальное законодательство, но и нормы международного права, которые являются частью системы законодательства нашего государства.

К таким общепризнанным принципам международного права относится, в частности, принцип всеобщего уважения к правам человека, а также принцип добросовестного выполнения государством своих международных обязательств.

Под общепризнанными нормами международного права следует понимать определяющие императивные нормы международного права, которые в целом признаются и воспринимаются международным сообществом государств. При этом любой отход судебного органа отдельного государства от указанных норм является недопустимым. Иными словами, под общепринятой нормой международного права следует понимать такое правило поведения, которое признается и воспринимается международным сообществом государств целиком в качестве юридически обязательного.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина, регламентированные нормами международного права, а также нормами национального законодательства Украины, не только провозглашаются, но и разрабатывается реальный механизм защиты и обеспечения этих прав судебной системой Украины. Судебная реформа, проведение которой осуществляется в Украине сегодня, является реальным тому подтверждением.

В процессе осуществления судопроизводства неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Украины может быть основанием для изменения или отмены судебного решения. При этом неправильное применение судом норм международного права заключается в следующем: 1) суд в процессе осуществления правосудия не применял норму международного права, подлежащего применению; 2) суд в процессе осуществления правосудия применил норму международного права, которая не подлежала применению; 3) суд в процессе осуществления правосудия дал неправильное толкование нормы международного права [5, с. 213].

Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод (1950), участником которой с 1997 г. является и Украина, регламентирует собственный процессуальный механизм, который охватывает обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека и систематический контроль за выполнением решений Европейского суда государствами, которых эти решения касаются. Такой контроль осуществляет комитет министров Совета Европы. Согласно п. 1 ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (1950), решения Европейского суда по правам человека относительно Украины, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти в Украине и для судов, входящих в судебную систему Украины, в частности, с целью последующего устранения допущенных нарушений прав и свобод человека. Европейский суд по правам человека наделен полномочиями только констатировать факт нарушения государством прав и свобод личности, регламентированных

Конвенцией о защите прав человека и основополагающих свобод (1950) и при наличии оснований присудить в пользу жалобщика справедливую денежную компенсацию. Однако Европейский суд по правам человека не наделен полномочиями по изменению или отмене судебного решения, вынесенного национальным судом, которое противоречит нормам Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (1950). Такое противоречие подлежит решению внутри судебной системы Украины. В частности, полномочия по устранению такого противоречия сегодня возлагаются на действующий в Украине Верховный Суд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституція України [Електронний ресурс] : в ред. від 30.09.2016, підстава 1401-VIII. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254>.
2. Кримінальний процесуальний кодекс України. – Київ : Алерта, 2019.
3. Віденська конвенція про право міжнародних договорів [Електронний ресурс] : 23.05.1969. Приєднання України 14.04.1986, підстава 2077-XI. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_118.
4. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року [Електронний ресурс] : ратифіковано Законом № 475/97-ВР від 17.07.1997 р. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_004.
5. Зимненко, Б. Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции / Б. Л. Зимненко. – М. : СТАТУТ, 2005. – 539 с.

К содержанию

УДК 343

И. А. ЗАРАНКА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) является убийством при смягчающем вину обстоятельстве, т. е. привилегированным составом убийства.

Под необходимой обороной понимается правомерная защита от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему. В соответствии со ст. 34 УК «не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [1].

Оценивая содержание ст. 34 УК, необходимо отметить, что в ней явно недостаточно признаков, дающих четкое представление, от чего и как следует обороняться гражданину, не нарушив уголовного закона. В законе декларируется, что превышение пределов необходимой обороны влечет ответственность, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное

повреждение. Исходя из этого, обороняющемуся надо выполнить слишком много условий, чтобы не нарушить принцип соразмерности защиты и нападения. Обороняющийся в подобных обстоятельствах должен думать не о том, как отразить нападение, а о том, как бы не превысить пределов обороны.

Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от гражданства, должностного или служебного положения (работники милиции, рядовые граждане и т. д.), а также независимо от наличия у них профессиональной, специальной подготовки (владение навыками боевых искусств, бокса, борьбы и т. п.). Любое лицо вправе отражать посягательство как на его собственные интересы, так и на интересы иных (даже совершенно посторонних) лиц, на интересы общества и государства. Так, например, предоставленным уголовным законодательством правом на необходимую оборону в полной мере воспользовался житель г. Витебска, 1956 г. р. Обратившись 25 апреля 2016 г. в 04:30 в Первомайский РОВД г. Витебска, он заявил о том, что в 04:00 неизвестный, которого он подвозил на своей автомашине, внезапно, не предъявляя каких-либо требований, ударил его ножом в шею. Защищаясь, он отнял нож и причинил нападавшему резаную рану шеи, от которой тот умер. Впоследствии было установлено, что 24 апреля 2016 г. погибший преступник совершил убийство местного жителя, пенсионера, труп которого с множественными ножевыми ранениями грудной клетки был обнаружен по месту жительства. Естественно, что водитель о совершенном убийстве пенсионера ничего не знал и правомерно причинил смертельное ранение преступнику не с целью его задержания, а для самообороны [2].

Однако причинение вреда посягающему будет признано правомерным только при наличии предусмотренных законом условий, относящихся как к посягательству, так и к защите от него. К признакам посягательства относят то, что деяние должно быть общественно опасным, наличным и действительным.

Непринятие в расчет в ходе производства предварительного расследования наличия реальной угрозы причинения вреда нередко приводит к ошибкам следственных органов. Так, например, органами уголовного преследования Соколов В. обвинялся в изготовлении и ношении огнестрельного оружия и умышленном убийстве. В судебном заседании было установлено, что 27 мая 1994 г. по просьбе младшего сына Соколов В. пошел с ним к бабушке и, опасаясь беспокойной обстановки на улице и постоянных угроз со стороны подростков, взял с собой обрез, заряженный двумя патронами. Проходя по улице, они встретили пьяного Игумнова, который стал выражать недовольство тем, что они смотрели на него, проходя мимо. В это время к Игумнову подошли несколько человек и стали угрожать ему, Соколову В., и сыну физической расправой, а затем и убийством. Зная агрессивность этих ребят (24 мая 1994 г. во дворе дома Соколовых они учинили злостное хулиганство), он стал отступать от них, вытащил из-под одежды обрез и предупредил о возможности стрельбы, если они будут подходить к нему. Однако на его предупреждение группа подростков, среди которых был и Шередин, не отреагировала и приблизилась к нему вплотную. В этой ситуации он, защищая себя и сына Андрея, выстрелил в них неприцельно, после чего стал уходить в сторону своего дома. Его стала настигать другая группа ребят, которая преградила ему дорогу, высказывая при этом угрозу убийством. Он предупредил их о применении оружия, однако они продолжали приближаться, и он в целях самозащиты вновь произвел неприцельный выстрел в их направлении, ребята разбежались, а он ушел домой, где и был задержан работниками милиции. Указанные обстоятельства, а также то, что на улице Соколова встретили подростки, которые учинили злостное хулиганство в его доме 24 мая 1994 г., их

количество, агрессивное поведение, инициатива Игумнова в возникновении нового конфликта давали основания Соколову воспринимать действия нападавших на него лиц как реальную угрозу жизни своей и Соколова А. В такой ситуации обороняющимся могут быть приняты любые средства защиты и причинение любого вреда посягающему. Областной суд и судебная коллегия Верховного Суда обоснованно пришли к выводу о нахождении Соколова В. на момент причинения огнестрельных ранений потерпевшим Агееву и Шередину в состоянии необходимой обороны и правильно приняли решение об оправдании Соколова В. в предъявленном ему обвинении в совершении убийства [2].

Что касается убийства, то оно рассматривается по правилам необходимой обороны только в том случае, если было совершено при защите именно правоохраняемых, т. е. законных интересов личности, собственности, правопорядка от преступного посягательства потерпевшего. Обороняясь, обычный человек находится в состоянии душевного волнения, вызванного нападением. Это состояние душевного волнения мешает обороняющемуся точно оценивать характер и степень опасности посягательства, вследствие чего при защите превышаются пределы необходимой обороны и причиняется смерть нападавшему. Кроме того, причинение смерти нападавшему вызывается именно его неправомерными действиями, которыми он вызывает защиту. Поэтому убийство при превышении пределов необходимой обороны менее общественно опасно, чем другие виды убийства. Это видно и из санкции ст. 143 УК, которая предусматривает за такое убийство минимальное по сравнению с другими случаями убийства наказание.

Объективная сторона рассматриваемого убийства выражается в совершении лицом, находящимся в состоянии необходимой обороны, активных действий по пресечению общественно опасного посягательства и превышении при этом пределов необходимой обороны, в результате чего причиняется смерть нападавшему.

Обязательным признаком объективной стороны для того, чтобы рассматривать такое убийство по правилам необходимой обороны и квалифицировать как совершенное при превышении ее пределов, является время. Необходимо помнить, что необходимая оборона возможна только до окончания преступного посягательства. Продолжение активных оборонительных насильственных действий после окончания посягательства, когда момент окончания нападения ясен обороняющемуся, если обороняющийся находился в состоянии аффекта и причинил смерть нападавшему, квалифицируется не по ст. 143 УК, а по ст. 141 УК.

После установления того, что совершенное убийство необходимо рассматривать по правилам необходимой обороны, надлежит выяснить, не были ли превышены ее пределы. Как видно из ч. 3 ст. 34 УК, превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости причиняется смерть. Для того чтобы решить, соответствовала или явно не соответствовала защита нападению, необходимо учитывать следующие обстоятельства: эмоциональное состояние лица, подвергшегося нападению; его физические возможности, навыки рукопашного боя и пользования оружием; количество нападающих; их вооруженность; место и время посягательства и другие обстоятельства, которые могли повлиять на ход событий [3]. Состав рассматриваемого преступления – материальный, преступление считается оконченным с момента наступления смерти потерпевшего.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной виной. Причиняя вред здоровью нападающего, обороняющийся стремится пресечь его

преступные действия. В подобной ситуации воля обороняющегося лица, как правило, направлена на пресечение действий посягающего, а не на причинение вреда. При таком поведении виновный не желает наступления серьезных последствий, а лишь сознательно это допускает. Данное преступление может совершаться также и с прямым умыслом. Это имеет место, когда обороняющийся желает причинить смерть нападавшему лицу, осознавая, что это чрезмерный способ пресечения посягательства.

Субъект преступления – общий, лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектом этого преступления является не только лицо, которое обороняется от нападения на него самого, но также и любое другое лицо, которое защищает третьего человека, подвергшегося нападению, либо интересы общества и государства от преступного посягательства.

Не могут квалифицироваться по ст. 143 УК убийства, совершенные с использованием так называемых предупредительных или охранных мер по защите своей собственности от возможных похищений. Убийство, совершенное в результате подключения электротока к забору, гаражу, путем устройства опасных ловушек, самострелов, взрывных устройств и т. д., в зависимости от конкретных обстоятельств дела квалифицируется по ч. 1 или ч. 2 ст. 139 или по ст. 144 УК (причинение смерти по неосторожности).

Применительно к убийству при превышении пределов необходимой обороны действует то же общее правило, что и при других привилегированных убийствах: при одновременном наличии отягчающих и смягчающих обстоятельств содеянное квалифицируется как убийство при смягчающем обстоятельстве.

Убийство, совершенное после окончания посягательства с целью мести нападавшему, когда виновный осознавал момент окончания посягательства, квалифицируется по ст. 139 УК, а не по ст. 143 УК. Убийство, совершенное в состоянии мнимой обороны, т. е. когда виновный не осознавал отсутствия посягательства, но по обстоятельствам дела должен был и мог это сознавать, квалифицируется как причинение смерти по неосторожности по ст. 144 УК, а не по ст. 143 УК.

Признавая в целом рациональность законодательного подхода к определению признаков преступления, предусмотренного ст. 143 УК, в то же время полагаем возможным согласиться с изложенными в научной литературе суждениями относительно необходимости дальнейшего развития уголовного закона в рассматриваемой области. В частности, на наш взгляд, необходимо отказаться от понятия «превышение пределов необходимой обороны» или сузить сферу его использования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Судебная практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat5km/id5xwffeo.htm>. – Дата доступа: 21.03.2019.

3. Буцаев, В. В. Пределы необходимой обороны в уголовном и административном законодательстве Республики Беларусь / В. В. Буцаев // Актуальные проблемы науки XXI века : науч.-практ. семинар молодых ученых / Мин. ин-т упр. – Минск, 2012. – С. 9–11.

К содержанию

В. О. ЗИМОГорова

Беларусь, Новополоцк, Полоцкий государственный университет

Научный руководитель – **Ю. Л. Приколотина**, кандидат юридических наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В СОУЧАСТИИ С ДРУГИМИ ЛИЦАМИ

Особое место среди преступных посягательств против личности занимают преступления против жизни, в частности убийства со смягчающими обстоятельствами – привилегированные составы убийств. Одним из таких привилегированных составов является убийство матерью новорожденного ребенка.

Субъект данного преступления специальный: им может выступать только женщина, родившая ребенка – жертву своего преступления-убийства.

К основным признакам субъекта преступления, предусмотренного ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – Уголовный кодекс), относятся: физическое лицо – мать новорожденного ребенка, ее вменяемость и достижение определенного законом возраста. Вместе с тем в следственно-судебной практике часто возникают сложности при квалификации обозначенного преступления, если оно совершено несколькими лицами, так как специальным субъектом является мать ребенка, а групповой квалифицирующий признак отсутствует. Обстоятельство, которое служит основанием для отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к составам со смягчающими признаками, касается лишь личных качеств субъекта этого преступления, поэтому оно не может и не должно распространяться на остальных участников преступления.

Так, следует отметить, что имеют место факты, когда в умерщвлении новорожденного ребенка наряду с матерью участвуют другие лица (сожители, подруги, родственники). Квалификация убийства матерью новорожденного ребенка с участием другого лица имеет свои особенности. Для соучастника, который не обладает признаками специального субъекта, квалификация реализуется по правилам пособничества совершению преступления. Однако данный субъект, как предполагается, выступает «соисполнителем» убийства, но не является субъектом состава, предусмотренного ст. 140 Уголовного кодекса. По этой причине с учетом правил конкуренции общего и специального состава его действия надлежит квалифицировать согласно п. 2 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса [1, с. 107].

В теории уголовного права признается, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье, участвующее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, может нести уголовную ответственность за данное преступление в качестве организатора, подстрекателя либо пособника. Исходя из этого, можно сделать вывод, что соучастие будет иметь место, если лица, принимающие участие в этом деянии, осознают, что женщина находится в особом психическом состоянии, вызванном родами, когда она не в полной мере сознает значение своих действий или руководит ими. Если лица, оказывающие содействие женщине, не осознают это обстоятельство, их оценка как соучастников в преступлении, описанном в ст. 140 Уголовного кодекса, исключается вовсе. Соучастие в этом преступлении в реальной действительности может встречаться в крайне редких случаях, поскольку осознавать особое психическое состояние женщины в процессе

родов дано не любому лицу, а только обладающему определенными знаниями или специальной подготовкой (например, врач или психолог) [2, с. 68].

Участие других лиц в убийстве новорожденного ребенка может проявляться различным образом. Совместность участия в лишении жизни предполагает несколько вариантов.

Первый вариант возможен тогда, когда другие лица наряду с матерью новорожденного принимают непосредственное участие в процессе лишения жизни, оказывая на младенца физическое воздействие, т.е. выступают в качестве соисполнителей [3, с. 103]. Ответственность за убийство новорожденного ребенка, совершенное в соисполнительстве его матерью и другим лицом (другими лицами), должна наступать следующим образом. Действия матери при наличии всех других объективных и субъективных признаков, характеризующих состав убийства матерью новорожденного ребенка, необходимо квалифицировать по ст. 140 Уголовного кодекса. То обстоятельство, что мать новорожденного ребенка непосредственно участвовала в убийстве, совершенном групповым способом, может быть учтено судом в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 64 Уголовного кодекса в качестве отягчающего обстоятельства при назначении ей наказания. Действия другого соисполнителя (других соисполнителей) состава убийства матерью новорожденного ребенка (в зависимости от степени устойчивости субъективной связи между членами преступной группы) следует квалифицировать по соответствующему признаку «группа лиц», предусмотренному п. 15 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса, а также по п. 2 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса – лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Таким образом, каждый из соисполнителей убийства, в котором потерпевшим является новорожденный ребенок, несет ответственность за свой состав умышленного причинения смерти другому человеку по соответствующей статье и ее части (пункту) Особенной части Уголовного кодекса.

Второй вариант может состоять в том, что по просьбе матери новорожденного другие лица без оказания физического содействия с ее стороны лишают жизни младенца, самостоятельно выполняют объективную сторону преступления [3, с. 103]. Мать новорожденного ребенка в данном случае выступает в качестве соучастника преступления. Уголовная ответственность матери, выступающей в роли соучастника убийства своего новорожденного ребенка, должна наступать по ст. 140 Уголовного кодекса с обязательной ссылкой на соответствующую часть ст. 16 Уголовного кодекса (соучастие в преступлении).

Третий вариант предполагает, что заинтересованные лица путем уговоров, угроз, обмана и подобных действий, в том числе тщательно маскируемых, склоняют мать к убийству новорожденного ребенка, а сами непосредственного участия в процессе лишения жизни не принимают [3, с. 103]. Эти лица выступают в качестве соучастников преступления: организатора, подстрекателя, пособника. Соучастники убийства матерью новорожденного ребенка (организатор, подстрекатель, пособник) должны нести ответственность за квалифицированное убийство по признаку «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» с обязательной ссылкой на соответствующую часть ст. 16 Уголовного кодекса.

Соучастники данного преступления не могут нести ответственность наряду со специальным субъектом – матерью новорожденного ребенка. Они отвечают на общих основаниях за простое или даже квалифицированное убийство.

Лица, выполнявшие функции организатора, подстрекателя или пособника при убийстве матерью новорожденного ребенка, несут ответственность по ст. 16 и ст. 139 Уголовного кодекса.

Понятие совместности действий лиц, участвующих в убийстве новорожденного ребенка, включает в свое содержание два самостоятельных правовых явления – институт соучастия и групповое совершение преступления.

По мнению А. В. Ковальчука, квалификация действий матери при совершении детоубийства в соучастии должна производиться с учетом следующих положений:

1) при отсутствии в деянии конститутивных признаков, предусмотренных ст. 140 Уголовного кодекса, действия матери убитого ребенка подлежат квалификации по п. 2 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса наравне с иными соучастниками убийства (после корректировки п. 2 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса – по ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса);

2) при установлении признаков, позволяющих рассмотреть детоубийство как привилегированное, действия матери ребенка необходимо квалифицировать по ст. 140 Уголовного кодекса независимо от ее роли в совершенном преступлении (исполнитель, соисполнитель, организатор, подстрекатель, пособник);

3) действия иных соучастников детоубийства следует квалифицировать как соучастие в убийстве заведомо малолетнего (п. 2 ч. 2 ст. 39 Уголовного кодекса) со ссылкой на ст. 16 Уголовного кодекса (если они участвовали в детоубийстве в качестве организатора, пособника или подстрекателя) либо без таковой;

4) действия соисполнителей при убийстве новорожденного ребенка (за исключением матери, находившейся во время его совершения в особом психо-физическом состоянии) следует квалифицировать по п. 2 и п. 15 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса (убийство заведомо малолетнего, совершенное группой лиц) [4, с. 54].

На мой взгляд, было бы целесообразно добавить норму в Общую часть Уголовного кодекса, которая бы регулировала ответственность соучастников преступления со специальным составом. Данная норма распространяла бы свои действия на соответствующие составы преступлений, определяла единые основания, пределы и объем ответственности соучастников таких преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Машталер, Ю. Ф. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в Республике Беларусь / Ю. Ф. Машталер // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2 (34). – С. 103–109.

2. Грунтов, И. О. Умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах, характеризующих особое психическое состояние виновного / И. О. Грунтов // Право Беларуси. – 2002. – № 4. – С. 56–64.

3. Пашенько, И. Б. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного совместно с другими лицами / И. Б. Пашенько // Бизнес в законе : экон.-юрид. журн. – 2010. – № 2. – С. 103–106.

4. Ковальчук, А. В. Отграничение убийства матерью новорожденного ребенка от сходных преступлений / А. В. Ковальчук // Суд. весн. – 2004. – № 1. – С. 52–55.

К содержанию

Е. В. ИВАНОВСКАЯ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **И. А. Заранка**, старший преподаватель

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА И ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

В юридической литературе немало публикаций посвящено вопросам анализа уголовно-правовой характеристики расследования преступлений с использованием компьютерной техники, в ходе которых происходит завладение имуществом в результате манипуляции с компьютерными программами или компьютерными данными. За два месяца 2018 г. было установлено 82 мошенничества с использованием компьютерной техники, за аналогичных период 2019 г. – 127 [1]. На основании вышеприведенной статистики можно сделать вывод, что преступления в сети Интернет становятся все более популярными. Это обусловлено непрерывным технологическим прогрессом, инновациями в сфере информационных технологий и латентностью данного вида преступлений.

Термин «компьютерное мошенничество» является широким понятием, которое было заимствовано из зарубежного законодательства. Под компьютерным мошенничеством понимается умышленное выявление информации, замещение или искажение данных, хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана, мистификации или злоупотребления доверием с использованием компьютерных систем и программ. Это деяние квалифицируется по различным статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в частности по ст. 209 и 212 [2]. Хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации является таким преступлением, как хищение путем использования компьютерной техники. Данное понятие закреплено в ст. 212 УК.

Для более точного анализа данных преступлений следует дать определение понятию «компьютерная техника». Некоторые ученые рассматривают данный термин как совокупность программируемых и вычислительных механизмов и устройств, которые позволяют работать с огромным количеством различных данных, а также применять, эксплуатировать и передавать информацию. Законодательством Республики Беларусь не установлен перечень устройств, относящихся к компьютерной технике. В этой связи необходимо провести разграничение между хищением путем использования компьютерной техники и компьютерным мошенничеством. Целесообразно разграничивать эти преступления по конструктивным признакам состава – предмету и способу совершения общественно опасного деяния.

Предметом преступления, как правило, признается все то, на что непосредственно направлено общественно опасное деяние. К нему относят «предметы внешней среды, воздействуя на которые лицо нарушает или может нарушить определенные общественные отношения». В уголовном праве Республики Беларусь вопрос о предмете мошенничества является дискуссионным. В соответствии со ст. 209 УК, предметом преступления является имущество и право на имущество. В свою очередь,

ст. 212 УК установлено, что предметом данного преступления является имущество. Однако многие ученые-практики предусматривают в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 212 УК Республики Беларусь, право на имущество, что затрудняет квалификацию данного деяния. Данную позицию можем аргументировать следующим примером. Гражданин N. проник в Сеть во время осуществления платежей гражданкой K. и внес изменения в передаваемую информацию, в результате чего на заранее открытый счет незаконно поступили деньги. Однако снять эти самые деньги гражданину N. не удалось, поскольку гражданка K. обратилась в правоохранительные органы, и гражданин N. был задержан. В данном примере безналичные денежные средства не могут быть приравнены к понятию имущества ввиду отсутствия материального признака такого имущества. Содеянное будет квалифицироваться как покушение на преступление, предусмотренное ст. 212 УК Республики Беларусь. Для того чтобы признать преступление оконченным, необходимо внести изменения в диспозицию данной статьи примерной формулировкой: «Завладение имуществом или приобретение права на имущество путем...».

Вторым критерием для разграничения исследуемых составов является способ совершения преступного деяния. Способ совершения преступления является факультативным признаком объективной стороны состава преступления, но в некоторых случаях, предусмотренных законодательством, имеет обязательный характер элемента состава преступления, и тогда способ преступления выступает в качестве квалифицирующего признака преступления. Способом совершения хищения, согласно диспозиции ст. 212 УК Республики Беларусь, выступает компьютерная техника, с помощью которой преступник манипулирует передаваемой информацией. Стоит отметить, что под влиянием обмана в случае мошенничества потерпевший добровольно передает предмет данного вида хищения.

Однако некоторые ученые рассматривают хищение путем использования компьютерной техники как частный случай мошеннического завладения имуществом. Данное мнение базируется на положениях ч. 1 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 15 от 21 декабря 2001 г. Тщательно изучив данное постановление, мы пришли к выводу, что нормы, регламентирующие использование компьютерных манипуляций, ведут к обману, а также являются неточными, поскольку отсутствует в данном случае как таковой обман человека (стоит говорить лишь об обмане компьютера). При хищении путем использования компьютерной техники выдаваемые ЭВМ команды и документы совсем не отличаются от подлинных по форме, являясь по сути фальшивыми. Лицо, которое работает с системами автоматизированной обработки информации, поставлено в такие условия, в которых оно будет добросовестно заблуждаться относительно полученной информации в независимости от того, была ли она видоизменена или вовсе объективно являлась ложной, ввиду отсутствия какого-либо контакта с преступником.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что разграничение исследуемых составов следует проводить по предмету преступления и способу завладения имуществом. Чтобы избежать ошибок в квалификации данных деяний, необходимо ввести в Уголовный кодекс Республики Беларусь новую статью о приобретении права на чужое имущество путем манипуляций с компьютерными данными. Анализ норм уголовных статей показал, что данная статья не будет иметь никаких связей с составом мошенничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный информационный сайт города Бреста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinebrest.by/>. – Дата доступа: 21.03.2019.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.gov.by/>. – Дата доступа: 21.03.2019.

К содержанию

УДК 343.8

А. А. ИГЛИКОВА

Беларусь, Минск, Генеральная прокуратура Республики Беларусь

НОВОЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА

Основной задачей превентивного надзора является оказание профилактического воздействия на определенную законом категорию лиц, криминологическая характеристика которых свидетельствует о высоком риске совершения ими новых преступлений и правонарушений. Опыт практической реализации положений ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) свидетельствует о востребованности этого института. В то же время, как обоснованно отмечает А. Л. Савенок, «в условиях динамично меняющейся общественной жизни целесообразно сместить акцент с содержания уголовного закона на его реализацию, поскольку результат уголовно-правового регулирования может значительно отличаться от того, который задумывался в самом начале уголовно-правового законотворчества» [1, с. 173].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, обусловленных несовершенством правового регулирования превентивного надзора. Рассмотрим некоторые проблемные аспекты приостановления и возобновления превентивного надзора.

Первоначально редакция ст. 80 УК не предусматривала возможности приостановления и возобновления превентивного надзора. Соответствующие изменения и дополнения в УК, Уголовно-процессуальный (далее – УПК) и Уголовно-исполнительный (далее – УИК) кодексы, действующие (с незначительными изменениями) до настоящего времени, внесены Законом от 15 июля 2008 г. № 411-3 [2].

Согласно чч. 9, 10 ст. 80 УК, превентивный надзор приостанавливается при осуждении лица, за которым он был установлен, к наказанию в виде ограничения свободы, ареста или направлении его в лечебно-трудовой профилакторий (далее – ЛТП), а возобновляется – с момента отбытия этим лицом наказания или прекращения его нахождения в ЛТП.

Ст. 402-1 УПК определена подсудность этих вопросов. При осуждении лица к наказанию в виде ограничения свободы, ареста превентивный надзор приостанавливается судом, постановившим приговор; при направлении лица в ЛТП – судом, вынесшим данное постановление. Возобновление превентивного надзора

отнесено к компетенции суда по месту отбывания наказания либо по месту нахождения ЛТП. Порядок приостановления и возобновления превентивного надзора урегулирован ст. 199, 199-1 УИК.

Как нами уже отмечалось, вопрос о сроке внесения органом внутренних дел представлений о приостановлении превентивного надзора, как и срок рассмотрения таких представлений судами, законодательно не урегулирован [3]. В этой связи решения о приостановлении превентивного надзора принимаются судами значительно позднее наступления правовых оснований для этого (вступления в законную силу приговора или решения суда о направлении в ЛТП). Имели место факты вынесения судами постановлений о приостановлении превентивного надзора после отбытия лицами наказания в виде ареста.

Отсутствовал единообразный подход к определению даты, с которой надзор следует считать приостановленным, что приводило к произвольному определению оставшейся части срока надзора.

Неединообразной являлась и судебная практика в части определения территориальной подсудности материалов о возобновлении превентивного надзора. Неоднородны случаи рассмотрения таких материалов судами с нарушением компетенции. Проблема определения подсудности обострилась в связи со вступлением 28 января 2015 г. в силу Закона № 241-З от 5 января 2015 г., на основании которого всем осужденным к аресту срок наказания был снижен до трех месяцев и многие из них были освобождены по отбытии наказания [4]. При этом администрация арестных домов не имела возможности направить в суды представления о возобновлении превентивного надзора в отношении таких лиц в срок, установленный ч. 1 ст. 199-1 УИК. В последующем представления о возобновлении превентивного надзора отклонялись судами как по месту жительства поднадзорных, так и по месту отбывания наказания со ссылкой на их неподсудность на основании п. 1 ч. 5 ст. 402-1 УПК.

Необходимо отметить, что судебная процедура приостановления и возобновления превентивного надзора носит технический характер. Суд связан с доводами представления и не вправе по своей инициативе разрешить какие-либо иные вопросы.

Например, судом Октябрьского района г. Могилева при рассмотрении представления учреждения «Лечебно-трудовой профилакторий № 7» УДИН МВД Республики Беларусь по Могилевской области о возобновлении превентивного надзора в отношении О. установлено, что в период его нахождения в ЛТП истекли сроки погашения судимости, явившейся основанием для установления превентивного надзора. Постановлением суда от 31 января 2019 г. в удовлетворении представления о возобновлении превентивного надзора отказано [5]. Таким образом, при наличии безусловного основания для прекращения превентивного надзора, установленного п. 2 ч. 11 ст. 80 УК, суд по месту нахождения ЛТП не мог выйти за пределы своих полномочий и разрешить этот вопрос.

Практическая реализация положений чч. 9, 10 ст. 80 УК доказала нецелесообразность судебной процедуры приостановления и возобновления превентивного надзора и необходимость совершенствования законодательства.

На основании анализа судебной практики и практики прокурорского надзора Генеральной прокуратурой Республики Беларусь внесены предложения о корректировке законодательства по вопросам приостановления и возобновления превентивного надзора.

Законом от 9 января 2019 г. № 171-З ч. 9 ст. 80 УК изложена в новой редакции, согласно которой при осуждении лица, за которым был установлен превентивный надзор, к наказанию в виде ограничения свободы, ареста или направлении его в ЛТП

превентивный надзор приостанавливается со дня начала срока отбывания этим лицом наказания или его нахождения в ЛТП и считается возобновленным со дня окончания срока отбывания назначенного ему наказания или его нахождения в ЛТП соответственно. Исключены ч. 10 ст. 80 УК, ст. 199 и 199-1 УИК, чч. 4 и 5 ст. 402-1 УПК, внесены корректировки в ст. 402-2 УПК [6].

Полагаем, что подобный подход является оправданным и ни в коей мере не снизит степень судебного контроля. Правильность исчисления срока превентивного надзора будет проверяться судом при разрешении вопросов о его продлении и прекращении. Устранение сложной, не урегулированной надлежащим образом судебной процедуры будет способствовать оптимизации работы органов внутренних дел, прокуроров и судов.

Важным вопросом является обеспечение правильного и единообразного применения данных новелл правового регулирования.

При определении срока приостановления превентивного надзора необходимо учитывать не только определение начала отбывания ареста или ограничения свободы, но и установленные чч. 2–4 ст. 46, ч. 4 ст. 58 УИК правила зачета в срок наказания времени нахождения осужденного в условиях несвободы (под стражей в порядке меры пресечения или под конвоем при следовании к месту отбывания наказания), а также времени самостоятельного следования осужденного к ограничению свободы в исправительное учреждение открытого типа.

По нашему мнению, разъяснения о порядке определения срока приостановления превентивного надзора должны найти свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре».

Еще одним существенным аспектом является обеспечение системности и непрерывности действий субъектов уголовно-исполнительной системы по осуществлению контроля за поднадзорными.

В этой связи представляется, что при освобождении поднадзорного из арестного дома, исправительного учреждения открытого типа, ЛТП администрация указанных учреждений обязана уведомить такое лицо о возобновлении превентивного надзора, выдать предписание о прибытии в установленный срок к месту жительства и постановке на учет, предупредить об ответственности за несоблюдение указанной обязанности. Лицо, отбывшее наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, должно быть уведомлено о возобновлении превентивного надзора органом внутренних дел по месту жительства.

Этот механизм контроля за поднадзорными необходимо регламентировать в Инструкции об организации работы органов внутренних дел по осуществлению превентивного надзора, утвержденной приказом Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21 сентября 2011 г. № 313.

Подводя итог сказанному, полагаем, что новеллы правового регулирования превентивного надзора, предусмотренные Законом от 9 января 2019 г. № 171-З, являются рациональными и будут способствовать повышению эффективности функционирования этого института при условии их надлежащей практической реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савенок, А. Л. Теория эффективности уголовного закона / А. Л. Савенок. – Минск : Аккад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 258 с.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь и Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2008 г., № 411-3 : принят Палатой представителей 27 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Игликова, А. А. О правоприменительной практике по вопросам исчисления сроков превентивного надзора / А. А. Игликова // Законность и правопорядок. – 2017. – № 3 – С. 45–49.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2014 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2014 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Архив суда Октябрьского района г. Могилева за 2019 г. – Материал № 3-41-2019 (1).

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2019 г., № 171-3 : принят Палатой представителей 19 дек. 2018 г. : одобр. Советом Респ. 20 дек. 2018 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

К содержанию

УДК 343.9 343.35

Н. С. ИЩЕНКО, Р. В. ТАГАЙ

Беларусь, Гомель, Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

К ВОПРОСУ О КОНТРАБАНДЕ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Контрабанда – это преступление, которое затрагивает экономические интересы Республики Беларусь. Возникновение экономических связей с другими странами стало толчком для возникновения такого негативного явления, как контрабанда, что не могло не вызвать у Республики Беларусь, а также и у других государств необходимости давать отпор контрабанде как уголовно-правовому явлению. При осуществлении внешнеэкономической деятельности субъекты – как граждане, так и юридические лица – должны четко выполнять все законные требования Республики Беларусь, так как отклонение от этих норм может нанести серьезный вред экономике нашего государства.

Республика Беларусь является страной – участницей Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). В связи с большими объемами перемещаемых товаров через таможенную границу ЕАЭС экономика нашего государства стала более

уязвима, так как число зарегистрированных фактов контрабанды таможенными органами Республики Беларусь растет. По данным таможенных органов Республики Беларусь, в 2018 г. «возбуждено 22 уголовных дела по фактам контрабанды товаров, ограниченных или запрещенных к перемещению через таможенную границу ЕАЭС, что на 30 % превышает показатель 2017 г. (17 уголовных дел).

На 30 % возросло количество уголовных дел, возбужденных таможенными органами по фактам незаконного перемещения через таможенную границу наличных денежных средств в крупном размере. В 2018 г. было возбуждено 12 уголовных дел по данной категории преступлений» [1].

Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» от 05.01.2016 № 356-З [2] были внесены коренные изменения, касающиеся уголовной ответственности за контрабанду.

Определение крупного размера согласно Примечанию 2 к ст. 228 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) не идентично. Если крупным размером для товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 328-1 и 333-1 УК Республики Беларусь, признается стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров, превышающая в две тысячи и более раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (с 1 января 2019 г. – 51 000 белорусских рублей), то при перемещении через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере наличных денежных средств или денежных инструментов признается сумма перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимость перемещаемых денежных инструментов, превышающая двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных Таможенным кодексом ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС) к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме (сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации) [3–5].

В связи с тем что запреты и ограничения устанавливаются большим количеством нормативных правовых актов, которые в свою очередь различными по юридической силе, как на уровне ЕАЭС, так и на уровне национального законодательства, то целесообразно поручение отдельным сотрудникам таможенных органов вести мониторинг законодательства в данной сфере. Это позволит легко ориентироваться в законодательстве и позволит участникам внешнеэкономической деятельности предотвратить возможное совершение ошибок при перемещении товаров ограниченных или запрещенных через таможенную границу ЕАЭС.

Наиболее острым, на наш взгляд, является вопрос определения крупного размера перемещаемых товаров, так как именно он разграничивает правонарушения между административным и уголовным.

Считаем необходимым законодательно разграничить и установить единый крупный размер для перемещаемых товаров для всех стран – участниц ЕАЭС, так как очень большие расхождения в сумме его определения. В Республике Армения крупным размером является 485 000 белорусских рублей, в Республике Казахстан 142 599,375 белорусских рублей, в Кыргызской Республике 1 623,32392 белорусских рублей, в Российской Федерации 32 898 белорусских рублей, а в Республике Беларусь – 51 000 белорусских рублей (таблица).

Таблица – Критерии определения крупного размера в странах – участницах ЕАЭС

Определение крупного размера перемещаемых товаров в странах – участницах ЕАЭС	Стоимость единицы изменения в национальной валюте государства – участника ЕАЭС	Количество единиц	Расчет крупного размера перемещаемого товара в национальной валюте государства – участника ЕАЭС	Расчет в белорусских рублях по курсу Национального банка Республики Беларусь на 01.02.2019 [6]
Республика Армения (минимальная заработная плата)	55 000 армянских драмов (AMD) [7]	2000 [8]	110 000 000	485 001
Республика Беларусь (базовая величина)	25,5 белорусских рублей (BYN) [4]	2000 [3]	51 000	51 000
Республика Казахстан (месячный расчетный показатель)	2 525 тенге (KZT) [9]	10 000 [10]	25 250 000	142 599,375
Кыргызская Республика (расчетный показатель)	100 сомов (KGS) [11]	5 000 [12]	500 000	1 623,32392
Российская Федерация (российские рубли)	1 000 000 российских рублей (RUB) [13]	1 000 000 [13]	1 000 000	32 898

Так, стоимость перемещаемых товаров в Республике Армении больше в 3,4 раза, чем в Республике Казахстан. Если сравнить Республику Армению и Республику Казахстан с Республикой Беларусь, то можно отметить, что в Республике Казахстан стоимость перемещаемых товаров примерно в 2,8 раза, а в Армении в 9,5 раза больше, чем в Республике Беларусь.

При этом немаловажным является то, что стоимость перемещаемых товаров в Кыргызской Республике примерно в 20,3 раза меньше, чем в Российской Федерации. Если сравнить Российскую Федерацию и Кыргызскую Республику с Республикой Беларусь, то можно отметить, что в Республике Беларусь стоимость перемещаемых товаров в РФ больше примерно в 1,5 раза, а в Кыргызской Республике в 31,4 раза.

Исследование уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств или денежных инструментов в Союзном государстве Беларуси и России показало, что в Республике Беларусь виды наказания суровее, чем в Российской Федерации.

Кыргызская Республика – это страна с самыми жесткими нормами при перемещении товаров в крупном размере, чем иные страны, входящие в ЕАЭС, а Республика Армения, наоборот, страна, позволяющая контрабандистам уходить

от уголовной ответственности. На основании произведенных расчетов можно отметить, что в Республике Армении стоимость перемещаемых товаров больше примерно в 298,8 раза, чем в Кыргызской Республике.

Представляется, что целесообразно определить крупный размер путем внесения изменений и дополнений в ТК ЕАЭС, как, к примеру, установлен размер перемещения наличных денежных средств и денежных инструментов.

При детальном изучении уголовного законодательства стран – участниц ЕАЭС были выявлены противоречия в нормах уголовных законов, касающихся контрабанды, что негативно сказывается на формировании единообразного подхода в определении противоправности этого правонарушения, отсутствие единого подхода в определении способов контрабанды, а также места их незаконного перемещения.

Представляется, что в области противодействия контрабанде в странах – участницах ЕАЭС необходима унификация уголовно-правовых норм. Различия в уголовно-правовых нормах в странах – участницах ЕАЭС – это невозможность выработки единых подходов для определения контрабанды как уголовно-правового явления.

Для эффективного противодействия контрабанде необходимо принять единый документ, в котором нашло бы отражение единое определение термина «контрабанда», а также определено место ее совершения, список предметов контрабанды, ограниченных и изъятых из оборота. При этом единый документ может быть как в форме протокола, так и в форме приложения к договору ЕАЭС, а возможно и издание иного документа странами – участницами ЕАЭС.

Крупный размер денежных средств и (или) денежных инструментов четко установлен в ТК ЕАЭС [5], но в ходе изучения ответственности за такой вид контрабанды были выявлены значительные расхождения в видах наказания, что, на наш взгляд, считается неправильным. Выход видится в установлении единых видов наказания за совершение такого преступления с разграничением ответственности при наличии квалифицирующих признаков.

Считаем, что только согласованные действия государств – участников ЕАЭС могут стать эффективными мерами в борьбе с контрабандой, объектами которой является экономическая безопасность государств, а также жизнь и здоровье населения.

Очевидно, что закрепление единых норм о контрабанде в уголовных законах государств – участников ЕАЭС, установление единых подходов в определении квалифицирующих признаков, единых видов наказаний для рассматриваемого преступления и единых перечней товаров с указанием товаров, ограниченных и запрещенных к перемещению в рамках ЕАЭС, а также установление единого крупного размера товаров, запрещенных или ограниченных к перемещению для всех государств – участников ЕАЭС, может стать следующим шагом в искоренении контрабанды как уголовно-правового явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Результаты работы таможенных органов Республики Беларусь за 2018 г. по линии правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] // Таможенные органы Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by/ru/pravoohranenije-gu/>. – Дата доступа: 12.04.2019.

2. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Об установлении размера базовой величины [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2018 г., № 956 // Совет Министров Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file516e7b7ecc863d0a.PDF>. – Дата доступа: 12.04.2019.

5. Таможенный кодекс Евразийского экономического Союза [Электронный ресурс] : принят в г. Москве 11.04.2017 г. : вступил в силу с 01.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Официальный курс белорусского рубля по отношению к иностранным валютам, устанавливаемый Национальным банком Республики Беларусь по состоянию на 01.02.2019 [Электронный ресурс] // Национальный Банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/rates/ratesdaily.asp>. – Дата доступа: 12.04.2019.

7. О минимальной месячной заработной плате [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 29 дек. 2003 г., № ЗР-66 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472/. – Дата доступа: 12.04.2019.

8. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 29 апр. 2003 г., № ЗР-528 : в ред. от 07.06.2018 г. № ЗР-322 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472/. – Дата доступа: 12.04.2019.

9. О республиканском бюджете на 2019–2021 годы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 30 нояб. 2018 г., № 197-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000197>. – Дата доступа: 01.02.2019.

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V : с изм. и доп. : по состоянию на 21 янв. 2019 г. // Параграф. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#pos=3856;-42&sel_link=1000032255_2. – Дата доступа: 12.04.2019.

11. Об утверждении размера расчетного показателя [Электронный ресурс] : постановление Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ., 15 июня 2006 г., № 1115-III // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/51948>. – Дата доступа: 12.04.2019.

12. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Жогорку Кенешем Кыргыз. Респ. 2 фев. 2017 г., № 19 : ввод. в действие с 1 янв. 2019 г. // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>. – Дата доступа: 12.04.2019.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>. – Дата доступа: 12.04.2019.

К содержанию

Е. И. КЛИМОВА

Беларусь, Минск, филиал Российского государственного социального университета

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Логическая структура расследования преступлений как системная уголовно-процессуальная деятельность органов уголовного преследования включает следующие компоненты: субъект, объект, предмет, формы, средства, методы и результаты, оцениваемые в соответствии с целями и задачами уголовного процесса. Уголовно-процессуальный закон не определяет методику расследования; тактику подготовки и проведения следственных, иных процессуальных действий; подготовки и принятия тактических, процессуальных и организационно-управленческих решений; обнаружения, исследования и использования следов преступления, полученных фактических данных. В соответствии с законами формальной и диалектической логики прикладная значимость научных исследований в области методики расследования преступлений и криминалистической тактики обуславливается соответствием их функциональной направленности, содержанию и структуре прикладных (уголовно-процессуальных) задач уголовного преследования, в частности порядку, принципам и задачам уголовного процесса в целом. Детерминированность задач методики расследования принципами и задачами уголовного процесса в той или иной степени отмечается рядом исследователей. И. А. Попов пишет, что при разработке методики расследования для обеспечения эффективности доказывания необходимо определить процессуальные особенности проверки и оформления доказательств, которые учитываются при расследовании, и способы анализа, сопоставления событий для установления истины по уголовному делу [1, с. 34]. Практически все авторы называют уголовный процесс как обязательный компонент научной базы криминалистики.

По общепринятому мнению, первым разделом методики расследования является криминалистическая характеристика преступления. Большинство авторов в структуру криминалистических характеристик преступлений включают способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; следственные ситуации исходя из информативности исходных данных; типичные материальные и идеальные следы преступления, место и условия их обнаружения; психологическую и социальную характеристику субъектов преступления; обстановку его совершения (время, место, социально-экономическую сферу и другие обстоятельства). При этом отмечают, что криминалистическая характеристика представляет собой научную абстракцию с той или иной степенью информативности, предназначение которой – дать объективное представление о преступлении, которое может быть отнесено по своему содержанию к обстоятельствам предмета доказывания; предоставляющую субъекту уголовного преследования вспомогательную информацию рекомендательного характера для оптимальной организации расследования [2, с. 144]. Споры о прикладном значении криминалистической характеристики преступлений ведутся до настоящего времени. Справедливым видится мнение Р. С. Белкина, что «криминалистическая характеристика как единый комплекс имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные

об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам» [3, с. 737].

Проблема выявления детерминированных связей и зависимостей между структурными элементами криминалистической характеристики как целостной модели и ее самой с другими компонентами методики расследования связана с неполным уяснением системы задач и показателей, необходимых для определения ее структуры, информативного наполнения и систематизации, с игнорированием при формировании методики расследования в системе базовых приоритетов такого критерия, как система целей и задач уголовного процесса. Хотя еще в 70-х гг. прошлого века А. В. Дулов обращал внимание на то, что одним из основных требований по установлению правовых основ методики расследования является обеспечение полного соответствия методических рекомендаций требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов [4, с. 241]. Криминалистическая характеристика в прикладном значении предназначена для использования на первоначальном этапе расследования и поэтому функционально должна соответствовать первоочередным прикладным уголовно-процессуальным задачам. Реализация функции уголовного преследования на этом этапе предполагает принятие уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и иных мер для обнаружения преступления; выявления лиц, его совершивших, и их задержания; возбуждения уголовного дела.

Данные цели реализуются посредством получения в установленном законом порядке относимых, допустимых и достаточных фактических данных. Однако каждое из обстоятельств, составляющих предмет доказывания, в том числе виновность обвиняемого, может быть установлено только лишь на основе достоверных доказательств (ч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК). Доказательства признаются достоверными, если они проверены в установленном порядке. Проверка доказательств состоит в их анализе, сопоставлении с другими доказательствами, имеющимися в материалах и уголовном деле, а также в установлении их источников, получении других – новых доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ч. 2 ст. 104 УПК). Из буквального смысла требований законодателя следует вывод, что законом предусмотрены специальные совокупности доказательств, полученных из самостоятельных источников, посредством которых устанавливается каждое отдельное обстоятельство, подлежащее доказыванию и имеющее значение для правильного разрешения уголовного дела. Так, показания обвиняемого о совершении им преступления вне зависимости от их полноты и детализации, не подтвержденные в ходе проверки фактическими данными, полученными из других источников, не будут признаны достоверными и не смогут служить основанием для признания его виновным. Фактические данные, содержащиеся в одном источнике, например в протоколе осмотра места происшествия или показаниях свидетеля, могут содержать доказательственную информацию о нескольких подлежащих установлению обстоятельствах. В таком случае они должны быть проверены в обозначенном порядке отдельно по каждому из устанавливаемых обстоятельств и могут быть признаны достоверными как в целом, так и частично.

Вопросы формирования и обеспечения достаточной совокупности достоверных доказательств в ходе расследования преступлений являются актуальными с 50-х гг. прошлого столетия, о чем свидетельствует следственная и судебная практика. Причинами такого положения является наличие серьезных проблем при определении направлений, структуры и специфики доказывания, особенно в проблемных и конфликтных ситуациях, что усугубляется отсутствием достаточных научных

криминалистических исследований в этой сфере. Существующие методические рекомендации в основном ориентированы на формально-абстрактное описание иногда десятков способов совершения того или иного преступления, например взяточничества, без систематизации и структурирования объективных элементов (обстоятельств), характеризующихся определенными уголовно-правовыми признаками, способов их подготовки, совершения и сокрытия [5]. Представляется правильным в рамках криминалистических характеристик отдельных преступлений, осуществляемых их субъектами в виде последовательной деятельности, и при включении определенных пространственно-временных параметров структурировать их компоненты не в виде суммарного набора отдельных следовых характеристик, а в соответствии с учетом наличия связей между конкретными способами совершения того или иного противоправного деяния и с неизбежностью оставляемыми им следами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов, И. А. Предмет, метод и задачи методики расследования отдельных видов преступлений: исторический аспект / И. А. Попов // Актуальные проблемы правообразования. – 2018. – № 3. – С. 31–34.
2. Латыпова, М. Г. Спорные вопросы создания частной методики расследования преступлений / М. Г. Латыпова // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 142–144.
3. Белкин, Р. Ф. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2001. – 837 с.
4. Криминалистика : в 2 т. / под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1970. – Т. 2. – 477 с.
5. Луценко, О. А. Роль криминалистической характеристики в расследовании взяточничества / О. А. Луценко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 10. – С. 129–133.

К содержанию

УДК 343.8(038)

В. В. КОВАЛЕНКО¹, И. А. КОЛЬ²

¹Украина, Киев, Национальная академия правовых наук Украины

²Украина, Киев, прокуратура Киевской области

О ФОРМИРОВАНИИ В УКРАИНЕ ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ К ЗАКЛЮЧЕННЫМ, ЛИШЕННЫМ СВОБОДЫ, МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Как показывает практика, один из периодов развития организационно-правовой базы применения определенных в украинском законодательстве мер физического воздействия, специальных средств и оружия к заключенным, лишенным свободы, приходится на 2004–2013 гг. В это время принят ряд нормативно-правовых актов, имеющих прямое отношение к указанной деятельности. В первую очередь речь идет об Уголовно-исполнительном кодексе Украины (далее – УИК Украины), в ст. 105, 106 которого были закреплены соответствующие положения по этим вопросам, которые действуют и в настоящее время. При этом следует отметить, что в них не было

положения о том, что меры физического воздействия, специальные средства и оружие применяются к заключенным, лишенным свободы, в исключительных случаях, которые характерны для содержания международно-правовых актов по указанной проблематике [1]. И это притом, что необходимость такого упорядочения внутренних и международных правовых актов была изложена в Законе Украины от 18 марта 2004 г. «Об общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза». Однако ни в этот период (2004–2013), ни впоследствии эта задача на законодательном уровне не была решена, и УИК Украины по обозначенным вопросам остается неизменным. Не изменилась ситуация в этом контексте и после принятия законов Украины «О национальной гвардии Украины» и «О национальной полиции», которые также не имеют положений о том, что определенные на нормативно-правовом уровне меры пресечения применяются только в исключительных случаях.

Казалось бы, что эта проблема должна была быть решена Законом Украины от 23 июня 2005 г. «О Государственной уголовно-исполнительной службе», в ст. 19 «Применение силы персоналом Государственной уголовно-исполнительной службы Украины» было указано, что лица рядового и начальствующего состава уголовно-исполнительной службы при исполнении уголовных наказаний в пределах полномочий, имеют право в порядке и случаях, предусмотренных УИС Украины, Законом Украины «О милиции» и другими законами Украины, применять физическую силу, использовать служебных собак, а также хранить и носить специальные средства и оружие, использовать и применять их самостоятельно или как часть подразделений.

Таким образом, как и в данном Законе, так, собственно, и в Законе Украины «О милиции», в частности в ст. 13–15-1, положение об исключительном характере таких действий установлено не было. Не было оно отражено и в декабре 2003 г. в Правилах внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний (ПВР УИН) [2]. В частности, в разд. XII настоящих правил «Основания для использования физического воздействия, специальных средств и оружия» хотя и дается расширенное толкование соответствующих норм УИК Украины, но ничего не говорится об исключительном содержании такой деятельности персонала ГУИС Украины, что было важно с учетом требований международно-правовых актов по изложенным вопросам и с учетом практики Европейского суда по правам человека, решение которого с 2006 г. (времени принятия Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека») является обязательным для исполнения Государством Украина.

Ничего по этому поводу не было сказано в первом в то время (2005 г.), научно-практическом комментарии к УИК 2003 г. [3, с. 353–356], в последующих аналогичных доктринальных источниках 2008 г. [4, с. 314–316], 2010 г. [5, с. 228–229] и 2012 г. [6, с. 318–321], а также в других учебно-методических изданиях этого периода (учебниках, пособиях и т. д.). И опять же это при том, что Украина в 2006 г. полностью ратифицировала (лат. *ratificatio* – решено, утверждено) [7, с. 488] Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, к которым, в частности, присоединилась в ноябре 1998 г.

Наряду с этим следует отметить, что вопрос соответствия терминологии и норм международного права, включая применение мер физического воздействия, специальных средств и оружия, постоянно находился в 2004–2013 гг. в центре внимания ученых, что свидетельствует об актуальности, теоретической и практической важности этой проблемы исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минимальные стандартные правила обращения с осужденными, принятые 30.08.1955 г. на I Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с осужденными : сб. междунар.-правовых актов и соглашений о деятельности пенитенциар. учреждений и обращении с заключенными / упор. О. И. Шинальский [и др.]. – Киев : Анна-Т, 2008. – С. 18–36.
2. Правила внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний : утв. приказом ГДУ ПВП, 25 дек. 2003 г., № 275 // Офиц. вестн. Украины. – 2004. – № 52, ч. 2. – Ст. 2898.
3. Степанюк, А. Х. Уголовно-исполнительный кодекс Украины : науч.-практ. комментарий / А. Х. Степанюк, И. С. Яковец ; под общ. ред. А. Х. Степанюка. – Харьков : Одиссей, 2005. – 560 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Украины / А. Р. Гель [и др.] ; под общ. ред. А. Х. Степанюка. – Киев : ЮрИнком Интер, 2008. – 496 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Украины / И. Г. Богатиров [и др.] ; под общ. ред. И. Г. Богатырева. – Киев : Atica, 2010. – 344 с.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Украины : науч.-практ. комментарий / под общ. ред. В. В. Коваленко, А. Х. Степанюка. – Киев : Atica, 2012. – 492 с.
7. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тыс. слов / А. Н. Булыко. – Изд. 3-е, испр., перераб. – М. : Мартин, 2010. – 704 с.

К содержанию

УДК 343.98

В. М. КОЗЕЛ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ГРАЖДАН

Актуальность рассматриваемого вопроса связана с тем, что ежегодно в стране в результате несчастных случаев, криминальных обстоятельств, природных и техногенных катастроф и других причин пропадает неоправданно большое количество людей.

Основная роль в установлении и розыске без вести пропавших лиц принадлежит органам внутренних дел. Необходимо признать, что, несмотря на проделанную работу в данном направлении со стороны Министерства внутренних дел, имеется ряд проблем, связанных с необходимостью совершенствования правового, оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения розыска и установления местонахождения различных категорий граждан, и прежде всего это относится к практике организации розыска без вести пропавших лиц.

Качество расследования уголовных дел данной категории не отвечает предъявляемым требованиям:

– в работе распространена пассивная констатация отдельных фактов без их тщательного и всестороннего анализа;

– по-прежнему имеют место факты некачественного проведения осмотров мест последнего пребывания исчезнувших;

– продолжается фактически неэффективная практика изъятия различных предметов обихода исчезнувших лиц безотносительно к их полезности для установления обстоятельств исчезновения для идентификации пропавших;

– по отдельным уголовным делам не всегда на должном уровне организовано взаимодействие между следователем и сотрудниками уголовного розыска;

– наиболее типичным просчетом в организации розыскной работы является формальный подход к планированию оперативно-розыскных и иных мероприятий без учета особенностей личности разыскиваемого.

За 2018 г. объявлено в розыск 915 без вести пропавших лиц, из них 86 в Гродненской области. В результате проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий было установлено местонахождение 879 лиц, из них 81 в Гродненской области. Вместе с тем, несмотря на проведенную работу всеми заинтересованными, остаток неустановленных лиц в стране увеличился с 2 637 до 2 673 (+36), в Гродненском регионе с 241 до 246 (+5) [1].

Тенденция увеличения числа объявленных в розыск и соответственно неустановленных лиц отмечалась и в предыдущем периоде. Так, в 2017 г. было объявлено в розыск 890 без вести пропавших (85 – в Гродненской области), установлено местонахождение 826 (78 – в Гродненской области), что привело к увеличению числа неустановленных лиц с 2 573 до 2 637 (+64), в Гродненском регионе с 234 до 241 (+7) [2].

Мы понимаем, что факт отсутствия гражданина по месту его регистрации или фактического проживания порождает:

– гражданско-правовые (потеря кормильца);

– уголовно-правовые;

– уголовно-процессуальные правоотношения [3, с. 7–9].

В гражданском праве существует институт «безвестное отсутствие» и «объявление умершим». В Республике Беларусь данные отношения регулируются ст. 38–42 Гражданского кодекса [4].

Разыскиваемых лиц в теории и практике традиционно подразделяют:

– на лиц, бежавших или скрывающихся от следствия, суда и т. п.;

– иностранцев и лиц без гражданства, скрывающихся от учета органов внутренних дел;

– граждан, потерявших связь с родственниками;

– пропавших без вести [5, с. 6].

Анализ поступивших в органы внутренних дел заявлений по факту исчезновения граждан показывает, что далеко не во всех случаях отсутствие информации об их нахождении свидетельствует о противоправном деянии в их отношении.

На мой взгляд, сегодня происходит подмена понятий, а именно слияние третьей и четвертых групп, при рассмотрении соответствующих заявлений и сообщений в отношении граждан, потерявших в силу различных обстоятельств связь с родственниками, что выражается в нецелесообразном длительном ведении розыскных дел, а также поспешном принятии решения о возбуждении уголовных дел соответствующей категории.

Согласно ст. 30 Конституции, граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно [6].

При этом обязанность уведомления своих близких и знакомых лежит в иной, отличной от розыскной и следственной деятельности плоскости.

Используя данное право, мы свободно выбираем маршрут нашего передвижения исходя из внешней необходимости и внутренней потребности, среди которых с определенной условностью можно выделить:

- трудовую миграция (выезд в страны как дальнего, так и ближнего зарубежья);
- служебные командировки;
- туристические поездки;
- посещение близких и дальних родственников;
- желание избежать привлечения к уголовной и иной ответственности;
- другие причины.

Состав безвестного исчезновения фактически образуют следующие обстоятельства: внезапное исчезновение; отсутствие видимой причины исчезновения; отсутствие гражданина в месте постоянного (обычного) проживания; отсутствие сведений о его местонахождении.

Как следствие, сочетание в той или иной форме всех указанных признаков образует понятие безвестно отсутствующего лица.

В теории оперативно-розыскной деятельности под без вести пропавшими понимаются лица, исчезнувшие внезапно, без видимых к тому причин, местонахождение которых для окружающих неизвестно [7, с. 41].

Современная криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности делят розыск по содержанию проводимых мероприятий на розыск в узком и широком смысле этого понятия [3, с. 6].

Вместе с тем принятие решения о возбуждении уголовного дела ввиду процессуального срока без надлежащей проверки, имевшее место по объективным причинам в 1990-е гг., на сегодняшний день нуждается в определенной переоценке.

Отдавая дань уважения значительному вкладу в разработку теоретических основ данного направления таких ученых, как В. М. Аتماжитов, Р. С. Белкин, В. Г. Гавло, Л. Я. Драпкин, Ю. П. Дубягин, Е. Ф. Коновалов, А. М. Ларин, В. А. Лукашов, В. П. Цильвик и др., необходимо признать, что исследования данных ученых выполнены в советский период, в настоящее время не отвечают потребностям современной практики и, как следствие, не в полной мере позволяют использовать полученные результаты в целях эффективного расследования и оперативного розыска без вести пропавших.

В Республике Беларусь монографических исследований по теме расследования фактов исчезновения граждан не проводилось, при этом определенные аспекты оперативно-розыскной деятельности при розыске без вести пропавших рассматривались в работах Л. В. Саленика [8], В. Ч. Родевича и А. Н. Толочко [9].

Таким образом, для принятия взвешенного решения о внесении соответствующих предложений в нормативные акты, регламентирующие организацию работы правоохранительных органов Республики Беларусь в части установления местонахождения без вести пропавших лиц, необходимо провести глубокий анализ розыскных и возбужденных уголовных дел за последние десятилетия с отражением реального положения истинных причин исчезновения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by>. – Дата доступа: 21.03.2019.

2. Управление внутренних дел Гродненского облисполкома [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uvd.grodno.by>. – Дата доступа: 21.03.2019.

3. Лагун, Н. И. Особенности расследования уголовных дел о безвестном исчезновении граждан / Н. И. Лагун. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 59 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2018 г. – Режим доступа: <https://www.pravo.by>. – Дата доступа: 21.03.2019.

5. Качур, А. М. Организация розыска лиц, пропавших без вести : учеб. пособие / А. М. Качур, В. Ю. Фролов. – Омск : ВШМ МВД СССР, 1987. – 145 с.

6. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Режим доступа: <https://www.pravo.by>. – Дата доступа: 21.03.2019.

7. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.

8. Саленик, Л. В. Вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования розыскной работы / Л. В. Саленик // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2002. – № 2. – С. 206–209.

9. Родевич, В. Ч. Современное состояние и правовое обеспечение розыска обвиняемых в Республике Беларусь / В. Ч. Родевич, А. Н. Толочко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д., Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 13. – С. 183–188.

К содержанию

УДК 343

В. Д. КОЗЛОВА

Беларусь, Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – **Н. В. Пантелеева**, кандидат юридических наук, доцент

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ В МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ

Понятие крайней необходимости нашло свое отражение в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Ст. 36 УК раскрывает понятие крайней необходимости: это деяние, совершенное для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, правам и законным интересам общества или государства, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный; ч. 2 этой же статьи дополняет, что также в случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить [1]. Следовательно, крайняя необходимость определена реальной и наличной опасностью причинения вреда отношениям, охраняемым уголовным законом. Юридическим основанием возникновения крайней необходимости является столкновение двух объектов, охраняемых уголовным законодательством Республики Беларусь. Таким образом, сохранность одного объекта зависит от нарушения сохранности другого. Крайняя необходимость в медицинской практике не наступает

при обращении пациента за медицинской помощью. Для медицинского работника состояние крайней необходимости наступает при наличии двух и более интересов (при так называемой «коллизии интересов»). В уголовном праве имеются общие критерии опасности, которые приводят к состоянию крайней необходимости и которые могут быть причислены к причиненному вреду в момент исполнения медицинским работником своих должностных обязанностей. Состояние крайней необходимости может возникать из-за природных катаклизмов (снегопады, наводнения, ураганы и т. д.), атаки диких животных, технических неполадок (неисправность транспортных средств), физических или патологических процессов (болезненное состояние), коллизии двух обязанностей (чаще всего она проявляется у врачей, когда нужно спасти одновременно двух и более человек).

Одним из обязательных критериев также является реальное существование опасности. Когда опасность существует лишь в воображении лица, действовавшего как бы в состоянии крайней необходимости, будет считаться «мнимой крайней необходимостью». Самым важным вопросом крайней необходимости считается наличие вариативности действия медицинского работника, т. е. могло ли лицо поступить иначе и с меньшим вредом в данной ситуации. Часто в юридической литературе необходимость именуется крайней, так как является безальтернативным действием. Хотя ст. 36 УК и указывает на то, что лицо при данных обстоятельствах не могло устранить опасность другими средствами, однако это не означает, что другого варианта действия у врача не было. Медицинский работник в качестве специального субъекта должен сам определять, какой вариант крайней необходимости следует выбрать.

Таким образом, институт крайней необходимости законодательно закреплён для того, чтобы предотвратить реально существующую и наличную опасность причинения вреда значимым объектам уголовно-правовой охраны. Медицинский работник должен сохранять произвольную вариативность своего поведения. Если же наличие собственной воли при крайней необходимости отсутствует, то и оценивать поведение врача по правилам ст. 36 УК мы не можем.

Следующим важным вопросом являются пределы крайней необходимости медицинского сотрудника. Данная ситуация возникает в процессе оказания медицинской помощи двум и более лицам, так как врач должен дать профессиональную оценку, чье состояние из больных лиц является более тяжелым. Отличительная черта медицинской крайней необходимости заключается в том, что чаще всего происходит «конфликт интересов» между пациентом и третьим лицом, которое также чаще всего является пациентом. Основное условие допустимости причинения вреда в состоянии крайней необходимости – причиненный вред должен быть меньше предотвращенного. Главной целью медицинской деятельности является сохранение жизни и здоровья лицу. Сложнее обстоит дело, когда врачу нужно принимать решение в пользу одного из пациентов, и он по этой причине отказывается в немедленном оказании помощи другому. Вопрос о количественной допустимости причиняемого вреда в состоянии крайней необходимости является более сложным, чем качественная такая же допустимость.

Таким образом, национальное уголовное законодательство исходит из того, что причинение смерти одному лицу во благо спасения жизни другому невозможно и является преступлением, а не крайней необходимостью. Данный принцип находит свое отражение и в медицинской этике и дает однозначный ответ: спасение жизни одного пациента за счет другого недопустимо, ибо противоречит основополагающей профессиональной истине «не навреди». Поэтому причинение вреда в состоянии крайней необходимости в медицинской практике не может быть оправдано.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

К содержанию

УДК 343.8(477)

А. Г. КОЛЬ¹, Т. В. ПОПЕЛНЮК²

¹Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

²Украина, Запорожье, Классический частный университет

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПРИЗНАКАХ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ УКРАИНЫ

Как показывает практика, одной из детерминант, которая снижает уровень и эффективность исполнения наказания в Украине, является совершение преступления персоналом органов и учреждений исполнения наказаний. Если суммировать данные о состоянии преступлений, совершенных в 1991–2018 гг., то «криминологический портрет» этой категории лиц преступников имеет следующий вид.

В частности, информация, полученная при исследовании уголовных дел (производств), показала, что большинство субъектов преступлений среди персонала Государственной уголовно-исполнительной службы (ГУИС) Украины имели общее среднее образование (60 %). Кроме того, 29 % из этих лиц имели специальное (на уровне техникума, колледжа и т. д.) полное образование и незаконченное высшее образование, в том числе на уровне бакалавра. Другие субъекты преступности имели высшее образование (11 %). При этом следует отметить, что большинство субъектов преступлений (74 %) имели юридическое, а 19 % – педагогическое образование, 5 % окончили другие учебные заведения (экономисты, финансисты и др.). Большинство преступлений в их общей структуре были совершены лицами из числа младшего начальствующего состава (58 %), 25 % – средним начальствующим составом, 12 % – старшим начальствующим составом, 5 % – другими лицами (государственными служащими и лицами, участвующими в работе ГУИС Украины в соответствии с требованиями трудового законодательства). Как установлено в процессе этого научного поиска, указанная структура личности преступника по профессиональному признаку постоянна на протяжении всего периода изучения (с 1991-го по 2018 г. включительно). Так, в 2005–2010-х гг. (период самостоятельного функционирования органов и учреждений исполнения наказаний в системе государственной исполнительной власти) эта структура была следующей (всего за этот период сотрудники ГУИС Украины совершили 396 преступлений): а) лица младшего начальствующего состава – 251 преступление; б) лица среднего начальствующего состава – 98 преступлений; в) лица старшего начальствующего состава – 45 преступлений; г) лица из числа государственных служащих – 2 правонарушения [1, с. 60].

В то же время в 2015–2016 гг. (период современной реформы ГУИС Украины) структура личности преступника состояла из следующих субъектов: 1) 37 лиц рядового и младшего начальствующего состава (36 % в структуре указанного вида преступления, или на 8 % меньше, чем в 2015 г.); 2) 20 лиц среднего начальствующего состава (19,45 %, или на 1 % меньше, чем в 2015 г.); 3) 10 лиц старшего начальствующего состава (10 %, или на 9 % меньше, чем в 2015 г.); 4) 15 человек из числа персонала ГУИС Украины, которые были задействованы в сфере исполнения наказания в соответствии с трудовым законодательством (14,9 %, или на уровне 2015 г.); 5) другие лица (23 уголовных производства, или 19,6 %, оставшихся на уровне 2015 г.), относительно которых в 2016 г. уведомление о подозрении в совершении преступления не было вручено (производство возбуждено по факту совершения преступлений) [2, с. 13].

В разрезе конкретных категорий сотрудников органов и учреждений исполнения наказания криминологическая информация о личности преступника в 2016 г. имела такое содержание: а) отделы надзора и безопасности учреждений исполнения наказаний – 24 производства (20 % в структуре всех зарегистрированных преступлений); б) отделы режима и защиты учреждений исполнения наказаний (УИН) и следственных изоляторов (СИЗО) – 15 производств (14,9 %); в) руководящий состав учреждений исполнения наказаний (начальники и их заместители) – 10 производств (10 %); г) производственный персонал, а также медицинский персонал УИН и СИЗО – 6 производств (5,9 %); д) отделы социально-психологической службы УИН и СИЗО – 4 производства (3,9 %); е) персонал оперативных подразделений – 3 производства (2,9 %); ж) персонал органов пробации – 3 производства (2,9 %); и) персонал территориальных управлений ГУИС Украины – 3 производства (3,9 %); к) другие лица из числа персонала – 8 производств (7,9 %); л) неустановленные лица из числа персонала – 23 производства (уголовные производства открыты по факту совершения преступлений (27,7 %)) [2, с. 13–14]. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в соответствии с требованиями действующего законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов сначала Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний (ГДУВИН), позже Государственной пенитенциарной службы Украины (ГПТС), а в настоящее время – Министерства юстиции Украины, все категории персонала периодически (не менее одного раза в течение 5 лет) проходят курсы повышения профессиональной квалификации в специализированных центрах (училищах) ГУИС Украины и высших учебных заведениях III–IV уровней аккредитации, что должно было бы стать одной из эффективных общесоциальных мер по предупреждению преступности со стороны этих лиц. Однако на практике, к сожалению, этого не происходит, что, в свою очередь, свидетельствует об увеличении общественной опасности тех лиц из числа персонала органов и учреждений исполнения наказаний, которые совершают преступления во время своей служебной деятельности.

С учетом вышеизложенного необходимым мероприятием в этом контексте и в силу решения задач профилактической деятельности является повышение эффективности общественного контроля относительно персонала ГУИС Украины, с одной стороны, а также закрепление на уровне закона обязанности руководителей органов и учреждений по исполнению наказаний периодически отчитываться (не реже одного раза в год) о состоянии исполнения и отбывания наказаний и соблюдении основных прав, свобод и гарантий реализации осужденными их законных интересов – с другой. Внимание к упомянутому обстоятельству, которое относится к одному из звеньев детерминационной цепочки причин и условий совершения преступлений среди

персонала ГУИС Украины в сфере исполнения наказаний, также обусловлено тем, что сегодня на нормативно-правовом уровне Министерство юстиции Украины (которое не относится к правоохранительным органам в соответствии с Законом Украины от 23 декабря 1993 г. «О государственной защите сотрудников судебных и правоохранительных органов») не предусматривает профилактического учета лиц из числа персонала органов и учреждений исполнения наказаний, со стороны которых можно ожидать совершения преступлений [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминологические и оперативно-следственные принципы предупреждения преступлений и правонарушений, совершаемых персоналом исправительных колоний : монография /общ. ред. В. В. Коваленко. – Киев : АТИКА, 2011. – 367 с.

2. О деятельности подразделений охраны, надзора и пожарной безопасности учреждений исполнения наказаний в 2016 году : информ. бюл. – Киев : М-во юстиции Украины, 2017. – 43 с.

3. О государственной защите сотрудников судебных и правоохранительных органов // Ведомости Верхов. Рады Украины. – 1994. – № 4. – Ст. 50.

К содержанию

УДК 343.8(477)

С. А. КОЛЬ¹, Р. О. КОЛЬ²

¹Украина, Луцк, АО «Бона Фиде»

²Украина, Луцк, АО КБ «Приватбанк»

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В науке под предупреждением преступности понимают совокупность различных видов деятельности и мероприятий в государстве, направленных на совершенствование общественных отношений с целью устранения негативных явлений и процессов, порождающих преступность или способствующих ей, а также недопущения совершения преступлений на разных стадиях преступного поведения [1, с. 142]. Как по метко заметил А. П. Закалюк, предотвращение преступности как разновидность общественной деятельности относится к таким важным направлениям последней, как социальный контроль и социальная профилактика, как целенаправленная деятельность по предотвращению нарушений любых общественных норм, устранение причин, порождающих эти нарушения [2, с. 323]. Кроме этого, как показали результаты данного исследования, в научной литературе и нормативно-правовых актах Украины применяются и другие аналогичные термины, а именно: «профилактика преступности» [3, с. 107–142], «борьба с преступностью» [4, с. 317–324], «формальная реакция на преступность» [5, с. 376–432], «предупреждение преступности» [5, с. 201–232], «превентивная деятельность» (Закон Украины «О Национальной полиции»), «противодействие преступности» и др. В целом, не вдаваясь в смысловые различия указанных терминов, поскольку это не входит в перечень задач данной научной работы, стоит согласиться с выводом А. П. Закалюка по их соотношению между собой, который он обоснованно доказал в своих трудах: эти термины имеют общую содержательную деятельностьную основу, которая заключается в совершении действий

по недопущению какого-либо явления, события, поступка. Вместе с тем некоторые из указанных терминов имеют разное функциональное наполнение и получили на практике отдельную смысловую нагрузку [2, с. 319].

В то же время следует признать на научном уровне и другой неоспоримый факт: в нормах материального права (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 50 УК, ч. 1 ст. 1 КИК, Законах Украины «О предотвращении коррупции», «Об оперативно-розыскной деятельности»; «О службе безопасности Украины» и др.) законодатель закрепил термин «предупреждение преступности», чем признал его приоритетность и более содержательную объемность как разновидности общественной деятельности, функциональное содержание и цель которой заключается в препятствовании действия детерминант преступности и ее проявлений, прежде всего причин и условий последних, через ограничение, нейтрализацию, а по возможности – устранение их действия [2, с. 324].

Именно из этих соображений предупредительная деятельность в данной статье рассмотрена в контексте содержания термина «предупреждение преступности». Более того, такая позиция основывается на том, что предупреждение преступности как отдельная научная проблема опирается на теоретические положения криминологии, которая широко ими пользуется, но не сводится только к ним, имея более прикладной характер [2, с. 324]. В частности, как верно заметил В. В. Голина, как интегративная система организованного противодействия преступности, предупреждение преступности включает в себя различные меры разных областей знаний [1, с. 142]. При этом классификация мер в науке осуществляется по различным критериям, а именно: а) по уровню предупреждения: общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные меры [1, с. 143]; б) по уровню вертикальной дифференциации: общий (первый), специальный (второй), индивидуальный (третий) уровни [6, с. 54–55]; в) по масштабу предупреждения: мероприятия, которые осуществляются в территориальном разрезе; на отдельном объекте; в отношении группы лиц [1, с. 143]; г) по социальному уровню: общесоциальные; предупреждающие социальные патологии; специальные (криминологические) [6, с. 55]; д) по содержанию: мероприятия социально-экономического, социально-демографического, технологического, экологического, правового и иного характера [1, с. 143]; е) по объему (массовости охвата): общие (обезличенные), особые (групповые), индивидуальные (конкретные) [6, с. 57]; ж) по субъектам предохранения: мероприятия, осуществляемые органами всех ветвей власти; организациями; трудовыми объединениями; учреждениями; отдельными гражданами [1, с. 143]; и) по объектам: предупреждение тех видов преступлений, состав которых определен в Особой части УК Украины [1, с. 143] и др.

Кроме этого, криминологи предлагают и некоторые другие классификационные критерии разделения профилактических мер, которые, однако, существенных различий с теми, речь о которых велась выше, не имеют, так как классификация как на доктринальном, так и на других уровнях (нормативно-правовом, правоприменительном, правоохранительном и т. д.) осуществляется для надлежащего упорядочения профилактических мер, четкого определения уровня и направлений предупредительной деятельности субъектов, их компетенции, а также природы самих мероприятий [1, с. 142].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник / под ред. В. В. Голины, Б. Н. Головкина. – Харьков : Право, 2014. – 440 с.
2. Закалюк А. П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика : в 3 кн. / А. П. Закалюк. – Киев : Ин Юре, 2007. – Кн. 1 : Теоретические основы и история украинской криминологической науки. – 424 с.

3. Криминология : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / под общ. ред. А. Н. Джужи. – Киев : Одиссей, 2002. – 416 с.

4. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2002. – 848 с.

5. Шнайдер, Г. И. Криминология / Г. И. Шнайдер ; под общ. ред. и с предисл. Л. А. Иванова ; пер. с нем. – М. : Прогресс : Универсал, 1994. – 504 с.

6. Криминология : учеб. пособие / под ред. А. Н. Джужи. – Киев : Атика, 2009. – 312 с.

К содержанию

УДК 343

Е. А. КОРОТИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ ПАЦИЕНТА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», пациентом признается лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь. И медицинская помощь, и медицинское наблюдение осуществляются в целях обеспечения охраны здоровья человека, в связи с чем права пациента в первую очередь ассоциируются с тем комплексом правомочий, которые предусмотрены действующим законодательством в качестве основных проявлений права человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи. И хотя упомянутый Закон Республики Беларусь как основной источник правового регулирования отношений в сфере реализации прав пациента закрепляет достаточно широкий перечень прав лица, которому оказывается медицинская помощь или предоставляются медицинские услуги, основным правом является право на охрану здоровья, гарантирование которого осуществляется в том числе при помощи системы уголовно-правовых норм.

Следует отметить, что институт уголовной ответственности за преступления против прав пациента как элемент более широкого института уголовно-правовой охраны прав и свобод человека является не новым и, надо признать, достаточно разработанным элементом уголовно-правового воздействия. К сожалению, сказанное не может быть в полной мере экстраполировано на механизмы уголовно-правовой защиты прав пациента при оказании высокотехнологичной медицинской помощи, т. е. при применении таких современных медицинских технологий, как генная инженерия, информационная медицина, вспомогательные репродуктивные технологии и т. д.

Будучи результатом развития современной медицины и биологии, новые технологии, действительно, позволяют значительно повысить качество медицинской помощи и, соответственно, уровень защиты жизни и здоровья тех лиц, которые в ней нуждаются. Вместе с тем, как свидетельствуют данные средств массовой информации, законодательный опыт ряда зарубежных государств, а также предусмотренные на

международном уровне нормы-запреты и нормы-принципы, применение ряда современных медицинских технологий требуют (в превентивных и охранительных целях) расширения сферы криминализации, в том числе посредством формулирования специальных уголовно-правовых запретов в рассматриваемой области.

Безусловно, такого рода запреты должны быть социально обусловленными и экономически обоснованными, что предполагает необходимость прогнозирования возможных угроз, связанных с применением современных медицинских технологий, в том числе на основе тщательного изучения следственно-судебной практики в данной области. Однако именно данное направление работы существенно осложняется фактом высокой степени латентности преступлений, которые совершаются в сфере здравоохранения. В этой связи основным источником получения информации и прогнозирования возможных рисков в рассматриваемой области должны быть сообщения средств массовой информации, жалобы граждан на действия медицинских работников, а также законодательный опыт зарубежных государств.

Помимо проблем, связанных с получением эмпирических данных относительно противоправного использования современных медицинских технологий, не менее актуальным вопросом при формулировании уголовно-правовых норм в данной области может быть признан этический компонент предполагаемых запретов. Можно ли признавать допустимым производство аборта в целях получения эмбрионального материала для фетальной терапии, нужна ли особая регламентация ответственности (в том числе медицинских работников) в случае прекращения жизни неизлечимо больного пациента по его просьбе, как соотносится право пациента на отказ от медицинской помощи (в том числе медицинского вмешательства), гарантированное ст. 41 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», с запретом эвтаназии, насколько соответствуют правовые запреты коммерциализации человеческого тела (его частей) с предлагаемой системой соматических прав человека и т. д.? Следует отметить, что ответы на указанные и иные вопросы предполагают в первую очередь создание должного механизма правового регулирования, соответствующего выработанным на международном уровне стандартам, и лишь потом – формирование охранительного ресурса уголовного права в рассматриваемой области.

Следует отметить, что при построении системы преступлений, нарушающих права пациента в сфере медицины высоких технологий, чаще всего артикулируются такие характеристики данных посягательств, как наличие специального субъекта (медицинского работника), средство совершения преступления (современные медицинские технологии) и нарушение отношений в особой сфере – сфере оказания высокотехнологичной медицинской помощи. Между тем, как представляется, такой подход сужает область криминализации, поскольку современные медицинские технологии как таковые могут стать средством совершения преступления не только со стороны работников системы здравоохранения, но и лиц, занимающихся, в частности, научно-исследовательской деятельностью, связанной с разработкой и апробацией новейших достижений современной медицинской науки, а также иных лиц, обладающих специальными познаниями в области медицины и биологии. По этой причине представляется актуальной практика закрепления уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за использование запрещенных на национальном или международном уровне медицинских технологий, которые должны дополнять систему норм, определяющих содержание противоправности нарушения порядка применения допустимых к использованию медицинских технологий в ходе оказания медицинской помощи.

Именно последняя группа посягательств и определяется теми признаками, которые традиционно связываются в науке уголовного права с преступлениями в сфере медицины высоких технологий, однако при этом она не исчерпывает всех возможных посягательств в данной области.

Поскольку процессы развития и практического использования современных медицинских технологий характеризуются неравномерностью законодательной реакции различных государств, при создании механизма уголовно-правовой охраны прав пациента в сфере медицины высоких технологий видится обоснованным повышенное внимание национального законодателя к тем правовым инструментам защиты прав человека (прежде всего системе запретов), которые созданы на международном (в том числе региональном) уровне. С этой точки зрения представляется актуальной опосредованная имплементация в уголовный закон государства норм международного права, которые устанавливают запреты в области трансплантологии (например, закрепление ответственности за совершение сделок в отношении органов или тканей человека), медицинской генетики (в частности, определение противоправности такого деяния, как изменение генотипа человека в целях, не связанных с лечением), научных исследований (к примеру, установление запрета на создание эмбрионов человека в исследовательских целях) и др.

Признавая значимость механизма уголовно-правовой охраны прав пациента, в том числе в сфере применения современных медицинских технологий, стоит, тем не менее, согласиться с мнением А. Г. Блинова. Как обоснованно полагает российский ученый, «ужесточение уголовной политики в отношении медицинского персонала, пренебрегающего профессиональным и уголовно-правовым статусом, достигло пределов эффективности» [1, с. 5]; при этом сам по себе факт закрепления уголовной ответственности за преступления в сфере медицины не способен противостоять угрозам безопасности пациента, которые исходят от некомпетентности медицинских работников или небезопасности современных медицинских технологий. Что касается последних, то при их разработке и практическом применении необходимо руководствоваться тезисом о том, что «этики целей недостаточно, необходима также этика средств и методов» [2, с. 281] достижения целей.

Представленное суждение в полной мере соответствует основному принципу защиты прав человека в сфере медицины высоких технологий – принципу приоритета интересов и благ отдельного человека над интересами общества и науки (ст. 2 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине, 1997).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов, А. Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Блинов ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2014. – 50 с.
2. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений / Н. Е. Крылова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 320 с.

К содержанию

М. А. КОХОВЕЦ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **В. И. Резюк**, старший преподаватель

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Актуальность темы исследования заключается в том, что сотни тысяч людей становятся жертвами тягчайших военных преступлений, совершаемых как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов. В современном мире особую опасность для общества представляют вооруженные конфликты международного характера, в процессе которых совершаются преступные посягательства против жертв войны.

В результате криминализации военных преступлений в уголовном законодательстве Республики Беларусь сформировались две группы преступлений: военные преступления и иные нарушения законов и обычаев войны.

Военные преступления характеризуются как деяния, которые по своему содержанию представляют серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в ходе вооруженных конфликтов любого характера. Соответственно, другие нарушения законов и обычаев войны – это деяния, относящиеся к иным нарушениям международного гуманитарного права. Военные преступления являются наиболее тяжкими нарушениями законов и обычаев ведения войны [2, с. 56].

Деятельность государств в необычных, экстремальных условиях международных отношений, в период войны или вооруженного конфликта, регулируется принципами и нормами, относящимися к международному гуманитарному праву [3]. Примерами военных преступлений являются преступления, совершенные в ходе гражданской войны в Сирии: применение запрещенного оружия, незаконный оборот оружия, обстрелы мирных кварталов боевиками, применение оружия массового поражения [4].

Мировое сообщество, сталкиваясь с реально существующими войнами, со временем пришло к необходимости ограничения насилия посредством выработки договоров, соглашений, конвенций, определяющих права и обязанности воюющих сторон, так называемые правила ведения войны. Оно стремится к тому, чтобы смягчить, насколько это возможно, последствия войны, устанавливая определенные требования к поведению воюющих сторон [5]. Основными международными правовыми актами, регламентирующими поведение воюющих сторон, являются Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными, Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и др. [6].

Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны – совершенные умышленно общественно опасные деяния, предусмотренные гл. 18 Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, выражающиеся в нарушении установленных международным гуманитарным правом правил ведения войны, использования средств и методов борьбы, обращения с жертвами войны и др.

К военным преступлениям, отраженным в Уголовном кодексе Республики Беларусь, относятся: вербовка, обучение, финансирование и использование наемников, наемничество, применение оружия массового поражения. Одним из самых серьезных и опасных военных преступлений является применение оружия массового поражения. Согласно ст. 134 Уголовного кодекса Республики Беларусь, за совершение данного преступления предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 25 лет, или пожизненного заключения, или смертной казни [1]. Также отличительной особенностью военных преступлений является то, что к данным преступлениям неприменим срок давности.

Как и все законы, ныне действующие уголовные кодексы различных стран имеют свои отличия. Проводя сравнительный анализ уголовного закона Российской Федерации и уголовного закона Республики Беларусь, стоит отметить следующие отличительные черты. Российский уголовный закон содержит главу, посвященную преступлениям против мира и безопасности человечества (гл. 34), которая включает в себя военные преступления, а именно наемничество, применение запрещенных средств и методов ведения войны и др. В уголовном законе Республики Беларусь содержится глава, которая же непосредственно посвящена военным преступлениям и другим нарушениям законов и обычаев ведения войны (гл. 18). Особенностью, относящейся к уголовному закону Российской Федерации и Республики Беларусь, является то, что к военным преступлениям не применяется срок давности.

Анализ Уголовного кодекса Украины и Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что законодательством Республики Беларусь предусмотрены более суровые наказания за совершение военных преступлений. В Уголовном кодексе Украины военные преступления содержатся в разделе о преступлениях против мира, безопасности человечества и международного порядка (разд. 20). Примерами на Украине являются военные преступления украинских силовиков, а именно нарушения законов и обычаев ведения войны.

Сравнительно-правовой анализ Уголовного кодекса Республики Беларусь и Уголовного кодекса Республики Казахстан позволяет выделить значительные отличительные черты. Главной особенностью Уголовного кодекса Республики Казахстан является то, что он не имеет разделов, глав, а статьи расположены в обычном последовательном порядке. Среди всех статей кодекса закреплены и нормы, регулирующие военные преступления. Законодатель Республики Беларусь предусматривает более высокие наказания за совершение данных преступлений по сравнению с Республикой Казахстан.

Уголовный кодекс Грузии, как и Уголовный кодекс Республики Беларусь, имеет разделы, главы. Разд. 14, а именно преступления против человечества, включает в себя военные преступления. Что касается наказаний за совершенные преступления данного вида, то значительных отличий не наблюдается. Примером военных преступлений Грузии является применение оружия массового поражения.

Таким образом, в целях совершенствования уголовного законодательства необходимо создание юридической базы для уголовного преследования преступлений, которые совершаются в обстановке вооруженного конфликта. С целью предотвращения военных преступлений предлагается дополнить общую часть Уголовного кодекса Республики Беларусь новым разделом, в котором описываются определенные вопросы структуры уголовного законодательства военного времени. Также, возможно, необходимо расширить круг лиц, которые могут быть субъектами преступлений, совершаемых в зоне вооруженного конфликта. Это поспособствовало бы в первую

очередь предотвращению военных преступлений, а также раскрытию данных преступлений. Наряду с этим существенно расширен круг объектов посягательства, которые могут влиять на обеспечение мира и безопасности человечества, а также прав и свобод личности в условиях вооруженного конфликта.

Уголовные наказания за совершение военных преступлений и других нарушений законов и обычаев ведения войны, безусловно, способствуют эффективности их предотвращения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Уголовное право : учеб. пособие / авт.-сост.: Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. В. В. Марчука. – Минск : Тесей, 2012. – 176 с.

3. Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/60128/pravo/narushenie_zakonov_i_obychaev_voyny_438. – Дата доступа: 17.03.2019.

4. Военные преступления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 17.03.2019.

5. Общая характеристика военных преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurisprudence.club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/obschaya-harakteristika-voennyih-prestupleniy-66758.html>. – Дата доступа: 17.03.2019.

6. Военные преступления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/.pdf>. – Дата доступа: 17.03.2019.

К содержанию

УДК 347.96

Е. П. КУЛАБУХОВА

Беларусь, Новополоцк, Полоцкий государственный университет

Научный руководитель – **Е. Н. Ярмоц**, кандидат юридических наук, доцент

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Все мы знаем, куда следует обращаться, сталкиваясь с нарушением закона и желая восстановить справедливость, и все мы имеем на это право. Право на доступ к правосудию сегодня необходимо рассматривать в качестве одного из принципов судебной власти, т.е. одного из ее основных, исходных положений. Доступ к правосудию может проявляться в разных аспектах. В рамках данного исследования понятие «доступ к правосудию» следует понимать как способность людей добиваться средств правовой защиты и получать их через официальные или неофициальные органы отправления правосудия в соответствии с принципами верховенства права и нормами в области прав человека.

Идея беспрепятственного доступа к суду закреплена в ряде международных документов, таких как Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских

и политических правах и др. Однако, чтобы права человека были защищены, мало их написать на бумаге, надо, чтобы сам человек хотел и умел их защитить, а главное, имел для этого все средства. Исторически сложилось так, что определенные группы населения в силу различных обстоятельств имеют меньше прав и возможностей их реализации.

Уязвимой группой населения, чьи права не всегда воспринимают всерьез, являются дети. Хотя важность доступа к правосудию одинакова для детей и взрослых, права детей в этой области долгое время игнорировались и игнорируются до сих пор. Существуют определенные сложности, касающиеся того, как детям защитить себя от насилия или других видов нарушений прав человека. Часто они просто не знают, какие правила и инструменты им можно использовать.

Как международные, так и национальные законодательные акты предоставляют детям различные права. Существует целый ряд документов, закрепляющих права детей, наиболее значимый из которых – Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. Ст. 4, 19 и 33 Конвенции предусматривают различные меры защиты ребенка от различных угроз и посягательств. Это и разработка социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, а также законодательные, административные, просветительные и иные меры [1]. Однако лишь половина стран мира ратифицировали Конвенцию ООН о правах ребенка, что не дает возможности детям напрямую защищать свои права. Суды и механизмы подачи жалоб часто не предусматривают специальных полномочий или возможностей для защиты прав детей, а дети часто не имеют доступа к бесплатной юридической консультации и помощи, которые им необходимы для эффективного взаимодействия с правовой системой.

Наибольший вклад в расширении прав детей внес Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) – крупнейшая в мире организация, которая более 70 лет защищает права детей в более чем 190 странах и территориях. ЮНИСЕФ использует свои полномочия для налаживания диалога и содействия в осуществлении программ сотрудничества по правам ребенка между различными заинтересованными сторонами, включая государственные организации, гражданское общество и международные организации. Также Фонд продвигает концепцию восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних с целью ограждения детей от системы уголовного правосудия. При поддержке ЮНИСЕФ была создана судебная модель, которая достигла очевидных положительных результатов. Были созданы специальные комнаты для детей для обеспечения подходящей атмосферы – за пределами камер и отдельно от взрослых. Дружелюбные к детям процедуры включают специальных судей для рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних и особые предписания для защиты детей, находящихся в конфликте с законом. Детям-жертвам больше не приходится сталкиваться с правонарушителями во время судебного заседания. Права детей могут быть представлены специально обученными адвокатами. В соответствии с международными стандартами гарантируется бесплатная правовая помощь детям-жертвам и свидетелям преступлений, а также детям, находящимся в конфликте с законом [2].

Все эти меры имеют большой потенциал для улучшения равноправного доступа детей к правосудию и достижения большего успеха не только в реализации прав несовершеннолетних, но и для лучшей защиты жертв и свидетелей преступлений и, что более важно, для исправления последствий нарушений прав детей. Однако необходимы дополнительные мероприятия для укрепления законодательства в сфере правосудия

для детей и обеспечения полного соблюдения прав ребенка, развития альтернативных услуг, укрепления потенциала специалистов в системе правосудия в отношении несовершеннолетних путем ознакомления национальной системы с международными нормами и стандартами.

Существует Международная сеть по правам ребенка (CRIN) – правозащитная организация, которая была учреждена в 1995 г. Данная сеть составила и опубликовала рейтинг эффективного использования детьми судов для защиты своих прав. Государства в рейтинге ранжировались в соответствии с мировыми стандартами доступа детей к правосудию. Создатели рейтинга подчеркивают, что он оценивает не то, насколько хорошо соблюдаются права детей в каждой стране, а то, какие возможности в области защиты своих прав и доступа к правосудию страны предоставляют детям. Рейтинг составлен из 197 государств. Первые три места – у Бельгии, Португалии и Испании. Республика Беларусь на 137 позиции, это уровень ниже среднего и самый низкий результат в Европе [3].

Что касается закрепления прав несовершеннолетних на доступ к правосудию и вообще прав детей в Республике Беларусь, основные направления и организационные основы обеспечения прав ребенка определены в Законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка». Он предоставляет детям в возрасте 14 лет и старше право на получение юридической помощи для осуществления и защиты своих прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей. Юридическая помощь детям оказывается адвокатами за счет средств коллегии адвокатов [4]. Кроме этого, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) предусматривает гарантии осуществления детьми права на доступ к правосудию. Одной из таких гарантий является закрепление в ст. 66/1 КоБС права ребенка на защиту своих прав и законных интересов. Согласно ст. 189 КоБС, ребенок вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а с 14 лет – и в суд, а также осуществлять защиту прав и законных интересов через своих законных представителей. Защиту прав и законных интересов детей обеспечивают в пределах своей компетенции государственные органы согласно ст. 183 КоБС [5]. Также Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах ребенка 28 июля 1990 г., и с 30 октября 1990 г. она вступила в силу. Ч. 3 ст. 13 Закона «О правах ребенка» закрепляет, что в случае нарушения прав ребенка, которые определены Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г. и иными актами законодательства Республики Беларусь, ребенок имеет право обращаться в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении 14 лет – в суд для защиты своих прав и законных интересов.

Однако Конвенция не была полностью включена в национальное законодательство. Таким образом, только дети в возрасте 14 лет и старше могут подать жалобу в суд, действуя через законного представителя, и имеют право участвовать в судебном разбирательстве. Отсутствие специализированных судов или независимого учреждения по правам человека, а также отсутствие четко установленных процедур для предоставления показаний детьми в суде являются барьерами для доступа детей к правосудию в Беларуси.

Учитывая и то, что Республика Беларусь заняла 137 место в рейтинге CRIN, необходимо осуществить ряд мер, направленных на создание Национального института по правам человека, защищающего интересы детей; подготовку специалистов, работающих в интересах детей и с детьми, а также с представителями судебных

органов, следователями, прокурорами и милицией, для успешного решения вопросов об охране прав детей; совершенствование правовой защиты путем укрепления организационного потенциала, повышения уровня правовой грамотности и оказания юридической помощи детям; разработку процедур, учитывающих интересы ребенка, в судах, в пенитенциарных и других заведениях, а также в учреждениях для детей.

Хотя был достигнут некоторый прогресс в правосудии для несовершеннолетних, еще многое предстоит сделать для обеспечения правосудия для всех детей, чьи права были нарушены. Для каждого нарушения права должно предусматриваться средство правовой защиты. Дети тоже часто сталкиваются с несправедливостью, и они должны иметь средства для получения быстрого, эффективного и справедливого ответа для защиты их прав, что должно быть доступно через прозрачный, эффективный, подотчетный и доступный процесс. Доступ к правосудию несовершеннолетних означает, что дети должны иметь возможность доверять правовой системе и использовать все существующие механизмы защиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН, 20 нояб. 1989 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 02.03.2018.

2. Unicef for every child [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.unicef.org/>. – Date of access: 27.02.2018.

3. Child rights international network [Electronic resource] // Access to justice for children: global ranking/. – Mode of access: <https://archive.crin.org/en/access-justice-children-global-ranking>. – Date of access: 27.02.2018.

4. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

К содержанию

УДК 347.963

М. И. КУХТА

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»
Научный руководитель – **М. М. Коваль**, кандидат юридических наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

В данной статье мы рассмотрим общую характеристику прокуратуры и сравним место и функции прокуратуры Украины с прокуратурой иностранных государств. Актуальность исследуемой тематики определяется тем, что прокуратура – это один из центральных государственных органов Украины, функции которого позволяют обеспечивать соблюдение норм действующего законодательства.

Следует согласиться с мнением ученого М. М. Бубрика, который считает, что это организационно самостоятельная государственно-правовая организация, которая

при выполнении своих полномочий активно взаимодействует со всеми ветвями государственной власти и является важным элементом обеспечения баланса между ними. Функции прокуратуры – поддержание государственного обвинения в суде, представительство интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных Законом Украины «О прокуратуре», надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие; надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан [1, с. 56].

Деятельность прокуратуры основывается на следующих принципах: верховенства права и признания человека, его жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности наивысшей социальной ценностью; законности, справедливости, беспристрастности и объективности; территориальности; презумпции невиновности; независимости прокуроров; гарантированности от незаконного политического, материального или иного воздействия на прокурора при принятии им решений во время исполнения служебных обязанностей; политической нейтральности прокуратуры; недопустимости незаконного вмешательства прокуратуры в деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти и др. [1, с. 58]. Прокуратура Украины – это единая система органов, которую составляют Генеральная прокуратура Украины, специализированная антикоррупционная прокуратура, региональные прокуратуры, местные прокуратуры, военные прокуратуры [1, с. 59].

Мировая практика знает следующие примеры относительно места прокуратуры в системе государственных органов: 1) страны, где прокуратура находится в составе Министерства юстиции (США, Франция, Польша). Так, в США и Польше министр юстиции является одновременно и генеральным прокурором, ему подчинены нижестоящие прокуроры; 2) страны, в которых прокуратура входит в состав судебного корпуса (магистратуры) и находится при судах (Испания, Италия). Будучи включенной в систему судебной власти с функциональной автономией, прокуратура выполняет задачи в соответствии с принципами единства действий, иерархической зависимости, законности и беспристрастности. Так, в Испании прокуратура способствует юстиции в защите законности, прав и свобод граждан, а также следит за соблюдением независимости трибуналов, добивается перед ними удовлетворения публичного интереса. Возглавляет ее генеральный прокурор государства, который в иерархии судебной власти считается следующим лицом после председателя Верховного трибунала; 3) страны, где прокуратура выделена в отдельную систему и подотчетна парламенту (КНР, Куба, Словакия, Болгария): в этих странах на прокуратуру возлагается общий надзор за законностью; 4) страны, в которых нет прокуратуры (Великобритания).

В советской и постсоветской юридической литературе высказаны различные взгляды относительно места прокуратуры в системе государственного механизма. Они сводятся к следующему: 1) прокуратура должна быть включена в судебную ветвь власти, и ее основной функцией должно стать осуществление обвинительной власти в государстве; 2) прокуратура не должна относиться ни к исполнительной, ни к судебной власти, а должна быть органом Верховной Рады Украины, чтобы реально обеспечивать законность: будучи в структуре органов законодательной власти, прокуратура выступает как единственный орган независимого контроля за соблюдением законов при вынесении судебных решений; 3) исходя из сегодняшних реалий и учитывая статус Президента, который признается гарантом Основного Закона, прав и свобод

гражданина, было бы логично (хотя бы на переходный период) конструировать прокуратуру как структуру президентской власти, которая осуществляет от имени Президента Украины надзор за исполнением законов и указов в государстве; 4) деятельность прокуратуры носит особый, самостоятельный характер государственной власти и осуществляется на основе присущих этому органу принципов и полномочий. Прокуратура не должна организационно входить ни в одну из ветвей власти, поскольку она действует в интересах всех ветвей власти, взаимодействует с ними и в некотором смысле обслуживает их. Прокуратура – это инструмент, механизм контроля за реализацией полномочий (предписаний) всех ветвей государственной власти путем надзора за точным исполнением законодательных актов [2, с. 58–59].

В соответствии со ст. 121 Конституции Украины, на прокуратуру возложено поддержание государственного обвинения в суде, представительство интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом, надзор за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие; надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан.

Провозгласив независимость, Верховная Рада Украины 5 ноября 1991 г. одной из первых приняла Закон Украины «О прокуратуре», который был введен в действие 1 декабря 1991 г. Именно этот день является Днем работника прокуратуры. Сейчас прокуратура – это многофункциональная государственная структура с четко определенными функциями, важнейшими из которых являются функции надзора за соблюдением законов в социально-экономической, в политической и других сферах жизнедеятельности страны [3, с. 65].

Итак, одним из условий соблюдения Конституции Украины, ее законов, других нормативно-правовых актов является осуществление постоянного и эффективного контроля за выполнением их положений органами и должностными лицами всех ветвей государственной власти, органами и должностными лицами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами. С целью осуществления функции контроля и других, определенных законодательством функций, основаны и созданы соответствующие государственные структуры – органы прокуратуры.

Прокуратура – самостоятельный централизованный орган государственной власти, действующий в системе правоохранительных органов государства и обеспечивающий защиту от неправомерных посягательств на общественный и государственный строй, права и свободы человека, а также основы демократического устройства средствами и методами, предусмотренными законом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебные и правоохранительные органы (в схемах и таблицах) : учеб. пособие / под. ред. М. М. Бурбика, М. С. Уткина. – Сумы : Сум. гос. ун-т, 2016. – 123 с.
2. Правоохранительные органы Украины : конспект лекций / сост. М. М. Миткевич. – Чернигов : ЧГИЭиУ, 2003. – 192 с.
3. Гель, А. П. Судебные и правоохранительные органы Украины : учеб. пособие / А. П. Гель, Г. С. Семаков, С. П. Кондракова. – Киев : МАУП, 2004. – 272 с.

К содержанию

Д. А. ЛАЗАРЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Е. А. Коротич**, кандидат юридических наук, доцент

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ ИЗ АВТОМОБИЛЕЙ

В Республике Беларусь постоянно ведется борьба с различного рода хищениями. Однако кражи личного имущества граждан в общественных местах продолжают занимать свою нишу в общей структуре краж. С этой точки зрения следует особо выделить такую разновидность краж, как кражи из автомобилей: в ходе совершения такого рода деяний посягательство не только направлено на завладение чужим имуществом, но и сопряжено с проникновением в личное пространство человека – салон его автомобиля.

Стоит сказать, что за последние десятилетия в Республике Беларусь существенно возросло количество автомобилей, находящихся в личном пользовании граждан, соответственно, выросло количество краж имущества из автомобилей. Зачастую причинами и условиями совершения данных краж становится самонадеянное отношение владельцев к сохранности своих транспортных средств и находящегося в них имущества. Нередко лицо, которое не имело заранее обдуманного умысла на кражу имущества, увидев в салоне автомобиля легкодоступную ценную вещь, в силу беспечности и невнимательности хозяина совершает ее кражу. Данную проблему необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения виктимологии.

Применительно к исследуемой проблеме виктимность следует понимать как поведение человека, которым он создает благоприятные условия для совершения в отношении него преступления – кражи имущества из автомобиля. При этом необходимо отметить, что этот вопрос следует рассматривать системно, во взаимодействии всех элементов, условий, обуславливающих данного рода виктимность.

Раскрывая виктимологическую характеристику данного вида краж, следует сказать в первую очередь, что для ее совершения достаточно часто необходимо одновременное совпадение нескольких групп условий. К примеру, автомобиль стоит в безлюдном месте, что уже подталкивает лицо на совершение достаточно легкого преступления. Отсутствие сигнализации в автомобиле еще более укрепляет его убеждение в отсутствии каких-либо препятствий для совершения данного преступления и последующей безнаказанности его противоправного поведения, несмотря даже на возможную имущественную нецелесообразность кражи.

Исходя из условий, которые могут способствовать совершению кражи из автомобиля, т. е. условий, которые создают виктимную ситуацию, способствующую совершению того или иного преступления, в системе виктимологической характеристики указанной категории краж можно выделить следующие структурные элементы.

1. Предмет кражи, в качестве которого выступает чужое имущество, непосредственно на которое направлено посягательство преступника. Наиболее распространенными предметами для посягательств преступников являются барсетки, кошельки, документницы и женские сумки. Иногда в автомобили могут проникать для хищения оставленной там дорогой техники: планшетов, ноутбуков, фотоаппаратов. Реже предметом кражи становятся одежда, покупки и тому подобные предметы. Таким

образом, в зависимости от стоимости предмета кражи находится вероятность ее совершения, в связи с чем нельзя оставлять ценные вещи на видном месте в салоне своего автомобиля, следует забирать их с собой либо же в крайнем случае укрывать от обозрения снаружи.

2. Место и время совершения посягательства. Данные элементы образуют виктимологические предпосылки в совокупности, создавая условия для совершения преступления в целом. Наиболее виктимными местами для краж имущества из автомобилей являются заправки и автомойки, стоянки у торговых центров, супермаркетов, т. е. те места, где человек максимально отвлекается, проявляет беспечность и оставляет свои ценные вещи без внимания. Такой же виктимологический интерес представляют неохранные и (или) плохо освещенные стоянки. Большинство краж имущества из автомобилей происходит в темное время суток (например, в спальных районах, где машин больше и удобно скрываться), в праздничные и предпраздничные дни вечером (например, возле супермаркетов и торговых центров на пике покупательской активности). В дневное время кражи происходят в местах повышенного скопления машин, когда на стоянках находятся десятки-сотни автомобилей. Таким образом, во избежание неблагоприятных для себя последствий не только кражи из автомобиля, но и самого автомобиля, владельцу необходимо продумывать заранее, где и сколько времени будет находиться автомобиль.

3. Способ совершения кражи. Говоря о способах кражи из автомобиля, следует сказать, что все они достаточно давно известны. Чаще всего преступники просто проворачивают личинку замка отверткой, либо отжимают резинку на двери, либо отжимают рамку двери и поднимают внутреннюю кнопку замка. Реже подбирают ключ; если автомобиль старый, самые неизобретательные (чаще находящиеся в состоянии опьянения) преступники просто разбивают стекло двери и открывают автомобиль. Более изобретательные преступники выдумывают схемы, по которым происходит хищение из автомобиля в момент посадки или погрузки: преступник по возможности максимально незаметно для водителя проникает в автомобиль и забирает интересующий предмет, либо, если участвуют два и более лица, один проникает в салон для хищения в тот момент, когда другой отвлекает владельца. С целью противодействия данным способам хищений необходимо оборудовать автомобили сигнализациями, оставлять свои транспортные средства на освещенных либо охраняемых парковках, оборудовать паркинги жилых домов камерами видеонаблюдения, что снизит вероятность стать жертвой кражи своего личного имущества из автомобиля.

Определенные условия для хищения имущества из своего автомобиля может создать и сама жертва. Не случайно Д. В. Ривман условно разделил виктимность на два типа – виктимность предметов и виктимность поведения [1, с. 105].

Виктимность предметов – это наличие таких предметов, которые несут в себе виктимную информацию, иными словами – это те предметы материального мира, которые могут способствовать совершению преступления. Примером виктимности предметов могут быть дорогая обшивка в салоне автомобиля с ненадежными замками, установка различных «тюнингов» (дисков, колонок, динамиков, фар) на автомобиль, не обладающий должной защитой, к примеру без сигнализации.

Виктимность поведения – это такой набор действий (бездействия), жестов и слов самого потерпевшего, которые создают условия для совершения в отношении него преступления. С точки зрения жертвы преступного посягательства ее действия могут быть совершенно обыденными: например, находясь в «пробке», водитель открывает

все стекла в автомобиле, при этом его собственное портмоне лежит на переднем пассажирском сидении, проезжающий мимо мотоциклист выхватывает из автомобиля портмоне и быстро скрывается из виду.

Нередки случаи, когда жертва сама оставляет открытыми не просто окна автомобиля, но и сам автомобиль, облегчая доступ вора к своему имуществу, думая, что быстро вернется. Необходимо закрывать автомобиль независимо от того, отходит владелец на пару минут или находится возле него.

Виктимизировать собственника автомобиля может и его доверительное отношение к малознакомым ему людям при перевозке их в своем автомобиле. Владельцу необходимо внимательно следить за происходящим вокруг: к примеру, когда к нему подходят на перекрестке уличные торговцы (они могут просто отвлекать его внимание), кто-либо из соучастников в это время совершает хищение из автомобиля.

Таким образом, автовладелец, действуя легкомысленно и непредусмотрительно, сам создает условия для возникновения виктимной ситуации. Необходимо подчеркнуть и то, что, как верно отмечают ученые и практики, риск стать жертвой преступления распределяется среди населения неравномерно. Владельцам транспортных средств необходимо не проявлять растерянность в общественных местах, внимательно относиться к своим вещам и к местам их хранения. Иначе говоря, поведение человека, не просто обращающего внимание на те или иные виктимизирующие его элементы или условия, а обдуманно относящегося к своим действиям, значительно уменьшает вероятность совершения в отношении его кражи и увеличивает сохранность его имущества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.

К содержанию

УДК 328.185

М. Р. ЛАПИЦКИЙ

Беларусь, Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Научный руководитель – **В. В. Козловская**, магистр юридических наук

К ВОПРОСУ О РОЛИ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Согласно ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», координация правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с коррупцией, возложена на прокуратуру [1]. В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности [2]. Государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, решают стоящие перед ними задачи самостоятельно и во

взаимодействии между собой, с другими государственными органами и иными организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь.

В Беларуси создана обширная нормативная база, регламентирующая деятельность государственных органов по борьбе с коррупцией, им предоставлены значительные полномочия, между ними налажено взаимодействие. Между тем, согласно данным международной неправительственной организации Transparency International, по уровню восприятия коррупции Беларусь занимает 70 место из 180 возможных (180 место принадлежит наиболее коррумпированной стране – Сомали). Индекс Беларуси значительно улучшился за последний год – сразу до 44 баллов (до этого несколько лет колебался в районе 30). Это неплохой показатель в сравнении с Россией и Украиной (28 и 32 балла соответственно), однако по-прежнему хуже, чем у Латвии (58), Литвы (59) и Польши (60) [3].

Следует помнить, что указанный рейтинг носит в достаточной степени условный характер, поскольку составляется на основе данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах оцениваемых стран. Тем не менее нет оснований ему не верить, поскольку данные статистики о количестве зарегистрированных в Беларуси коррупционных преступлений говорят сами за себя: в 2018 г. количество зарегистрированных коррупционных преступлений по сравнению с 2017 г. увеличилось в два раза [4]; 1 005 лиц было осуждено в 2018 г. за совершение коррупционных преступлений, что на 44,8 % больше, чем в 2017 г. (694 лица) [4]. При этом 31 % из указанного количества был осужден за получение взятки (ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь), 24,5 % – за дачу взятки (ст. 431 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [4]. Подобная динамика свидетельствует об актуальности поиска новых способов противодействия данным преступлениям.

В этой связи специалисты, как правило, говорят о необходимости выявления причин коррупции, которых выделяют множество. В самом обобщенном виде этими причинами являются следующие: «низкая заработная плата чиновников высшего ранга; бюрократия; несовершенная законодательная база и неэффективные действия госоргана» [5]. По нашим наблюдениям, абсолютное большинство этих причин либо сосредотачивается на объективной стороне проблем коррупции, либо касается лишь одного субъекта коррупционных отношений – взяткополучателя. В связи с этим вспоминается известная истина: взятки берут и получают только потому, что их дают. Рассмотрение проблемы существования коррупции в таком ракурсе смещает акцент внимания с должностных лиц на граждан, которые, стремясь решить возникшие проблемы, используют дачу взятки.

По нашему мнению, о способах борьбы с коррупцией невозможно говорить без учета того обстоятельства, что в основе противоправного поведения взяткодателей и взяткополучателей лежит обоюдно низкий уровень их правосознания и, возможно, общей культуры. Современные страноведческие исследования показывают, что культурный, образовательный и правовой потенциал нации (говоря иначе, ее культурный капитал) имеет принципиальное значение в деле экономического и социального развития государства. В своих трудах американский исследователь Л. Харрисон убедительно показывает, что успех и неудачи разных стран во многом определяются «ценностями, верованиями и установками, обусловленными особенностями культуры страны и религии, исторически определившей фундамент этой культуры» [6, с. 4].

Автор отмечает, что страны с высоким уровнем культурного капитала менее восприимчивы к коррупции, нежели те, у которых этот уровень ниже. Эта

детерминанта работает и в обратном направлении: «прогресс тем более выражен, чем ниже уровень коррупции» [7, с. 10]. Зависимость уровня коррумпированности государственного аппарата от уровня культуры, от отношения людей к коррупции в целом отмечает и А. Баунов: «Коррупция вообще залегает в гораздо более глубоких пластах национальной культуры, чем конкретное время правления одного человека или один политический режим. ...Потому что мы видим некоррумпированные авторитарные страны, очень коррумпированные авторитарные страны, страшно коррумпированные демократии. И так далее. В конце концов, Индия и Греция – очень коррумпированные страны. При этом совершенно прекрасные демократии» [8]. Статистические данные свидетельствуют, что десять наименее коррумпированных стран мира (Дания, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция, Финляндия, Канада, Нидерланды, Австралия, Швейцария, Норвегия) одновременно занимают ведущие позиции и по индексу конкурентоспособности, и по качеству государственного управления [6, с. 44].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что культура имеет значение и в вопросе влияния на уровень коррупции в стране. Коррупция – многофакторное явление, и помимо всего прочего в числе ее факторов можно выделить ценности, верования и установки граждан. Поэтому значительное место в деятельности по противодействию коррупции должно быть отведено, как отмечает А. П. Мельников, «созданию в обществе атмосферы нетерпимости к правонарушениям и правовому нигилизму, формированию у населения соответствующей правовой культуры» [9]. В этих целях различными органами власти Беларуси сделано уже немало. Тем не менее полагаем, что можно продолжать действовать в следующих направлениях: 1) расширять посредством СМИ осведомленность граждан о результатах деятельности государственных органов по противодействию коррупции; 2) работать над совершенствованием законодательства, создающего стимулы для антикоррупционного поведения; 3) на государственном уровне укреплять сотрудничество между правительственными и неправительственными организациями в целях заимствования опыта формирования честного и эффективного государственного аппарата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. № 401-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 21.07.2016. – 2/2399.
2. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 23.07.2015. – 2/2303.
3. Индекс восприятия коррупции – 2018: полная таблица [Электронный ресурс] // Транспаренси Интернешнл. Россия. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2018-28-ballo-iz-100-i-138-mesto.html>. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Сведения за 2018 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/statistika1/6ed5eb4b3f9f44b8.html>. – Дата доступа: 10.03.2019.
5. Какие меры борьбы с коррупцией являются наиболее эффективными [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики

Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/december/31841/>. – Дата доступа: 13.03.2019.

6. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.

7. Inglehart, R. Testing the Progress Typology / R. Inglehart // Report presented at the final Culture Matters Research Project conference at the Fletcher School, Tufts University, March 27–28, 2004. – P. 4–28.

8. Баунов, А. Программа «Особое мнение» [Электронный ресурс] / А. Баунов // Эхо Москвы. – 13.03.2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2387273-echo/>. – Дата доступа: 14.03.2019.

9. Мельников, А. П. О борьбе с коррупцией в Республике Беларусь на современном этапе [Электронный ресурс] / А. П. Мельников // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/12442>. – Дата доступа: 15.03.2019.

К содержанию

УДК 343.3(470+476)

Я. С. ЛУЗИКОВА

Беларусь, Могилев, Могилевский государственный университет

имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – **А. И. Макштарёва**, старший преподаватель

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Говоря о несанкционированном доступе к компьютерной информации, необходимо определить значение понятия «компьютерная информация», поскольку данный аспект является наиболее проблемным в рамках рассмотрения вопросов, связанных с несанкционированным доступом. В теории уголовного права существует несколько вариантов определения данного понятия, однако нет определения, данного непосредственно самим законодателем. Поэтому определение понятия «компьютерной информации» можно сформулировать исходя из содержания диспозиции ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь, определяющей ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации. Следовательно, под компьютерной информацией следует понимать сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, хранящиеся в компьютерной системе, сети или на машинном носителе [1, ст. 349].

При этом белорусскими и российскими учеными дается разная трактовка предмета несанкционированного доступа. Так, большинство российских ученых поддерживают мнение законодателя, что предметом несанкционированного доступа к компьютерной информации является исключительно охраняемая законом компьютерная информация [2, с. 62; 3, с. 15]. В то же время некоторые российские авторы, например, М. Ю. Дворецкий, говорят о том, что правовой защите подлежит любая информация, неправомерное обращение с которой может нанести ее собственнику, владельцу, пользователю или иному лицу ущерб [4, с. 53].

В свою очередь белорусские ученые указывают, что предметом данного преступления является компьютерная информация независимо от ее статуса, т. е. любая информация, содержащаяся на машинном носителе, в электронно-вычислительных машинах (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети [5, с. 14].

Следовательно, белорусским уголовным законодательством охране подлежит абсолютно любая, находящаяся на машинном носителе информация, что является более целесообразным для данного состава, так как информация в современном обществе является одной из самых важных составляющих жизнедеятельности людей. Защите должна подлежать не только конфиденциальная или же секретная информация. Модификация неконфиденциальных данных может привести к модификации или утере конфиденциальных. Уничтожение или изменение накопленных данных может повлечь за собой их потерю, что в зависимости от сферы и масштабов их применения может повлечь последствия различной степени тяжести [6, с. 187].

Зарубежный и отечественный опыт демонстрирует, что противоправные деяния с компьютерной информацией могут быть элементом действий по незаконному прослушиванию телефонных переговоров и иных сообщений, по неправомерному получению и разглашению конфиденциальных сведений (личная и семейная тайны, персональные данные, коммерческая, банковская, профессиональная, служебная тайны) и государственной тайны. Компьютерная информация может существовать в виде заведомо ложного сообщения об акте терроризма, порнографических материалов [7, с. 151].

По своему существу, преступления, предусмотренные в новой гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против информационной безопасности», можно называть обширным понятием «компьютерные». Вместе с тем само понятие «компьютерные преступления» намного шире и многоаспектнее понятия «преступления против информационной безопасности». Отметим, что с криминалистических позиций с помощью использования компьютера как орудия или средства совершения преступления можно осуществить в том числе и шпионаж, и мошенничество, и подлог документов, а также многие другие преступления. Компьютер может являться и предметом преступления в отдельных составах, но не будет верным считать похищение аппаратной структуры компьютера компьютерным преступлением, поскольку, хотя посягательство и направлено на компьютер как на предмет, оно нарушает отношения права собственности, а не информационную безопасность и должно квалифицироваться как преступление против собственности [8].

Стоит отметить, что объектом данного деяния является информационная безопасность, под которой теоретиками понимается состояние защищенности информационных систем, представляющих собой совокупность информационных ресурсов государства, физических и юридических лиц, информационных технологий и комплекса программно-технических средств, осуществляющих информационные процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме [9, с. 648].

Таким образом, при наличии различных определений, которые раскрывают понятие «информационная безопасность», необходимо выделить следующие составляющие данного понятия: защита информации (в смысле охраны персональных данных, государственной и служебной тайны); компьютерная безопасность; защищенность поддерживающей инфраструктуру; приоритет защиты национальных интересов от «информационных войн»; защищенность потребностей граждан, отдельных групп и социальных слоев, массовых объединений людей и населения в целом в качественной (ценной) информации, необходимой для их жизнедеятельности (функционирования), образования и развития [10, с. 52].

Согласно ч. 1 ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь, под несанкционированным доступом к компьютерной информации понимается несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты [1, ст. 349]. Сама диспозиция данной части предусматривает последствия в виде изменения, уничтожения, блокирования информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда.

При анализе объективной стороны данного деяния возникает вопрос, касающийся места совершения преступления: как поступать в случае, если преступление было совершено на территории Республики Беларусь, а одно из перечисленных последствий наступило за пределами страны, или такое же действие было совершено за границей, а последствия наступили в Республике Беларусь. При решении этого вопроса необходимо руководствоваться положениями ст. 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая гласит, что «лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь, подлежит ответственности по настоящему Кодексу» [1, ст. 5], т. е. по Уголовному кодексу Республики Беларусь; по части второй «преступление признается совершенным на территории Республики Беларусь, если оно начато, или продолжалось, или было окончено на ее территории, или совершено в пределах Республики Беларусь в соучастии с лицом, совершившим преступление на территории иностранного государства». Следовательно, данные положения распространяются и на другие составы преступлений против информационной безопасности.

Таким образом, по нашему мнению, в уголовном законодательстве Республики Беларусь необходимо разъяснение относительно того, что понимается под термином «компьютерная информация» в контексте преступлений против информационной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Волеводз, А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А. Г. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 496 с.
3. Преступления в сфере компьютерной информации. Квалификация и доказывание : учеб. пособие / под ред. Ю. В. Гаврилина. – М. : Юрид. ин-т МВД Рос. Федерации, 2003. – 245 с.
4. Дворецкий, М. Ю. Преступления в сфере компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / М. Ю. Дворецкий. – Волгоград, 2001. – 190 л.
5. Гульбин, Ю. Т. Преступления против информационной безопасности / Ю. Гульбин // Юрист. – 2001. – № 4 (5). – С. 14–18.
6. Сивицкая, Н. А. Компьютерная информация как предмет несанкционированного доступа по уголовному законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации / Н. А. Сивицкая // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель, 26–27 мая 2005 г. / Гомел. гос. техн. ун-т ; редкол.: В. В. Кириенко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2005. – С. 187–188.

7. Мазуров, В. А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, общая характеристика, тенденции / В. А. Мазуров // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 300-1. – С. 151–154.

8. Лосев, В. В. Преступления против информационной безопасности / В. Лосев // Суд. весн. – 2002. – № 1. – С. 40–43.

9. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

10. Актуальные вопросы современной правовой науки : материалы Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов и секции «Юрид. науки» Респ. науч. конф. студентов и аспирантов вузов Респ. Беларусь «НИРС-2011», Минск, 4–5 нояб. 2011 г. / редкол.: О. И. Чуприс (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – 247 с.

К содержанию

УДК 343

А. Г. МАЛЕЦ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Е. В. Романюк**, старший преподаватель

УЧАСТИЕ СТАТИСТА В ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает некоторые ограничения в отношении основных участников уголовного процесса, к которым относятся все субъекты, обладающие правом осуществления производства по уголовным делам (суд, прокурор, следователь, орган дознания и др.), а также субъекты, которые имеют лично-правовой интерес в процессе, т. е. непосредственно заинтересованных в исходе дела (потерпевший, обвиняемый, защитник, представитель). Помимо вышеперечисленных субъектов уголовного процесса, присутствуют и иные субъекты, содействующие государственным органам и должностным лицам в реализации уголовного судопроизводства (специалист, эксперт, переводчик, понятой и др.).

Таким образом, субъект уголовного процесса – это лицо, которое наделено определенными процессуальными обязанностями, которое несет процессуальные обязанности и которое вступает в уголовно-процессуальные отношения с иными участниками при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей в сфере уголовного судопроизводства [1].

Затрагивая проблему определения правового положения отдельной категории субъектов, которые в уголовном законодательстве именуется как иные участники уголовного судопроизводства, стоит отметить общее, что определяет их процессуальный статус. В соответствии с гл. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), к иным участникам уголовного судопроизводства следует относить субъектов, которые являются обладателями доказательственной информации либо привлекаются с целью оказания технического или иного содействия [2]. В отличие от основной категории участников уголовного судопроизводства они не относятся к числу сторон уголовного процесса, не наделены такие участники и властными полномочиями, а также не заинтересованы в исходе дела. Напротив,

незаинтересованность в судопроизводстве для данной категории является обязательным условием привлечения их к участию при производстве [1]. В УПК Республики Беларусь указаны 6 таких особых участников: свидетель, адвокат свидетеля, эксперт, специалист, переводчик и понятой (ст. 60–64).

Но, несмотря на довольно широкий перечень субъектов уголовного судопроизводства, при исследовании определенных норм, содержащихся в УПК Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что перечень иных участников процесса является неполным.

В рамках анализируемой темы особый интерес вызывают некоторые субъекты, которые принимают участие в осуществлении судопроизводства, но в настоящем законодательстве не нашли своего правового регулирования. К таким лицам предлагается отнести статиста. Некоторые авторы под статистом понимают лицо, которое предъявляется для отождествления (идентифицирования) (лат. *identificare* – отождествлять) в группе не менее трех лиц наряду с опознаваемым. Более конкретное определение понятия «статист» отображает в своей работе О. М. Васильева, утверждающая, что «статист» соответствует неактивной роли, которую выполняют при производстве следственных действий лица, о которых говорится в данной статье [1].

УПК Республики Беларусь в действующей редакции не предусматривает понятие статиста, отсутствуют какие-либо положения о его правах, обязанностях и ответственности. Наряду с этим при производстве к помощи статистов следователи могут прибегать в ходе проведения некоторых следственных действий, например проверки показаний на месте, следственного эксперимента, опознания. Но, несмотря на это, среди указанных следственных действий нормативно-правовое регулирование участия статистов предусмотрено только при опознании лица (ст. 224 УПК Республики Беларусь) [2].

По словам профессора С. А. Шейфера, предъявление для опознания – «это производимая с соблюдением предусмотренных законом процедур демонстрация свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому объекта (субъекта) по предложению следователя, причастного к исследуемому событию, в целях установления его тождества либо различия с объектом (субъектом), бывшим в прошлом предметом наблюдения опознающего» [3].

Законодательство же в свою очередь определяет статистику ряд требований, которые нашли свое отражение в работах таких известных ученых, как А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский.

Значительное число работников правоохранительных органов утверждают, что подбор статистов вызывает существенные затруднения, указывая на различные причины, которые начинаются от отсутствия мест поиска до нежелания граждан сотрудничать с правоохранительными органами.

Как показывает практика, орган, осуществляющий следственные действия, испытывает трудности в убеждении человека, схожего по внешности и подходящего по возрасту, сотрудничать со следствием, да и сотрудники зачастую подыскивают статистов для производства опознания и «знакомят» их с опознающим.

Представляется необходимым ввести норму, не позволяющую, чтобы в роли статиста выступал человек, который находится в каких-либо отношениях с опознающим (или ранее находился), ввиду того что при проведении опознания опознающий должен указать на лицо, которое совершило преступление. Статист же, заинтересованный в исходе дела, может повлиять на исход данного следственного действия при помощи мимики, жестов и т. д.

Практика показывает, что участие статиста намного шире и активнее происходит в досудебной части уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 224 УПК Республики Беларусь, лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним [2]. Тем не менее вопрос о правах и обязанностях данного участника процесса еще менее ясен. Поэтому считается, что необходимо усовершенствовать процессуальное законодательство в части производства опознания лица с привлечением статистов введением статьи в УПК Республики Беларусь, которая бы регулировала права, обязанности и ответственность статистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухорукова, А. Н. Статист как участник уголовного судопроизводства / А. Н. Сухорукова // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 272.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение : учеб. пособие / С. А. Шейфер. – Самара : Самар. ун-т, 2004. – 136 с.

К содержанию

УДК 343.82

К. Б. МАРИСЮК

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

ФОРМЫ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 149 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ «ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ ИЛИ ДРУГОЕ НЕЗАКОННОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЧЕЛОВЕКА»

Исследуемое преступление является преступлением с формально-материальным составом; при этом конструкция нормы ч. 1 ст. 149 Уголовного кодекса Украины свидетельствует о том, что с объективной стороны торговля людьми может выражаться в следующих формах: 1) собственно торговли людьми; 2) осуществления другого незаконного соглашения, объектом которого является человек; 3) вербовки человека; 4) перемещения человека; 5) сокрытия человека; 6) передачи человека; 7) получения человека [1, с. 7–14].

Конвенция ООН 1949 г. о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами, а также более поздние международно-правовые акты определяют торговлю людьми как все действия и соответствующие намерения, связанные с вербовкой, транспортировкой, куплей-продажей, перемещением, передачей из рук в руки или содержанием лиц, привлеченных к использованию обманным путем, принуждением (включая использование или угрозы насилием или злоупотребление служебным положением) или долговой зависимостью (кабалой), с целью удержания этого лица независимо от того, оплачивается его работа или нет, в

подневольном положении (домашнем, сексуальном или репродуктивном), в принудительном труде или в условиях, тождественных рабству [2].

Последнее по времени (2000) международно-правовое определение торговли людьми приводится в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, который дополняет Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, где торговля людьми определяется как осуществляемые с целью эксплуатации (такая эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством и т. д.) вербовка, перевозка, передача, сокрытие или получение людей путем угрозы силой или ее применения или же иных форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо, причем согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию, о которой идет речь выше, не принимается во внимание [3]. Можно констатировать, что в международно-правовых актах, распространяющих свое действие и на Украину, торговля людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, сокрытие или получение людей, которые совершаются определенными способами.

В свою очередь, тот факт, что украинский законодатель, в отличие от вышеуказанных международно-правовых актов, выделил торговлю людьми как отдельную форму преступления, отличную от таких его форм, как вербовка, перевозка (перемещение), передача, укрывательство или получение человека, означает, что в ст. 149 Уголовного кодекса Украины под торговлей людьми следует понимать собственно торговлю людьми, т. е. совершение актов купли-продажи людей.

Осуществление другого незаконного соглашения, объектом которого является человек, предусматривает осуществление таких сделок, как дарение, предоставление в безвозмездное пользование, передача в счет погашения долга, а также какие-либо другие соглашения, по которым лицо передается для эксплуатации. С другой стороны, нельзя считать осуществлением незаконной сделки, объектом которой является человек, в частности, действия лица (сутенера), которое сводит проститутку с клиентом, поскольку в таких случаях человек передается другому лицу фактически не во владение, а только во временное пользование.

Вербовка человека представляет собой достижение договоренности путем непосредственного найма, т. е. приглашения и набора добровольцев якобы для участия в определенной деятельности или предоставления определенных услуг на определенных условиях, как правило за материальную выгоду. В конкретной ситуации это может проявляться в приглашении будущих жертв работать танцовщицами, горничными, официантками и т. п.

Перемещение человека представляет собой изменение его положения путем перевозки и другого перемещения как через государственную границу Украины, так и в пределах территории Украины. При этом действия виновного, связанные с незаконным перемещением человека через государственную границу Украины, требуют дополнительной квалификации по ст. 332 Уголовного кодекса Украины «Незаконная переправка лиц через государственную границу Украины», а в случаях, когда для пересечения государственной границы были использованы похищенные или заведомо поддельные документы, – еще и по соответствующим частям ст. 357 «Похищение, присвоение, вымогательство документов, штампов, печатей, завладение ими путем

мошенничества или злоупотребления служебным положением или их повреждение» и ст. 358 «Подделка документов, печатей, штампов и бланков, сбыт или использование поддельных документов, печатей, штампов» Уголовного кодекса Украины. С другой стороны, если жертва торговли людьми пересекает государственную границу Украины на основании соответствующих документов, ст. 332 Уголовного кодекса Украины применению не подлежит [4, с. 84].

Соккрытие человека предусматривает размещение человека в определенных помещениях, тайниках, в определенной местности и т. п., которые затрудняют установление его реального местонахождения, предоставление ему поддельных документов, совершение в его отношении пластической операции и т. п.

Передача и получение человека представляют собой соответствующие фактические действия, совершенные уже после совершения в отношении данного человека акта купли-продажи, вербовки, перемещения и т. д., связанные с переходом фактического контроля над ним от одного лица (группы лиц) к другому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искров, К. М. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми или другого незаконного соглашения относительно человека: международные и национальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К. М. Искров ; Харьк. нац. ун-т внутр. дел. – Харьков, 2012.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами [Электронный ресурс] : 2 дек. 1949 г. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_162.

3. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : 15 нояб. 2000 г. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_791.

4. Уголовное право Украины: Особенная часть / Ю. В. Баулин [и др.] ; под ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тация. – Харьков : Право, 2010. – 352 с.

К содержанию

УДК 343

Н. А. МЕШКОВА

Беларусь, Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – **Н. В. Пантелеева**, кандидат юридических наук, доцент

ЗЛУОПТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ И СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Квалификация коррупционных преступлений представляет собой не простую задачу, так как совершение данных правонарушений предполагает ряд действий, поэтому «коррупционера» можно охарактеризовать как лицо, длительно совершающее противоправные действия. Выявление таких преступлений имеет ряд сложностей, так как для совершения практически любого коррупционного правонарушения необходимо

выстроить ряд сложных тактических действий для того, чтобы затруднить не только раскрытие таких преступлений, но и их выявление [1].

Одним из наиболее неоднозначных и характеризующих практически все коррупционные преступления является признак злоупотребления властью и служебными полномочиями. Согласно ст. 424 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, злоупотребление властью или служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действие с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Можно прийти к выводу, что в УК Республики Беларусь имеется два мотива совершения данного преступления: 1) корыстная заинтересованность лица; 2) иная личная заинтересованность. В ст. 301 «Злоупотребление служебными полномочиями» постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 7-5 от 17 февраля 1996 г. «О модельном уголовном кодексе государств – участников Содружества Независимых Государств» к квалифицирующим признакам состава данного преступления относятся три мотива, два из которых совпадают с УК Республики Беларусь, а также указывается «групповая заинтересованность». В Конвенции ООН против коррупции 2003 г. предлагаются не мотивы совершения данного преступления, а цели получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого, для иного физического или юридического лица. В то же время Закон Республики Беларусь № 305-3 от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон № 305-3) говорит не про мотивы, а про цели совершения данного правонарушения: получение имущества для себя, либо имущества для третьих лиц, либо иной выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или другой такой же выгоды для третьих лиц. Можно сделать вывод, что в субъективной стороне данного преступления имеются некоторые различия, однако их нельзя назвать коллизией, так как цели характеризуют мотивы, т. е. являются его неизменной составляющей. На наш взгляд, целесообразным будет гармонизировать УК Республики Беларусь и Закон № 305-3 путем внесения целей злоупотребления властью или служебными полномочиями в примечание к гл. 24 УК Республики Беларусь, так как мотивы, указанные в ст. 424 УК Республики Беларусь, являются квалифицирующим признаком данного преступления и в их изменении, на наш взгляд, нет необходимости [2]. Однако, на наш взгляд, необходимо дополнить ст. 424 УК Республики Беларусь следующим положением: «а также групповая заинтересованность», так как своими действиями должностное лицо может оказывать «услугу» не только себе, но и какой-либо группе лиц.

Злоупотребление властью и служебными полномочиями в обыденном понимании представляет собой осуществление каких-либо действий для получения личной, чаще всего материальной выгоды. Однако указанные цели не являются единственными. Злоупотребление властью или служебными полномочиями – это совершение действий, направленных на удовлетворение различных потребностей, не связанных с интересами службы. Например, использование служебной машины и соответственно труда водителя не только для того, чтобы быть доставленным на работу и домой, но и для каких-либо своих личных целей; использование рабочего времени своих подчиненных, например, для того, чтобы решить какие-либо свои личные проблемы, дела, вопросы и т. д. Указанным правонарушениям достаточно часто не уделяется должного внимания,

в результате чего лицо не подвергается какой-либо юридической ответственности. На наш взгляд, например, за ненадлежащее использование материальных благ, предоставленных для удобства должностного лица, должна наступать административная ответственность, а для правонарушения, характеризующегося перекалыванием своих обязанностей или же решением личных вопросов с помощью сотрудников, должна наступать дисциплинарная ответственность, например в виде понижения класса государственного служащего на срок до шести месяцев.

Таким образом, по нашему мнению, целесообразно будет добавить статью «Злоупотребление властью и служебными полномочиями» в гл. 23 «Административные правонарушения против порядка управления» Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, которая предусматривала бы возмещение убытков и наложение штрафа и имела следующий контекст: умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной, иной личной или групповой заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий наказывается наложением штрафа до пятидесяти базовых величин, а также возмещением убытков. Если же административное взыскание не возымеет должного эффекта и лицо повторно в течение года совершит такое же правонарушение, то будет наступать уголовная ответственность по ст. 424 УК Республики Беларусь, поэтому, на наш взгляд, данная статья должна предусматривать административную преюдицию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов, Д. Классификация преступлений в сфере экономики [Электронный ресурс] / Д. Климов // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Лосев, В. В. Мотивы и цели злоупотребления служебными полномочиями: сравнительно-правовая характеристика / В. В. Лосев // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / БГУ, Юрид. фак. ; редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 86–89.

К содержанию

УДК 343.54

Д. Г. МОРОЗ

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОТОРЫХ ПРЕДУСМОТРЕНА НОРМАМИ ГЛАВЫ 20 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1. Одними из наиболее опасных преступных посягательств против человека являются преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами гл. 20 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, – преступления против половой неприкосновенности и половой свободы.

Несмотря на незначительное количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, они, тем не менее, обладают высокой степенью общественной опасности. Причинами этого являются несколько обстоятельств. Во-первых, эти преступления посягают, как правило, сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны: половую неприкосновенность, половую свободу потерпевших, здоровье, честь и достоинство, нормальное нравственное и психическое развитие несовершеннолетних. Во-вторых, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы обладают высокой степенью латентности. Например, в Республике Беларусь за последние годы регистрируется от 100 до 200 случаев изнасилования ежегодно, но при этом некоторые отечественные криминологи утверждают, что реальное количество изнасилований в стране составляет 2 000–2 500 случаев [1, с. 228].

Имеются основания полагать, что причиной высокой латентности рассматриваемой группы преступлений является нежелание потерпевших, чтобы факт совершения посягательства против их половой свободы, чести и достоинства стал известен окружающим. Кроме того, по нашему мнению, на латентность преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы в определенной степени влияют некоторые недостатки уголовного закона.

2. Следует обратить внимание на то, что необходимость совершенствования норм уголовного закона, устанавливающего ответственность за совершение рассматриваемых преступлений, диктуется также и целым рядом иных соображений, обусловленных необходимостью разрешения вопросов построения системы норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, квалификации этих преступлений, их наказуемости.

Одним из системообразующих признаков гл. 20 УК Республики Беларусь является содержание общественных отношений, являющихся объектами охраны норм, закрепленных в данной главе. В качестве объекта уголовно-правовой охраны норм гл. 20 УК Республики Беларусь указываются половая неприкосновенность и половая свобода. Однако нужно отметить, что названные в качестве объектов уголовно-правовой охраны половая неприкосновенность и половая свобода имеют достаточно неопределенное содержание.

В уголовном законе содержание указных объектов уголовно-правовой охраны не раскрывается. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 166–170 УК)» также отсутствуют какие-либо разъяснения по поводу того, что следует понимать под половой свободой и половой неприкосновенностью. Разъяснение содержания половой неприкосновенности и половой свободы носит лишь доктринальный характер. Так, например, в научно-практическом комментарий к УК Республики Беларусь половая свобода определяется как право самостоятельно определять как желание на вступление в половую связь, так и выбор полового партнера и условия совершения полового акта. В тех же случаях, когда речь идет о лицах, не достигших 16-летнего возраста, объектом является половая неприкосновенность [2, с. 351–352].

Представляется, что сам по себе такой доктринальный подход нуждается в корректировке, поскольку по своему содержанию он далеко не полностью раскрывает понятие половой неприкосновенности и половой свободы. В частности, половая неприкосновенность, по нашему мнению, должна включать в себя не только

недопустимость совершения полового акта с лицами, не достигшими определенного возраста (в нашем случае 16-летнего), но и с лицами, не способными в силу своего беспомощного состояния, вызванного, например, болезнью, выразить свое отношение к совершаемым в отношении их противоправным действиям. Полагаем, что в ходе тщательного доктринального анализа половой неприкосновенности и половой свободы могут быть выявлены и ряд иных признаков этих объектов уголовно-правовой охраны.

3. Точное содержательное установление признаков половой неприкосновенности и половой свободы имеет существенное значение для точной квалификации преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу и, соответственно, на правильное применение уголовного закона. Кроме того, анализ содержания половой неприкосновенности и половой свободы как объектов уголовно-правовой охраны играет определяющую роль и при построении системы норм гл. 20 УК.

Исходя из этого, представляется необходимым обратить внимание на весьма спорное расположение в гл. 20 УК Республики Беларусь норм, устанавливающих ответственность за организацию и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК) и за вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171-1 УК). Из анализа диспозиций этих норм вытекает, что половая неприкосновенность и половая свобода могут выступать при совершении указанных преступлений только в качестве дополнительных объектов посягательств и при этом не во всех случаях. Занятие проституцией, как правило, носит добровольный характер со стороны лиц, занимающихся этой деятельностью. Соответственно о посягательстве на половую свободу или неприкосновенность указанных лиц речи вообще может и не идти. По нашему мнению, нормы, устанавливающие ответственность за совершение названных составов преступлений, должны располагаться не в гл. 20 УК, а в гл. 30 УК «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности».

4. По нашему мнению, следует обратить внимание также и на определенную пробельность некоторых норм, устанавливающих ответственность против половой свободы и половой неприкосновенности. Речь, в частности, идет о ст. 166 (изнасилование) и 167 (насильственные действия сексуального характера) УК.

Одним из способов совершения данных преступлений является применение насилия к потерпевшей стороне. При этом в ст. 166 УК говорится о применении насилия к женщине и ее близким, а в ст. 167 только к потерпевшей (потерпевшему). В данном случае нужно обратить внимание на то, что если при совершении преступления, предусмотренного ст. 166 УК, потерпевшая принуждается к половому акту под угрозой применения насилия к постороннему, а не к своему ребенку, то привлечь виновного к ответственности фактически невозможно, либо правоприменитель прибегнет к аналогии закона, что категорически запрещено ч. 2. ст. 3 УК. В ст. 167 УК вообще отсутствует указание на близких потерпевшего. Представляется, что и в ст. 166, и в ст. 167 УК законодателю следовало бы сформулировать признак применения насилия с указанием на применение данного способа совершения преступления не только к потерпевшим, но и иным лицам, а не только их близким.

5. Немаловажным представляется проблема наказуемости преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 166 и 167 УК. Общим (родовым) составом преступлений при этом является преступление, предусмотренное ст. 167 УК, а специальным (видовым) составом является преступление,

предусмотренное ст. 166 УК. Необходимость выделения общих и специальных составов возникает среди прочего в тех ситуациях, когда частный (специальный) вариант общего преступного поведения обладает большей или меньшей степенью общественной опасности. Соответственно, и санкции общей и специальной норм должны отличаться друг от друга в зависимости от большей или меньшей степени общественной опасности преступления, образующего специальный состав по сравнению с общим составом преступления.

Во всех же частях ст. 166 и 167 санкции одинаковы. В данном случае дифференциация насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 166 и 167 УК, становится бессмысленной. Полагаем, что в целях дифференциации ответственности за совершение насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы в зависимости от сравнительной степени их общественной опасности, санкции ст. 166 и 167 УК должны быть законодателем дифференцированы. При этом менее строгими санкциями, по нашему мнению, должны быть санкции трех частей ст. 166 УК по сравнению со ст. 167 УК.

6. Ст. 168 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что не во всех случаях в действительности целесообразно привлекать к уголовной ответственности некоторых совершеннолетних лиц, которые вступили в половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста.

В данном случае имеет смысл присмотреться к законодательному опыту УК России, в ст. 134 которого содержится примечание, устанавливающее специальный вид освобождения от уголовной ответственности и специальное условие неприменения наказания в виде лишения свободы к совершеннолетнему лицу, вступившему в половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. В частности, речь идет о том, что, во-первых, лицо, впервые совершившее данное преступление, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Во-вторых, в случае если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и обвиняемым (обвиняемой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершение данного деяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Новое знание, 2016. – 316 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

К содержанию

Е. В. МОСИЯНЧИК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Е. А. Коротич**, кандидат юридических наук, доцент

**ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
КВАЛИФИКАЦИИ**

Изучение материалов уголовных дел, а также теоретико-правовых исследований рассматриваемого состава преступления позволяет сделать вывод о существующих недостатках толкования и применения нормы об ответственности за заведомо ложные показания, что, в свою очередь, сопряжено с возникновением проблемы квалификационного характера. Полагаем, что предупреждение такого рода проблемы могло бы служить уяснением следующих ключевых аспектов квалификации.

Согласно ч. 1 ст. 401 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, к заведомо ложным показаниям относятся не только не соответствующие действительности показания свидетеля или потерпевшего, но и заведомо ложное заключение эксперта либо сделанный переводчиком заведомо неправильный перевод в суде при рассмотрении уголовных и гражданских дел либо при производстве предварительного следствия или дознания. Особенность заведомо ложных показаний заключается в том, что лица, принимая участие в уголовном или гражданском процессе в качестве свидетеля, эксперта или переводчика, дезинформировав суд о фактах и обстоятельствах, имеющих существенное значение для разрешения соответствующего дела, становятся обвиняемыми по уголовному делу о даче ложных показаний [1].

По ч. 2 ст. 401 УК Республики Беларусь – те же действия, соединенные с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении или с искусственным созданием доказательств обвинения либо совершенные из корыстных побуждений.

Термин «заведомо» означает, что лицу, совершающему преступление, известны юридически значимые обстоятельства, предусмотренные УК Республики Беларусь.

Критерий «заведомо» ложного показания – предварительный умысел, продуманная легенда. Показания могут быть ложными не заведомо, например искреннее заблуждение свидетеля. Доказывание того, что показание «заведомо» ложное, лежит на стороне, обвиняющей в заведомой ложности [4, с. 468].

Общественная опасность этих деяний заключается в том, что они вводят в заблуждение органы дознания, предварительного следствия и суд относительно действительных обстоятельств дела, существенно затрудняют рассмотрение дела, что может привести к вынесению незаконного судебного решения и в конечном итоге причинить вред правам и законным интересам граждан и (или) юридических лиц.

Не любая сообщенная на допросе ложь влечет ответственность по ст. 401 УК. Критериями оценки, имеющими значение для ответственности по ст. 401 УК, выступают относимость показаний, их допустимость и их существенное значение для дела. Относимость показаний как доказательств определяется тем, входят ли они в предмет доказывания. Согласно ст. 180 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) и ст. 103 Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК), суд принимает к рассмотрению и исследует только те из представленных доказательств, которые имеют значение для дела, которые могут подтвердить или опровергнуть факты, подлежащие доказыванию по рассматриваемому делу. Допустимость показаний

определяется с учетом положений, установленных ст. 181 ГПК и ст. 104 ХПК: факты, которые по закону должны быть подтверждены с помощью определенных средств доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания.

Лицо, назначенное экспертом, обязано явиться по вызову суда и дать объективное заключение по поставленным вопросам [2]. Эксперт приносит присягу, текст присяги подписывается экспертом и хранится в деле. Ложность заключения эксперта может выражаться в неправильном изложении фактов, явившихся исходным материалом для исследования, применении неверных методов исследования либо в заведомо неправильном выводе по произведенной экспертизе [3]. Если при проведении комплексной экспертизы эксперты, действуя по предварительному сговору, совместно составили заведомо ложное заключение экспертизы, преступление должно признаваться совершенным группой лиц, что в соответствии с п. 11 ст. 64 УК влечет более строгую уголовную ответственность.

Существует вопрос о правовой оценке ситуаций, когда свидетель, эксперт или переводчик умалчивают об известных им фактах. Умолчание подпадает под признаки иного преступления – уклонения свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо эксперта или переводчика от исполнения возложенных на них обязанностей [1]. Однако если молчание является своего рода ответом на заданный вопрос, то такого рода молчание можно приравнивать к заведомо ложным показаниям.

Заведомо ложное показание относится к преступлениям, не связанным с обязательным наступлением общественно опасных последствий. Вместе с тем вопрос о юридическом окончании этого преступления в стадии судебного разбирательства в теории определяется по-разному. Преступление признают оконченным: 1) либо с момента дачи ложных показаний; 2) либо с момента передачи в судебном заседании к рассмотрению подписанных документов (показаний, заключений, текста перевода); 3) либо с момента окончания допроса; 4) либо окончания судебного следствия; 5) либо занесения показаний в протокол судебного заседания. В стадии судебного разбирательства это преступление следует признавать юридически оконченным с момента, когда свидетель непосредственно дал в суде показания, эксперт изложил содержание ложного заключения, переводчик неправильно перевел документ или устную речь.

Данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом: лицо сознавало, что дает заведомо ложное показание, представляет заведомо ложное заключение или осуществляет заведомо неправильный перевод в суде при рассмотрении уголовных и гражданских дел либо при производстве предварительного следствия или дознания, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за совершение указанных действий, и желало их совершить [5, с. 775]. Цели и мотивы, за исключением корыстных побуждений, не влияют на квалификацию данного преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК, они должны учитываться при назначении наказания.

Заведомо ложные показания в отношении близкого родственника или члена семьи лица также влекут ответственность по ст. 401 УК. Однако при определении меры уголовной ответственности родственные или брачные отношения следует учитывать как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Необходимо отметить, что заведомо ложные показания могут быть инициированы иными лицами, юридически заинтересованными в исходе соответствующего судебного дела. В таком случае склонение, например, свидетеля

к даче заведомо ложных показаний должно квалифицироваться как соучастие в преступлении – подстрекательство к даче заведомо ложных показаний.

Особой проблемой квалификации является оценка склонения к заведомо ложным показаниям, совершенная способами, образующими принуждение к совершению преступления. Факт принуждения в таком случае образует самостоятельное основание уголовной ответственности, которое предусмотрено ст. 288 УК, – принуждение лица к совершению преступления. Таким образом, факт принуждения должен квалифицироваться по совокупности преступлений – принуждение лица к участию в преступной деятельности и подстрекательство к совершению соответствующего преступления [6].

Дополнительная квалификация за подстрекательство к преступлению в таком случае вызывает сомнения. Во-первых, поскольку принуждение к совершению преступления является специальной разновидностью подстрекательства к преступлению, подобная квалификация противоречит принципу справедливости: нельзя дважды наказать за одно деяние. Во-вторых, соучастие в совершении преступления согласно ст. 10 УК является самостоятельным основанием уголовной ответственности и в коррелятивной связи положений ст. 16 УК с соответствующими статьями Особенной части УК образует общую норму. Таким образом, принуждение лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 288 УК Республики Беларусь, и подстрекательство должны квалифицироваться самостоятельно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.11.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Круглов, В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.

5. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

6. Барков, А. Уголовно-правовая оценка принуждения лица к участию в преступной деятельности / А. Барков // Суд. весн. – 2002. – № 3. – С. 27–28.

К содержанию

А. А. ОМЕЛЬЯНОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **В. И. Резюк**, старший преподаватель

**ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ**

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение является элементом комплексной системы преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, предусмотренных гл. 21, соответственно ст. 172 и 173, Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

Анализируя преступления, целью которых является привлечение несовершеннолетних лиц к совершению иных противоправных деяний, стоит учитывать некоторые особенности.

Вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступления или антиобщественное поведение может быть осуществлено только лицом, достигшим 18-летнего возраста. Исходя из этого, состав данных преступлений характеризуется наличием специального субъекта. Специальным субъектом в данных случаях выступает лицо, достигшее совершеннолетнего возраста на день совершения преступления. Устанавливая 18-летний возраст ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, законодатель, очевидно, имел в виду определенные возрастные преимущества субъекта преступления над несовершеннолетним. В случаях, когда субъект по возрастному критерию старше подростка, к примеру, лишь на пару недель или месяцев, то его привлечение к уголовной ответственности может показаться нецелесообразным. Однако в таких случаях степень разницы в возрасте на квалификацию не влияет, и привлечение такого лица к ответственности с точки зрения закона является справедливым и целесообразным.

Общепризнанно, что при определении содержания субъективной стороны состава преступления и характеризующих его признаков, под которыми подразумевается вина, мотив, цель и эмоциональное состояние, необходимо исходить из того, что она выражается в преступных действиях виновного [1]. Руководствуясь своими внутренними предубеждениями, смоделировав определенную для себя выгоду в привлечении несовершеннолетнего, субъект совершает действия по привлечению подростка при наличии прямого умысла. Мотив, возникающий у субъекта, может содержаться в желании облегчить иное преступное деяние посредством вовлечения несовершеннолетнего в его совершение. Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Преступный умысел связан непосредственно с целью – возбудить у несовершеннолетнего лица желания совершить преступные или же антиобщественные деяния. Однако, с другой стороны, стоит учитывать, осознавал ли взрослый либо допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления, а также был ли достоверно осведомлен о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица. Из наличия вышеперечисленных факторов следует, что характеристика умысла при рассматриваемых преступлениях не является однозначной. Таким образом, субъективная сторона может характеризоваться наличием как прямого, так и косвенного умысла.

Для вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний лицо может использовать как физические, так и психологические факторы воздействия. Для достижения цели вовлечь несовершеннолетнее лицо в совершение преступления преступные лица используют в основном такие способы, как убеждение, обман, запугивание, уверение в безнаказанности, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти и других низменных побуждений, а также инициирование преступления советами о месте и способе совершения преступления, обещанием сокрыть следы преступления, оказать содействие в сбыте похищенного и другие способы [2]. Все вышеперечисленные и иные способы совершаются путем преступного деяния в виде активных действий.

Важным моментом является позиция б установлении момента окончания преступления. Так, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил, что преступление, предусмотренное ст. 172 УК, считается оконченным с момента, когда несовершеннолетний в результате воздействия взрослого начал приготовление к совершению преступления [3]. Согласно данной трактовке, вовлечение в совершение преступления является процессом не только инициирования участия в совершении преступления, но уже и реализации намерения приобщить несовершеннолетнего непосредственно к совершению преступления. Действия субъекта в данном случае направлены на общественные отношения, охраняющие нормальное развитие несовершеннолетних. Преступление, предусмотренное ст. 173 УК, считается оконченным уже с момента вовлечения в антиобщественное поведение несовершеннолетнего лица вне зависимости от того, совершил несовершеннолетний какое-либо из обозначенных действий или нет. Таким образом, действия по привлечению несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественного поведения причиняют существенный вред охраняемым данными статьями уголовного закона общественным отношениям, которые связаны с нормальным развитием и становлением несовершеннолетнего.

Следует обратить внимание на то, что существуют разные мнения относительно состава данных преступлений. С одной точки зрения, состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение стоит считать формальным. Формальными признаются преступления, при которых деяния субъекта сами по себе несут противоправный характер, наступления последствий не требуется. Исходя из этого, сам факт совершения действий по вовлечению несовершеннолетнего уже является противоправным. С иной точки зрения, конструкция состава – материальная. И действия по вовлечению не являются преступлением, если в конечном итоге они не привели к совершению противоправного деяния, подпадающего под действие статей УК.

Таким образом, в процессе квалификации рассматриваемых преступлений стоит учитывать некоторые особенности. Учитывая специфику признаков преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК (в частности, объект посягательства, потерпевших – несовершеннолетних), а также проблемы с их определением и оценкой, совершенствование механизма квалификации выделенных преступлений имеет особое значение. Это обеспечивает охрану интересов несовершеннолетних и способствует повышению качества уголовно-правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жадан, В. И. Проблемы субъективной стороны при квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления / В. И. Жадан // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Попонова, Д. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Общая часть [Электронный ресурс] : по состоянию на 24.03.2019 / Д. В. Попонова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=S20200003>. – Дата доступа: 24.03.2019.

К содержанию

УДК 343.9

Е. П. ОРЕХОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 174 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В законодательстве и практической деятельности значительное внимание уделяется реализации права детей на получение алиментов. Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, может повлечь наступление уголовной ответственности по ст. 174 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Проблема предупреждения уклонения родителей от уплаты средств на содержание детей – это часть предупреждения преступности в целом, которая предлагает целый комплекс специальных мер, направленных на защиту прав детей. Эти меры обусловлены тем, что защита имущественных прав несовершеннолетних имеет самостоятельную законодательную основу – ряд международных, конституционных и иных структурно связанных и взаимодополняющих друг друга нормативных правовых актов.

Можно выделить несколько вариантов классификации мер предупреждения преступности: по уровню, по масштабу, по времени; на общепрофилактические, комплексные и индивидуальные. В каждой группе причин, ведущих к уклонению родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, можно определить меры их устранения во взаимодействии с направлениями борьбы со всей преступностью.

На первое место в предупредительных мерах практические работники ставят необходимость усиления воспитательной работы. Профилактике уклонения родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, могли бы способствовать различного рода семейные консультации, центры, в которых оказывалась бы юридическая и психологическая поддержка.

В настоящее время с целью профилактики рассматриваемых преступлений организуются беседы с сотрудниками правоохранительных органов, которые

разъясняют действующее законодательство, а также ответственность за его нарушение. Такого рода беседы, на наш взгляд, необходимо проводить не только с правонарушителями, но и со вторым родителем, который осуществляет полноценный уход за ребенком. На данный момент многие отказываются подавать документы в суд для взыскания алиментов со второго супруга (бывшего супруга), однако следует объяснять указанным лицам, что, не требуя средств на содержание ребенка и надеясь на собственные силы, одинокий родитель обрекает тем самым ребенка на материальную недостаточность. Кроме того, при освобождении другого родителя от необходимости платить алименты, он получает возможность не исполнять закрепленную в ст. 32 Конституции Республики Беларусь обязанность заботиться о ребенке.

Значительным профилактическим эффектом применительно к уклонению родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, также будут обладать, на наш взгляд, мероприятия экономического и культурно-просветительского характера.

В качестве мероприятий экономического характера можно назвать мероприятия, направленные на повышение материального уровня жизни людей. Анализ уголовных дел показал, что материально не обеспеченные категории населения более склонны к совершению преступлений против имущественных интересов детей.

Важным аспектом государственной деятельности, способствующим уменьшению объемов уклонения родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, и минимизации семейного неблагополучия в целом, является совершенствование системы социального обслуживания граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Повышение качества и доступности государственных социальных услуг требует развития страховых механизмов, а также создания новых моделей управления социальной инфраструктурой.

Проводимые государством меры по повышению уровня жизни населения, качества предоставляемых социальных услуг и т. д. для своей успешной реализации требуют соответствующей просветительской работы. Важное место в системе просветительских мероприятий по профилактике преступлений, предусмотренных ст. 174 УК, занимают такие виды пропаганды, как правовая и антиалкогольная.

Правовая пропаганда заключается в информировании людей о нормативных требованиях, предъявляемых к ним государством и обществом, путем целенаправленного применения средств массовой информации. «Правовая пропаганда, с одной стороны, сама оказывает предупредительное воздействие, а с другой – мобилизует силы общества на участие в предупредительной работе» [1, с. 18]. Антиалкогольная пропаганда означает информирование населения о тяжелых социальных и психоневрологических последствиях пьянства, токсикомании, но не ограничивается только этим. Как отмечает Д. А. Шестакова, «антиалкогольная пропаганда должна адресоваться не только самим пьющим людям, но и членам их семей, а также любым семьям, имеющим детей. Такой подход позволяет включать семейный потенциал положительного воздействия на неблагополучную семью, осуществлять раннюю семейную профилактику пьянства молодежи» [2, с. 158].

Мероприятия просветительского характера создают необходимый фон, который способствует развитию и усиливает действие государственных и общественных

структур по специально-криминологической профилактике преступлений, предусмотренных ст. 174 УК, а именно по совершенствованию практики уголовно-правовой борьбы с рассматриваемым преступлением и практики работы судебных исполнителей в части взыскания алиментов. В части повышения деятельности судебных исполнителей по исполнению судебных решений о взыскании алиментов возможна реализация следующих мероприятий:

– заключить соглашение с регистрирующими органами о предоставлении информации, касающейся местонахождения должников, а также их имущества, что позволит своевременно выявлять и обращать взыскание на имущество, принадлежащее должникам, устанавливать место работы должников;

– периодически проводить совместные совещания с представителями органов внутренних дел по вопросам розыска должников, уклоняющихся от уплаты алиментов, а также по привлечению должников, уклоняющихся от уплаты алиментов, к уголовной ответственности.

Из изложенного видно, что важным направлением совершенствования работы по предупреждению уклонения от уплаты средств на содержание детей является также работа непосредственно с взыскателями – лицами, которые проживают совместно с несовершеннолетним ребенком и получают алименты на его содержание.

Одним из способов решения проблемы принудительного взыскания алиментов могло бы стать участие государства в лице определенного органа в контроле за реальным их взысканием в пользу несовершеннолетних и нетрудоспособных детей. Так, например, можно было бы оказывать адресную материальную помощь семьям, оказавшимся в трудной ситуации.

В юридической литературе предлагается ввести в ст. 174 УК квалифицирующие признаки, предусматривающие ответственность за сокрытие доходов или имущества от обращения взыскания по исполнительному производству, а также несообщение должником судебному исполнителю о перемене своего места жительства, совершение иных умышленных действий, влекущих невозможность взыскания алиментов или задержку их взыскания. В настоящее время за указанные выше действия в законодательстве Республики Беларусь предусмотрена административная ответственность, однако, как показывает практика, данная статья не «используется». Так, анализ работы судебных исполнителей показывает, что при неявке должников по повесткам в отдел принудительного исполнения, а также при перемене ими места жительства без уведомления судебных исполнителей должники к административной ответственности не привлекались. Это позволяет должникам чувствовать безнаказанность со стороны государственных органов. В связи с этим считаем необходимым усилить контроль за соблюдением требований нормативных правовых актов со стороны судебных исполнителей, в том числе и в части привлечения последними должников к административной ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что борьба с преступлениями, предусмотренными ст. 174 УК, должна проводиться не только силами правоохранительных органов. Значительным эффектом в части профилактики преступлений обладают мероприятия общесоциального характера, а именно: повышение уровня жизни, профилактика семейного неблагополучия, развитие системы социального обслуживания семей, правовая и антиалкогольная пропаганда. Кроме этого, предлагается усилить взаимодействие судебных исполнителей с участковыми инспекторами органов внутренних дел по профилактике преступлений, связанных с уклонением родителей от содержания детей либо от возмещения расходов на их содержание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абидова, Л. Б. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. Б. Абидова. – Ростов н/Д, 2009. – 29 с.

2. Шестаков, Д. А. Семейная криминология. Криминофамилистика / Д. А. Шестаков. – М. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 387 с.

К содержанию

УДК 343.8

И. М. ПАНЬОНКО, Р. М. РИМАРЧУК

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СО СТОРОНЫ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

История мест лишения свободы свидетельствует и о том, что одним из наиболее эффективных инструментов противодействия осужденных администрации учреждений исполнения наказаний было их объединение в преступные сообщества. Как по этому поводу сделал вывод К. В. Муравьев, исторический опыт показывает, что люди всегда выживали только в случае объединения и выполнения определенных правил и норм поведения. Поэтому можно считать, что возникновение «второй жизни» имеет объективный характер [1].

Как показали исследования ученых-пенитенциаристов XIX столетия (М. М. Гернет), указанная община была всегда не только средством самоорганизации осужденных, но и активно противодействовала тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как исправительно-карательному учреждению [2]. В частности, И. Я. Фойницкий считал, что община в тюрьме приводит именно к достаточно невыгодным для тюремных задач последствиям, прикрывая собой осужденных и выступая коллективной силой против распоряжений и мероприятий администрации. По его мнению, только одиночная система тюремного содержания осужденных к лишению свободы позволяла уничтожить это общество, которое объединяет людей во имя преступления и дает каждому члену новые силы для совершения нарушений после освобождения из тюрьмы и для борьбы с тюремными порядками во время заключения [3].

Во второй половине XIX столетия иерархия лиц, возглавлявших сообщество осужденных в местах лишения свободы, имела определенную структуру. В частности, на вершине правления были так называемые «казаки», а в некоторых тюремных сообществах – «иваны». Общим, что объединяло эти категории осужденных, было то, что и первые, и вторые вышли из касты «бродяг» (жарг. ‘профессиональный преступник, пользующийся наибольшим авторитетом среди осужденных’). При аресте «бродяги», не имея при себе каких-либо документов, удостоверяющих их личность, называли себя вымышленными именами («Иван Иванович»), отсюда и пошла эта кличка. Стоит отметить, что «бродяга», как и «казак», является наименованием свободных и независимых людей, которыми они по сути и были: «...Бродяга – это высший титул для арестанта; он означает человека, которому дороже всего на свете воля...» [4].

Самоорганизация осужденных в местах лишения свободы того времени носила характер общины и выражалась в виде тюремной артели. Этот, на первый взгляд, простой и незначительный факт имеет, как нам представляется, большое значение для определения глубинных механизмов возникновения противодействия уголовному судопроизводству в местах лишения свободы. Смысл его заключается в том, что люди для того, чтобы выжить во враждебной среде, которой для них была тюрьма, вынуждены были объединяться между собой. Таким образом, тюремная община Российской империи XIX века была сформирована в виде артелей, под формальным и фактическим руководством лидеров преступного общества – «бродяг». При этом при внешнем благополучии артели, простоте ее управления, в том числе со стороны администрации тюрьмы, она имела один, но довольно существенный недостаток, который заключался в тирании «бродяг» по отношению к другим осужденным. По своей сути, тюремные артели того периода представляли собой разбойничьи группы, во главе которых находились старосты – «бродяги», которые делились на «казаков» и «иванов». Так как эти преступные группы находились в тюрьме, под надзором администрации, они не могли нанести вред населению. Вместе с тем администрация мест лишения свободы не осуществляла особых усилий по нейтрализации и предотвращению их противодействия уголовному преследованию во время отбывания наказания в тюрьмах особенно оперативно-розыскными возможностями. Как правильно заметил в связи с этим С. А. Кутякин, начальники тюрем, как правило бывшие военные, не придавали особого значения оперативно-розыскной функции [5]. Оперативно-розыскная деятельность в тюрьмах того периода осуществлялась в основном путем проведения с осужденными бесед разведывательного характера, использования среди них полицейской агентуры.

Октябрьский переворот 1917 г. и эпоха гражданской войны в России привели к массовому падению морали, кризису духовности. В этот период многие «бродяги» получили долгожданную свободу и немедленно вернулись к прежнему преступному ремеслу. Вместе с тем криминальный мир начал активно пополняться и преступниками новой формации: спекулянтами, бандитами, контрреволюционерами. Это привело к «реформе» в сообществе осужденных к лишению свободы. В частности, достаточно существенные изменения претерпели так называемые «Варнацкие правила», которые действовали до 1917 г. и носителями которых были более 20 000 профессиональных преступников. Авторами переработки этих правил были бывшие белогвардейцы («идейные»). Эти осужденные владели организаторскими способностями, были более грамотными и всесторонне развитыми лицами. Видоизмененные «законы» преступной среды имели следующее содержание:

- так называемый «идейный» не имел права работать;
- ему запрещалось принимать участие в общественной работе;
- он не мог создавать постоянную семью;
- ни в коем случае он не имел права получать оружие из рук представителей власти (т. е. не служил в армии, милиции);
- ему не разрешалось выступать в роли свидетеля или потерпевшего;
- он обязан был расплатиться лично в случае проигрыша в карты или иных азартных играх любой ценой;
- «идейный» преступник должен вносить сумму в так называемый «общий котел».

Эти традиции и обычаи преступной субкультуры видоизменялись в течение всего периода существования преступного сообщества. В частности, в 20–30-е гг. XX века существовали объединения воров, которых называли «ворами в законе». Они

делились на несколько видов и исповедовали следующие правила: а) занимались вымогательством из работающих бригад осужденных (сбором так называемой «дани»); б) требовали безапелляционного выполнения решений «сходов» (собраний) осужденных; в) оказывали материальную помощь друг другу и для других осужденных; г) осуществляли наказания лиц (вплоть до лишения жизни), которые нарушали указанные правила. В конце 50–60-х гг. XX века воровские и производные от них группировки были в основном ликвидированы, остались лишь отдельные известные «воры в законе». Политической подоплекой этого стала смерть И. В. Сталина, решение XX съезда КПСС и последующая массовая реабилитация «врагов народа», которые были основной частью осужденных, над которыми издевались авторитеты преступной среды. После этого последних заставили работать, а тюремные общества жестоко подавлялись. В 70–80-е гг. XX столетия существовали и продолжают возникать в современных тюрьмах различные преступные объединения типа «землячества» и «семей».

Таким образом, изучение социально-психологического механизма поведения отдельно взятых осужденных и их сообществ показывает, что одним из проявлений противодействия досудебному следствию в местах лишения свободы и его детерминант (от лат. *determinans (determinantis)* – тот, что определяет, ограничивает) – причина, которая определяет возникновение явления) является так называемая «преступная субкультура».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муравьев, В. К. «Арештанское сообщество» как общественно-психологический феномен в местах лишения свободы / В. К. Муравьев // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2000. – № 5. – С. 151–157.
2. Гернет, М. Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии / М. Н. Гернет. – 2-е изд., доп. – М. : Юрид. изд-во Украины, 1930. – 234 с.
3. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – М. : Добросвет : Городец, 2000. – 426 с.
4. Мельшин, Л. (Якубович, П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника / Л. Мельшин. – 4-е изд. – СПб. : Тип. А. Маршевского, 1907. – 257 с.
5. Кутякин, С. А. История развития понятия и содержания феномена «воры» в местах лишения свободы России / С. А. Кутякин // Право и жизнь: независимый науч.-правовой журн. – 2006. – № 100 (10). – С. 266–272.

К содержанию

УДК 343.14

Х. П. ПАШАЕВ

Россия, Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

КРАТКО ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО ДОКАЗЫВАНИЯ

В ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин уделяет особое внимание вопросам, касающимся важности и необходимости стабилизации и

улучшения межэтнических, межнациональных, межрелигиозных отношений в обществе. Президент России отметил, что важнейшее направление работы – это противодействие экстремизму. Общее число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2018 г. сократилось почти на 17 %, однако в разных формах и проявлениях такие преступления зафиксированы практически в каждом регионе России. Органы внутренних дел должны жестко пресекать деятельность радикальных группировок, вместе с общественностью, с органами власти на местах предупреждать конфликты на этнической и религиозной почве, принимать решительные меры для выявления и наказания тех, кто пытается распространять идеологию агрессии, насилия и нетерпимости, и прежде всего в молодежной среде. При этом важно концентрировать усилия на выявлении наиболее опасных преступлений экстремистской направленности, учитывать законодательные изменения, которые произошли в этой сфере, в том числе частичную декриминализацию ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Разумеется, в борьбе с экстремизмом сотрудникам МВД необходимо строго руководствоваться нормами закона, а для профилактики этого вида преступлений максимально задействовать институты гражданского общества, религиозные и общественные организации, образовательные учреждения, отметил В. В. Путин [1].

Необходимость активизации противодействия преступлениям экстремистской направленности, в том числе уголовно-процессуальными средствами, диктуется откровенно негативной статистикой совершения преступлений этого вида. Так, в 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1 329 преступлений экстремистской направленности, в 2016 г. – 1 450 (+9,1 %), в 2017 г. – 1 521 (+4,9 %), в 2018 г. – 1 265 (–17 %) [2].

Преступления, отнесенные к числу экстремистских, характеризуются высокой общественной опасностью. Законодатель объединяет преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды в связи с принадлежностью различных лиц к тем или иным социальным группам, в разряд экстремистской деятельности. В числе основных средств решения задач по профилактике преступлений экстремистской направленности обоснованно выступает эффективное противодействие деятельности, осуществляемой членами экстремистских организаций, в состав которых нередко входят несовершеннолетние лица. Преступления экстремистской направленности, совершенные несовершеннолетними, характеризуются повышенной степенью общественной опасности, их количество имеет общую тенденцию к росту, безнаказанность таких преступлений ведет к распространению в обществе (особенно в молодежной среде) ксенофобских настроений, последствием которого выступает эскалация конфликтного поведения, взаимная агрессия со стороны отдельных групп населения. Совершение таких преступлений создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия, в целом представляет опасность подрыва общественной безопасности и государственной целостности Российской Федерации [3, с. 5].

Преступлением экстремистской направленности считается преступное деяние, если оно является проявлением экстремизма, а именно: деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности России, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований,

осуществление террористической деятельности, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики (символики) либо атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий, финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Правоохранительными органами осуществляется большой объем работы, направленной на выявление, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, и уголовно-процессуальная политика, как составная часть правовых основ противодействия преступности, занимает в его структуре одно из ведущих мест. Особая роль при этом принадлежит результативному расследованию и доказыванию преступлений экстремистской направленности, совершаемых против личности. Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности является разновидностью противодействия экстремизму [4.].

Выявление самого преступного деяния не всегда означает привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, и препятствием для достижения этой цели является сложность в доказывании преступлений экстремистской направленности.

Доказывание преступлений экстремистской направленности в досудебном производстве – это регулируемая законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дел. Для правильного разрешения уголовного дела необходимо установить фактические и иные обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу. Достигается это в ходе осуществляемой субъектами доказывания познавательной деятельности, являющейся одним из видов юридического познания, а по своей сути, содержанию и правовой регламентированности – уголовно-процессуальным познанием. В основе ее, как и в любой другой познавательной деятельности человека, лежит материалистическая диалектика.

Собирание и проверка доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса производятся путем допросов, очных ставок, предъявления для опознания, выемок, обысков, осмотров, экспериментов, производства экспертиз и других следственных действий, предусмотренных законом.

Изученные уголовные дела по признакам преступлений экстремистской направленности показывают, что в основной массе расследованных уголовных дел данной категории весьма важное доказательственное значение имеют материалы, полученные сотрудниками оперативных подразделений в ходе проведения оперативно-розыскных

мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Раскрытие преступления экстремистской направленности, как и преступления иного вида, означает формирование такой доказательственной базы обвинения, которая позволяет эффективно поддержать государственное обвинение в суде и убедить суд в виновности подсудимого по предъявленному ему обвинению [5, с. 267–268].

Таким образом, в числе первоочередных мер организационно-правового характера, направленных на обеспечение всесторонности и полноты досудебного доказывания преступлений экстремистской направленности, следует выделить организацию взаимодействия на постоянной основе подразделений предварительного расследования с оперативными сотрудниками, формирование следственно-оперативных групп для расследования сложных уголовных дел с учетом адекватной оценки сложности следственной ситуации, достижение согласованности позиций с органами прокурорского надзора по вопросам законности осуществления уголовного преследования и обеспечения баланса публичных и частных интересов в досудебном доказывании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59913>. – Дата доступа: 14.03.2019.

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart. – Дата доступа: 15.03.2019.

3. Ахмедов, У. Н. Особенности доказывания преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними : монография / У. Н. Ахмедов. – Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2016.

4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации, 28 нояб. 2014 г., № Пр-2753 // СПС «КонсультантПлюс». – М., 2016.

5. Михеев, А. В. Доказывание по уголовным делам, возбужденным по факту совершения лицом публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности / А. В. Михеев // Пробелы в рос. законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 267–270.

К содержанию

УДК 343.132

Э. Х. ПАШАЕВА¹, Х. П. ПАШАЕВ²

¹Россия, Барнаул, Барнаульский юридический институт МВД России

²Россия, Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

О ФЕНОМЕНЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ОШИБКИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Совершенствование деятельности органов предварительного следствия является необходимым условием правильного применения уголовно-процессуального законодательства, справедливого судебного разбирательства и обеспечения

неотвратимости уголовного наказания. В то же время анализ следственной практики показывает, что правоприменительная деятельность не всегда осуществляется с учетом абсолютного соблюдения всех предписаний уголовно-процессуального законодательства. Человеческая деятельность, к сожалению, по различным причинам объективно невозможна без совершения ошибок. К таковым причинам можно отнести недостаточный профессионализм должностных лиц, производящих предварительное расследование, ситуации, сопровождающиеся спешкой либо быстротой принятия процессуального решения в условиях риска возможного допущения ошибки и т. п. Как видно, в таких случаях имеет место феномен так называемой следственной (процессуальной) ошибки. Разумеется, при осуществлении уголовного судопроизводства недопустимо совершение ошибок, поскольку вопросы укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и свобод личности приобретают все большее значение. Потому в сфере уголовно-процессуальных отношений необходимо стремиться к минимизации ошибок в целях улучшения качества предварительного расследования преступлений. В противном случае наличие ошибки может повлечь за собой различные негативные последствия, начиная с «волокиты» досудебного производства и заканчивая угрозой необоснованного наказания лица, подвергнутого уголовному преследованию [1, с. 23–24].

Как показывает изученная практика, на стадии предварительного расследования практически 60 % случаев всех ошибок происходят при выдвижении следственных версий, принятии процессуальных решений, производстве процессуальных и следственных действий.

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует легальное понятие ошибки. В нем говорится лишь о существенных нарушениях уголовно-правового законодательства. Однако юридическая литература изобилует достаточно широким терминологическим аппаратом обозначения ошибок предварительного расследования, в числе которых «упущения предварительного расследования», «пробелы предварительного расследования», «следственные или процессуальные ошибки» [2, с. 56–57]. Интерес ученых к феномену следственной (процессуальной) ошибки также позволил выработать различные авторские определения, при конструировании которых встречаются различные признаки, к примеру неправильность, неточность, погрешность, неверная мысль, неправильное действие или бездействие.

Так, Г. А. Зорин определяет следственную ошибку как недостижение следователем запланированного результата вследствие избрания неадекватных форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации и принятии решений, реализации принятых решений [3, с. 285]. Оппонируя Г. А. Зорину, в концептуально-практическом аспекте Р. С. Белкин отмечает, что выработанное им определение носит настолько общий и неспецифический характер, что ему может соответствовать не только ошибка, но и любое упущение и даже умышленно неверные суждения и действия [4, с. 167]. По нашему мнению, при таком подходе к определению сущности следственной ошибки к ней можно отнести неадекватные формы деятельности следователя, возникшие при восприятии вследствие плохого зрения, вида памяти, воздействия неблагоприятных объективных факторов, физического и психического состояния следователя в момент восприятия (усталость, плохое самочувствие, психическое напряжение и др.). Эти и иные факторы могут влиять на оценку следователем конкретных следственных ситуаций, на принятие им как тактических, так и процессуальных решений, а также на последующую их реализацию. Следственная ошибка является существенным препятствием на пути достижения истины по уголовному делу, целей и задач уголовного судопроизводства.

В поисках универсального определения феномена процессуальной ошибки, под данной категорией А. Д. Назаров предлагает рассматривать не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению ввиду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения) [5, с. 9].

О. Я. Баев определяет следственную ошибку как неправильные действия следователя, не носящие характера произвола, направленные, по его субъективному мнению, на качественное расследование преступлений, но влекущие за собой как минимум одно из последствий: а) привлечение к уголовной ответственности обвиняемого (при условии совершения преступления иным лицом); б) неустановление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности; в) неверное применение норм уголовного или уголовно-процессуального закона; г) другое существенное нарушение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в любом качестве в орбиту расследования преступления [6, с. 6].

В практической деятельности следственная ошибка нередко обладает следующим набором признаков: носит субъективный характер, всегда представляет собой деяние в форме активного действия или осознаваемого отказа от выполнения такого действия (бездействия), им свойственен достаточно высокий уровень латентности, и в силу этого лишь часть совершаемых следственных ошибок обнаруживаются и устраняются во время процесса расследования преступления, субъект следственной ошибки (следователь) осознает факт совершения только после начала ее совершения либо уже по ее окончании; совершение следственной ошибки может приводить к ухудшению или обострению сложившейся сложной следственной ситуации либо к трансформации простой ситуации в одну из разновидностей сложных ситуаций.

Следственные ошибки могут быть классифицированы исходя из их структурного наполнения. Такая классификация может включать в себя следующие группы: технические ошибки, технологические ошибки, ошибки при организации и планировании расследования, ошибки в выдвижении следственных версий, тактические ошибки. Указанные ошибки характерны для расследования преступлений любых категорий и могут совершаться как на первоначальном, так и на последующем этапах расследования [7].

Таким образом, определенная часть следственных ошибок порождается отступлением следователя от предписаний уголовно-процессуального закона, т. е. допущенными им уголовно-процессуальными правонарушениями, неминуемо приводящими к таким последствиям, как сокращение в процессе досудебного или судебного производства числа эпизодов преступной деятельности или количества лиц, обоснованно привлекаемых к уголовной ответственности, привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности, в том числе неустановление обстоятельств, исключающих преступность деяния, либо обстоятельств невиновного причинения вреда, приостановление уголовного дела за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, возвращение прокурором или судом уголовного

дела на дополнительное расследование, необоснованное прекращение или приостановление уголовного дела, постановление судом оправдательного приговора и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия, и способы их устранения / А. М. Баранов. – Омск : Омская акад. упр. МВД Рос. Федерации, 1996.
2. Азаров, В. А. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография / В. А. Азаров, Н. И. Ревенко, М. М. Кузембаева. – Омск : ОГУ, 2006.
3. Зорин, Г. А. Теоретические основы криминалистики / Г. А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000.
4. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р. С. Белкин. – М. : Норма-Инфра, 2001.
5. Назаров, Д. А. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Д. А. Назаров. – СПб., 2017.
6. Баев, О. Я. Тактика следственных действий / О. Я. Баев. – Воронеж, 1995.
7. Следственные ошибки и их устранение в процессе следственной и оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimlib.info>. – Дата доступа: 14.03.2019.

К содержанию

УДК 343.43

Е. С. ПИЛИПЧУК, Е. А. КОРОТИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ УДЕРЖАНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ БЕЛАРУСИ

Незаконное лишение свободы является одним из посягательств, формирующих систему преступлений против личной свободы человека. Несмотря на относительно незначительный удельный вес данного вида преступлений (в 2018 г. по ст. 183 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь было осуждено 6 человек), норма об ответственности за указанное деяние имеет важное значение для механизма уголовно-правовой охраны личной свободы человека. К сожалению, за время действия уголовного закона Республики Беларусь 1999 г. ст. 183 не претерпевала существенных изменений, способных усилить ее охранительный и превентивный потенциал. В то же время в юридической литературе вопросы совершенствования нормы об ответственности за незаконное лишение свободы неоднократно становились предметом острых дискуссий. Помимо конструктивных признаков основного состава данного преступления, критике подвергается и система средств дифференциации ответственности за его совершение. К числу наиболее распространенных суждений относительно возможных направлений дифференцирования уголовной ответственности

за незаконное лишение свободы можно отнести предложения авторов по поводу учета временного критерия лишения свободы потерпевшего. В частности, по мнению ряда российских исследователей, объем причиняемого вреда основному объекту незаконного лишения свободы, а следовательно, и степень общественной опасности последнего зависят не только от способа совершения данного преступления, но и от продолжительности времени удержания потерпевшего в состоянии принудительной изоляции. В частности, Н. В. Бойко, «исходя из данных о длительности незаконного лишения свободы» (от нескольких минут до нескольких месяцев), предлагает «продолжительность его свыше одной недели признать квалифицирующим признаком» [1, с. 17]. На недельный срок как «нижнюю» границу «состава с отягчающими обстоятельствами» указывают О. Михаль и А. Блажнов, дополнительно оговаривая необходимость «определить временные критерии, позволяющие разграничивать незаконное лишение свободы как самостоятельное преступление и, соответственно, – как способ совершения другого преступления» [2, с. 51]. По мнению А. П. Ковалева, удержанию потерпевшего свыше десяти суток следует придать значение квалифицирующего признака, а лишение свободы более тридцати суток признать признаком особо квалифицированного состава данного преступления [3, с. 43]. Говоря о влиянии продолжительности удержания потерпевшего на степень общественной опасности преступления, А. Е. Амосов полагает целесообразным обратиться к дореволюционному опыту дифференциации уголовной ответственности [4, с. 80].

Действительно, и для истории развития отечественного уголовного закона (дореволюционный период), и для современного уголовного законодательства ряда зарубежных государств характерна градация уголовной ответственности за рассматриваемое преступление в зависимости от продолжительности лишения свободы потерпевшего. Несмотря на указанные обстоятельства, мы полагаем нецелесообразным использовать временной критерий для дифференциации уголовной ответственности за незаконное лишение свободы. Делая такой вывод, мы исходим из следующих соображений. Во-первых, как в отечественной, так и зарубежной уголовно-правовой доктрине отсутствует научно обоснованный подход к определению значимого с точки зрения уголовного права временного интервала лишения свободы, способного существенно повлиять на объем вреда, причиняемого основному объекту уголовно-правовой охраны. Во-вторых, продолжительность лишения свободы, рассматриваемая безотносительно условий содержания потерпевшего, способа, обеспечивающего его удержание, субъективного восприятия потерпевшим факта лишения свободы, а также других обстоятельств объективного и субъективного характера, не всегда оказывает существенное влияние на степень общественной опасности содеянного (для сравнения: не сопряженное с применением насилия удержание потерпевшего в собственном доме в течение нескольких недель при сохранении возможности удовлетворения естественных физиологических потребностей и незаконное лишение свободы путем насильственного удержания потерпевшего в условиях, опасных для жизни или здоровья, призванное обеспечить срыв значимой для потерпевшего сделки, но продолжавшееся при этом несколько дней). Кроме того, действующий уголовный закон в ч. 2 ст. 183 УК опосредованно предусматривает меры ужесточения ответственности в случае длительного содержания человека в условиях принудительной изоляции. Речь идет о таком основании ее повышения, как лишение свободы, сопровождавшееся мучениями, которое, помимо прочего, предполагает и длительность насильственного воздействия на потерпевшего [5, с. 123]. Кроме временного критерия, названный квалифицирующий признак (т. е. лишение свободы, сопровождавшееся мучениями)

позволяет учесть и неблагоприятные условия содержания потерпевшего, которые, на наш взгляд, наряду со способом совершения преступления, действительно, способны существенно повлиять на изменение степени общественной опасности данного преступления. Вместе с тем, как известно, причинение мучений по смыслу уголовного закона (ч. 1 ст. 154 УК) является лишь одной из возможных форм истязания потерпевшего. Учитывая же специфику объективной стороны состава незаконного лишения свободы (ч. 1 ст. 183 УК), представляется возможным говорить о необходимости придания квалифицирующего значения и иным формам истязания удерживаемого лица. Характерно, что в составе преступления, предусмотренного п. 7 ч. 2 ст. 182 УК, наряду с применением мучений законодатель указывает на истязание потерпевшего как основание ужесточения ответственности. В контексте сказанного весьма актуальным видится замечание Д. Я. Зайдиевой относительно того, что «похищение человека и незаконное лишение свободы однопорядковые преступления, поэтому было бы логично устанавливать для обоих составов тождественные квалифицирующие признаки» [6, с. 121].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко, Н. В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Бойко ; Харьк. юрид. ин-т. – Харьков, 1989. – 24 с.
2. Михаль, О. О некоторых вопросах применения статьи 127 УК РФ / О. Михаль, А. Блажнов // Уголов. право. – 2005. – № 2. – С. 50–51.
3. Ковалев, А. П. Незаконное лишение свободы. Проблемы совершенствования законодательства / А. П. Ковалев // Закон и право. – 2005. – № 3. – С. 41–43.
4. Амосов, А. Е. Незаконное лишение свободы в уголовном праве России: виды и характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Е. Амосов. – Владимир, 2008. – 199 л.
5. Шарапов, Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р. Д. Шарапов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 298 с.
6. Зайдиева, Д. Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Я. Зайдиева. – М., 2006. – 181 л.

К содержанию

УДК 343.8

Г. С. РИМАРЧУК

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ СУБЪЕКТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Как показывает практика борьбы с преступностью в местах лишения свободы, противодействие расследованию предполагает ту или иную форму общения субъекта противодействия со следователем или прокурором. При этом, как установлено рядом ученых (Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Г. Росинская), в структуре

общения следует различать три компонента: перцептивный, коммуникативный и интерактивный [1].

Содержание перцептивного элемента общения заключается в том, что это процессы восприятия и понимания друг друга участниками общения. Коммуникативный компонент выражается в обмене информацией между субъектами общения. Интерактивная составляющая общения характеризует содержание взаимодействия участников общения.

В аспекте перцепции субъект противодействия расследованию преступлений, совершенных осужденными в УИН и СИЗО, понимая цели и направленность деятельности оперативного работника или следователя, совершает попытки повлиять на них в желаемую для себя сторону. Как по этому поводу относительно осужденных-рецидивистов заметил С. И. Скоков, «особый интерес для изучения психологии рецидива составляет сложное психическое явление, называемое социальной или поведенческой привычкой. Она возникает в результате многократного выполнения тех или иных поступков. Привычка распространяется на все виды деятельности, а также на мышление, а это, в свою очередь, проявляется в стереотипном и тенденциозном выборе поступков» [2].

С коммуникативных позиций противодействие расследованию преступлений заключается в том, чтобы получить информацию о замыслах следователя и передать последним ложную или маскировочную информацию и скрыть истину. О характере общения указанных должностных и других лиц в УИН и СИЗО в данном контексте А. С. Христюк заметил следующее: «Нередко осужденные рассматривают общение с работниками как возможность установления недозволенных связей, что, конечно, затрудняет процесс общения с ними... Иногда возникает ситуация, когда осужденный все попытки сотрудников установить с ним контакт отклоняет, так как считает приговор суда несправедливым и не считает себя виновным в совершении преступления. В данном случае сотрудник воспринимается осужденным крайне негативно. У такого осужденного общение с работниками УИН вызывает или негативные переживания – он уклоняется от общения, ведет себя вызывающе, или нейтральные – равнодушен к общению с ними» [3].

Интерактивный аспект противодействия выражается в конфликтном общении и взаимодействии, в противоположности, несовместимости между субъектами общения. При этом такая агрессивная настроенность осужденного, как правильно сделала вывод Т. В. Морозова, реализуется как в актах откровенной агрессии, так и в невербальных компонентах общения и во внешнем виде личности [4].

Поскольку досудебное следствие в местах лишения свободы осуществляется специально уполномоченными законом лицами (следственными органами внутренних дел или прокуратуры, на территории обслуживания которых дислоцируются УИН и СИЗО), то следует согласиться с теми учеными, которые считают, что противодействие расследованию преступлений, совершенных осужденными к лишению свободы в ходе отбывания данного наказания, выражается в создании различных препятствий в реализации этими должностными лицами своих процессуальных полномочий.

Как установлено в результате многочисленных научных исследований (А. Ф. Штанько), недостаточно эффективное преодоление противодействия расследованию преступлений – одна из причин качественного и количественного ухудшения показателей деятельности правоохранительных органов [5].

В то же время, поскольку оценка деятельности характеризуется как процесс, состоящий из систематического сбора и анализа информации о показателях

деятельности работников в течение относительно длительного времени, то и оценка деятельности следственных и оперативных работников по расследованию преступлений, совершенных в местах лишения свободы, должна опираться на конкретные показатели. Этим объясняется учеными и практиками и высокий уровень латентной преступности в Украине в целом и в УВП и СИЗО в частности.

Такой же подход к обозначенной проблематике предлагает и В. И. Галаган: «Для обеспечения активного противодействия преступности уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел должна постоянно совершенствоваться в зависимости от наличия и эффективности новейших технико-криминалистических и тактических приемов, методов и способов. Поэтому совершенствование каждого из определенных элементов криминалистического обеспечения расследования преступлений является насущной задачей настоящего» [6].

Именно поэтому, учитывая уголовно-исполнительные, процессуальные, уголовно-правовые и оперативно-розыскные задачи, решаемые следователями и взаимодействующими оперативными подразделениями в местах лишения свободы, а также организационно-управленческие решения, принимаемые в ходе расследования уголовных производств, важно, во-первых, дифференцировать процесс расследования преступлений в ИТУ и СИЗО; во-вторых, оптимизировать его за счет внесения изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты, включая ведомственного характера, касающихся вопросов взаимодействия и преодоления противодействия со стороны осужденных и других лиц.

Как показывает практика, в отношении конкретного преступления следует различать внутреннюю и внешнюю формы противодействия досудебному следствию в УИН и СИЗО.

Оказавшись в местах лишения свободы, приговоренный сталкивается с таким явлением, как «вторая жизнь». Это явление порождено неформальной системой самоорганизации осужденных, состоящих десятилетиями. Именно поэтому, как и любая другая система самоорганизации, она включает в себя ролевую и социальную стратификации членов, наличие определенных правил поведения (законов, обычаев, традиций), а также уголовной системы (при нарушении этих правил). Исторический опыт показывает, что люди всегда выживали только в случае объединения и выполнения определенных правил и норм поведения.

Одна группа подчиняет своим интересам другую. Объективная противоположность позиций является серьезным барьером на пути положительного воздействия на осужденных, включая тех, которые являются субъектами или участниками уголовно-процессуальных отношений, возникающих в связи с расследованием уголовных дел, возбужденных в местах лишения свободы. Социальная среда мест лишения свободы способна активно противодействовать в данном случае формированию нужного правосознания у осужденных и способствовать закреплению антиобщественных взглядов и представлений о процессе досудебного следствия по преступлениям, совершенным лицами, отбывающими наказание.

Все это следует учитывать при преодолении, нейтрализации, блокировании и другом противодействии осужденных при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 990 с.

2. Скоков, С. И. Особенности изучения личности рецидивистов и предупреждения повторной преступности / С. И. Скоков // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 1998. – № 1 (3). – С. 55–60.

3. Христюк, С. А. Сотрудники и осужденные: проблемы общения / С. А. Христюк // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2000. – № 5. – С. 158–162.

4. Морозова, Т. В. Личностные особенности агрессивных осужденных / Т. В. Морозова // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2000. – № 5. – С. 163–168.

5. Штанько, О. Ф. Организационные вопросы повышения эффективности следственной деятельности / О. Ф. Штанько // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2001. – № 6. – С. 87–102.

6. Галаган, В. И. Сущность криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / В. И. Галаган // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2001. – № 6. – С. 73–77.

К содержанию

УДК 343.8(477)

А. В. САВЧЕНКО¹, Л. М. ДУЧИМИНСКАЯ²

¹Украина, Киев, Национальная академия внутренних дел

²Украина, Луцк, главное управление Пенсионного фонда Украины Волынской области

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД КАК СУБЪЕКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

Как показывает практика борьбы с преступностью в Украине за 2014–2018 гг., несмотря на уменьшение на 7,9% количества совершенных в 2018 г. уголовных правонарушений (всего 487 133 преступления) [1] по сравнению с 2014 г. (529 139 преступлений) [2], состояние правопорядка в нашей стране остается напряженным и сложным, что свидетельствует о ненадлежащем выполнении правоохранительными органами и судами требований ст. 3 Конституции Украины о том, что государство отвечает перед человеком за свою деятельность, содержание которой заключается в обеспечении прав и свобод данного объекта правовой охраны и гарантий их реализации [3]. При этом из общего числа совершенных за этот период уголовных правонарушений было предотвращено правоохранительными органами на стадии приготовления (ст. 14 Уголовного кодекса Украины (далее – УК)) и покушения на преступление (ст. 15 УК) только 0,6 % (в 2014 г. – 3 220, а в 2018 г. – 2 763). Среди других криминологически значимых в этом контексте данных обращают на себя внимание те, что составляют содержание тенденций преступности, которые получили свое развитие в 2014–2018 гг., а именно: а) высокий удельный вес в структуре общей преступности тяжких преступлений (ч. 4 ст. 12 УК), количество которых в 2018 г., в сравнении с 2014 г., выросло на 5,4 % (с 29,1 до 34,5 %); б) значительное количество преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 12 УК) – соответственно 40,4 % (в 2018 г.) и 40,8 % (в 2014 г.); в) практически неизменным является число преступлений небольшой тяжести (ч. 2 ст. 12 УК) – в 2014 г. – 133 259 (25,2 % в общей структуре преступности), а в 2018 г. – 106 768 (21,9 %).

Таким образом, в наличии сложная прикладная проблема, требующая решения в том числе на теоретическом уровне. Как представляется, сущность ее заключается в том, что к борьбе с преступностью в целом и к профилактической деятельности в частности в Украине довольно вяло и неэффективно привлекаются определенные в доктринальных источниках различные субъекты предупреждения преступлений (специализированные, неспециализированные, частично специализированные) [4, с. 64], включая потенциальные возможности Пенсионного фонда Украины.

Именно указанные выше обстоятельства и обусловили выбор темы этой научной статьи, а также определили ее основную задачу – доказать необходимость более активного привлечения к предупредительной деятельности Пенсионного фонда Украины как одного из неспециализированных субъектов предупреждения преступлений, а также разработать научно обоснованные меры в этом направлении.

В криминологической литературе под субъектами предупреждения преступлений понимают органы, учреждения, организации, предприятия, а также должностных лиц (служащих) и отдельных граждан, на которых законом возложены задачи и функции по выявлению, устранению, ослаблению, нейтрализации причин и условий, способствующих существованию и распространению преступности в целом, ее отдельных видов и конкретных преступлений, а также по сдерживанию от перехода на преступный путь и обеспечению ресоциализации лиц, склонных к совершению преступлений (рецидива) [4, с. 63]. При этом, положив в основу функциональный признак, прежде всего реальное влияние выполняемых ими функций и соответствующих им видов деятельности на устранение (нейтрализацию) детерминант преступности и преступных проявлений, А. П. Закалюк субъекты предупреждения преступности разделил на несколько групп, а именно:

а) органы и организации, которые управляют этой деятельностью, организуют ее, создают систему управления ею (органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления);

б) органы и организации, в отношении которых предупреждение преступности и преступных проявлений отнесены или должны быть отнесены к основным задачам и функциям (МВД, СБУ, прокуратура, суд, специализированные общественные организации);

в) органы, учреждения, организации, функции и полномочия которых не имеют целевого направления на предотвращение преступности и преступных проявлений, но их деятельность непосредственно влияет на профилактические процессы относительно детерминант преступности и отдельных преступлений (учреждения образования, культуры, здравоохранения, социальной помощи, администрация предприятий, учреждений, организаций и т. п.) [5, с. 346].

Таким образом, исходя из дуалистической социально-правовой природы функций и задач деятельности Пенсионного фонда Украины, его органов и отдельных подразделений, необходимо признать, что в наличии есть конкретная теоретико-прикладная проблема, которая должна стать предметом активной дискуссии и соответствующих доктринальных разработок, учитывая современное состояние преступности в Украине и низкий уровень привлечения к борьбе с ней потенциальных возможностей других субъектов предупреждения правонарушений, включая данный государственный орган.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единый отчет об уголовных правонарушениях за 2018 г. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Украины. – Режим доступа: <https://www.gp.gov.ua/ua/statinfo.html>.
2. Единый отчет об уголовных правонарушениях по 2014 год [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Украины. – Режим доступа: https://www.gp.gov.ua/ua/stst2011.html?dir_id=111482&libid=. – Дата доступа: 12.02.2019.
3. Конституция Украины : принята 28 июня 1996 г. // Ведомости Верхов. Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
4. Криминология : учеб. пособие / под. ред. А. Н. Джужи. – Киев : Атика, 2009. – 312 с.
5. Закалюк, А. П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика : в 3 кн. / А. П. Закалюк. – Киев : Ин Юре, 2007. – Кн. 1 : Теоретические основы и история украинской криминологической науки. – 424 с.

К содержанию

УДК 343

Н. Ю. СЕМЕНОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **И. А. Заранка**, старший преподаватель

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УБИЙСТВА ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ МЕР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В настоящее время одной из мер реализации такого принципа, как неотвратимость уголовной ответственности, является предоставление гражданам права задерживать лицо, которое совершает общественно опасное деяние либо уже его совершило, а также доставлять преступника в орган государственной власти и управления, осуществляющий уголовное преследование. Данный способ не только эффективное средство в борьбе с преступностью, но также метод, гарантирующий законность, стабильность и правопорядок в государстве. Стоит сказать, что задерживать лицо могут не только уполномоченные органы, но и пострадавшие от преступления либо непосредственно очевидцы. Невозможно не согласиться со словами Ю. В. Баулина, который в одном из своих научных трудов писал: «Наиболее правильной представляется точка зрения, согласно которой задержание преступника является самостоятельным видом правомерного и общественно полезного поведения граждан» [1]. По данным исследования А. В. Наумова, задержание потерпевшими осуществляется в 31,7 % случаев, в 40,5 % – общественностью и в 1,8 % – правоохранительными органами [2]. Лицо, совершающее преступление, чувствует безнаказанность, в связи с чем сотрудники правоохранительных органов, а также и обычные граждане, осуществляя задержание преступника, чаще всего вынуждены причинять ему вред различной степени тяжести, вплоть до лишения жизни. Задержание лица иногда признается преступлением, поэтому и требует тщательной уголовно-правовой оценки, особенно если при задержании преступник был убит. В науке уголовного права данный аспект до сих пор остается сложным и теоретически слабо

разработанным. Н. С. Таганцев, А. Ф. Кони, Ю. В. Баулин, С. В. Бородин и др. изучали институт обстоятельств, исключающих преступные деяния и причинение вреда при задержании преступника.

Причинение вреда при задержании лица в пределах разумного, если данный вред соответствует обстоятельствам, которые включают в себя пол, возраст, состояние здоровья, место и время задержания, исключает уголовную ответственность. Соответственно, чем выше опасность совершенного преступления, тем выше по характеру насилия может применяться к задерживаемому. Примером правомерного использования оружия при задержании лица может послужить случай 2014 г. в г. Орше. По данным Оршанского РОВД, 2 октября поступило сообщение о том, что в квартиру горожанки, угрожая ножом, пытается проникнуть ее бывший муж, страдающий психическим расстройством. Прибывшие по указанному адресу сотрудники обнаружили мужчину в подъезде дома. На замечания стражей правопорядка нарушитель не реагировал, вел себя дерзко, вызывая и пытался нанести удары ножом. Заместитель начальника УВД уточнил, что нападавшего несколько раз предупреждали о возможности применения спецсредств и табельного оружия. Несмотря на это, мужчина при задержании оказал яростное сопротивление, нанес несколько ударов ножом в область груди и головы сотрудников, тем самым причинив им телесные повреждения. Из-за сложившейся опасности, в целях исключения жертв среди жильцов, оценив обстановку, сотрудники приняли решение о применении табельного оружия. Был произведен один прицельный выстрел, чтобы обезвредить дебошира. От полученного ранения нападавший скончался. Сотрудникам была оказана медицинская помощь [3]. По общему же правилу причинение смерти или тяжкого вреда здоровью задерживаемого недопустимо, если он совершил не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление [4]. Однако если были нарушены пределы и превышены меры дозволенного при задержании лица, что повлекло за собой убийство преступника, деяние будет квалифицироваться как преступление с привилегированным составом. Особенная часть Уголовного кодекса Республики Беларусь, а именно ст. 142, предусматривает специальную норму, которая гласит, что убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность, а именно наказание в виде ограничения свободы на срок от трех лет или лишения свободы на тот же срок [5]. Стоит отметить, что данной нормы в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1960 г. не существовало. Однако ученые-юристы не раз указывали на необходимость внесения ее в перечень убийств со смягчающим обстоятельством. Виновный при совершении убийства в указанных обстоятельствах осознает, что нет необходимости лишать жизни такое лицо. Подобные ситуации возникают при совершении преступлений, которые не представляют угрозы для жизни, здоровья, половой неприкосновенности и свободы человека. Примером могут быть такие общественно опасные деяния, как кража и мошенничество. Изучив уголовное законодательство Республики Беларусь, можно сделать вывод и о том, что рассматриваемое преступление совершается только путем активных действий.

Акцентировать внимание, безусловно, стоит и на элементах состава анализируемого преступления. Непосредственным объектом является жизнь человека, задерживаемого за совершение общественно опасного деяния. Следовательно, потерпевший – преступник, к которому применяются меры задержания. Объективная сторона, как выделялось ранее, выражается в активных действиях, последствиях в виде смерти потерпевшего и причинной связью между общественно опасным деянием и

последствием. По конструкции объективной стороны состав – материальный. Преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, что означает смерть преступника. Не имеет значения, наступила ли смерть в момент задержания лица или по истечении некоторого времени. Субъект деяния общий. Лицо, совершившее преступление, должно быть вменяемое, достигшее 16-летнего возраста. Вопрос о субъективной стороне до сих пор остается актуальным и дискуссионным. Исследователи придерживаются двух позиций. Сторонники первой полагают, что этот вид преступления может совершаться только с косвенным умыслом. Сторонники второй позиции поддерживают предыдущий принцип, однако не исключают и прямого умысла. В действительности большинство выбирает и защищает первую точку зрения, поскольку основная цель задержания – доставление преступника органам власти, и прямой умысел на убийство – «вздор». При этом, так как чаще всего задержание происходит неожиданно, ситуации задержания присущ внезапно возникший умысел. Данный умысел можно отнести к альтернативному умыслу, поскольку виновный предвидит одинаковую возможность наступления двух и более различных последствий.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г., убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, может квалифицироваться по ст. 142 Уголовного кодекса Республики Беларусь и в тех случаях, когда оно совершено при обстоятельствах, предусмотренных в пп. 1–3, 5, 6, 16 ст. 139, а именно убийство: 1) двух или более лиц; 2) заведомо малолетнего или престарелого лица; 3) заведомо для виновного беременной женщины; 4) совершенное общеопасным способом; 5) совершенное с особой жестокостью; 6) совершенное лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 140–143 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Подводя итог, отметим, что правомерное причинение смерти при задержании лица, совершившего преступление, является следствием невозможности разрешения сложившейся ситуации иным способом. Положение лица, вынужденного оборонять себя либо еще кого-либо от опасного посягательства, обуславливает сложности в уголовно-правовой оценке и анализе содеянного. Квалифицируя действия обороняющегося лица, правоохранительные органы должны учитывать не только характер общественно опасного посягательства, но и восприятие обороняющимся обстоятельств такого посягательства. Любое лицо, независимо от его гражданства или должностного положения осуществляющее задержание преступника, обязано доставить его органам власти, а в случае гибели сообщить о случившемся в соответствующие органы правопорядка. Сотрудники этих органов, а также иные должностные лица или военнослужащие могут участвовать и практически чаще, чем простые граждане, участвуют в процессе задержания преступника. На основе изученной литературы можно сделать вывод, что данный институт все же остается не до конца изученным и представляет обширное поле для правотворческой деятельности как белорусских юристов, так юристов других стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Право граждан на задержание преступника [Электронный ресурс] // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/>. – Дата доступа: 20.03.2019.

2. Электронная библиотека «Юрайт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblio-online.ru/>. – Дата доступа: 20.03.2019.

3. Белорусский новостной портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tut.by/>. – Дата доступа: 20.03.2019.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

К содержанию

УДК [159.9:17.021.2]:347.963(476)

В. В. СЕРЕДА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Г. И. Займист**, кандидат философских наук, доцент

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

Прокуратура занимает центральное место в системе государственных органов Республики Беларусь. Являясь единой и централизованной системой органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, прокуратура осуществляет свои полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. Цель данной статьи – на основе изучения нормативных правовых актов выявить и показать место и значение нравственно-психологических составляющих в структуре профессиональной деятельности прокурора.

Прокурорская служба является государственной службой в Республике Беларусь, предполагает выражение особого доверия со стороны общества и государства, а также предъявляет высокие требования к нравственным и психологическим качествам отдельного прокурора, которые формируют мнение об органах прокуратуры в целом.

При вступлении в должность прокурорский работник добровольно принимает на себя особые обязанности не только служебного, но и повседневного поведения, которые в дальнейшем достойно исполняет.

Основные обязанности профессиональной деятельности прокурора закрепляются такими нормативными правовыми актами, как Конституция Республики Беларусь (гл. 7) [1], Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» [2], Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [3], Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь [4], приказы и указания Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров областей, г. Минска и приравненных к ним прокуроров, Кодекс чести прокурорского работника Республики Беларусь [5] и др.

Изучив вышеперечисленные нормативные правовые акты, можно сделать вывод, что профессиональная деятельность прокурора основывается на общепризнанных

нравственных принципах законности, независимости, демократичности, справедливости, гуманизма, объективности, честности, ответственности, конфиденциальности и др.

Профессиональная деятельность прокурора предполагает его взаимоотношения с органами законодательной власти, местными и распорядительными органами, с работниками правоохранительных и контролирующих органов, с судьями, с другими участниками судопроизводства, со средствами массовой информации, а также международное сотрудничество, взаимоотношения в коллективах прокуратур, руководителей прокуратур и подчиненных работников, взаимоотношения прокурора с представителями органов государственного управления, с руководителями организаций и учреждений частного бизнеса, с гражданами и т. п.

При исполнении возложенных на прокурора указанных служебных обязанностей он должен соблюдать основные требования к своей профессиональной деятельности: поддержание профессиональной чести и достоинства, независимость и самостоятельность, справедливость и объективность, недопущение дискриминации, проявлений коррупции, соблюдение принципа законности, принципа презумпции невиновности, недопущение действий, унижающих человеческое достоинство, недопущение использования доказательств, добытых незаконным путем, обеспечение конфиденциальности информации, профессиональное развитие прокурора.

При исполнении возложенных на прокурора внеслужебных обязанностей он должен соблюдать основные требования к своей повседневной деятельности: недопущение поведения, которое может навредить репутации прокурора, ограничение участия прокурора в политической деятельности, членство прокурора в профессиональных ассоциациях и союзах, отношение прокурора к религии.

Несоблюдение прокурором требований к профессиональной и повседневной деятельности может влечь меры морального воздействия (устное замечание, предупреждение о недопустимости неэтичного поведения, требование о публичном извинении за проступок) или дисциплинарное взыскание (замечание, выговор, понижение в классном чине или должности, увольнение).

Таким образом, нравственно-психологические элементы являются одними из основополагающих в профессиональной деятельности государственного обвинителя как отдельного субъекта, занимающего определенное место в системе государственных органов Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г., № 2875-ХП : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 марта 2008 г.,

№ 181 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.02.2015 г. № 49. – Режим доступа: prokuratura.gov.by. – Дата доступа: 25.03.2019.

5. Кодекс чести прокурорского работника Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят 22 дек. 2007 г. на совместном заседании коллегии Генер. прокуратуры Респ. Беларусь и президиума Белорус. ассоциации прокурор. работников. – Режим доступа: www.brsu.by. – Дата доступа: 25.03.2019.

К содержанию

УДК 343.985.7

Т. В. СИЛЬЧЕНКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **С. М. Храмов**, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ПО ФАКТУ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Допрос лица в качестве обвиняемого по уголовному делу происходит непосредственно сразу после предъявления обвинения и только в том случае, если следователь имеет достаточное количество доказательств, указывающих на то, что данное лицо виновно в совершении преступления.

В ходе проведения допроса у лица, которому предъявляется обвинение в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в обязательном порядке выясняется его отношение к обвинению: признает ли лицо себя виновным либо не признает. Наиболее часто лицо не признает себя виновным или же вовсе отказывается от дачи показаний, пользуясь правом, предоставленным ему ст. 27 Конституции Республики Беларусь: «Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы» [1]. В таком случае перед следователем стоит задача собрать доказательства виновности лица из других источников, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Несмотря на это, в ходе допроса перед следователем стоит задача получить максимально правдивые показания, которые отражают реальную картину произошедшего.

Зачастую обвиняемый сообщает ложные сведения относительно события преступления. Например, факт насильственных действий сексуального характера отсутствует, а имеет место добровольное согласие. Тем не менее со стороны следователя должны предприниматься все меры по пресечению лжи при допросе обвиняемого.

Приведем пример из следственной практики: «В 2014 г. возбуждено уголовное дело по факту совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении 18-летнего гражданина М. На протяжении всего предварительного следствия обвиняемый утверждал, что преступления он не совершал, а 16-летняя потерпевшая вступила в половую связь добровольно. В ходе предварительного следствия были установлены объективные данные, а также получены иные доказательства, свидетельствующие о виновности обвиняемого, что в конечном итоге привело к признанию вины в полном объеме» [2].

Как видим, одним из возможных тактических приемов может выступать криминалистическое распознавание образа лица, от которого получают показания. Указанный прием состоит в том, что следователь должен составить первоначально предположительное представление о том, что из себя представляет обвиняемый. В. А. Образцов предлагает в качестве основополагающих сведений установить следующие: 1) соответствует ли реальный облик лица тому, что он демонстрирует внешним поведением; 2) каковы его нравственный потенциал, увлечения, намерения, планы, ценностные ориентации, образовательный, интеллектуальный, профессиональный уровни, социальный статус, характер, темперамент, образ жизни, степень притязания на лидерство, жизненные перспективы; 3) как давно, при каких обстоятельствах, в каком физическом, физиологическом и психическом состоянии, в каких условиях воспринимал событие, обстоятельство, по поводу которого дает объяснения, имеет ли психические или физические отклонения в данный момент.

Значение указанного тактического приема заключается в том, что следователь получает первоначальную предположительную информацию, на основе которой он может строить свои дальнейшие вопросы. Если следователь приходит к выводу о том, что имеются основания полагать, что лицо сообщает ложную информацию, необходимо применять иные тактические приемы, которые могут способствовать установлению объективной истины и преодолению и пресечению лжи лица, которое заявляет о совершении в отношении него преступного посягательства [3, с. 255]. Также следует отметить, что ввиду особенностей самого преступления, а также особенностей самого обвиняемого следователю необходимо ограничиться в поспешности принятия выводов о том, что та или иная информация может оказаться ложной, в данном случае очень важно учитывать саму обстановку и личность обвиняемого. Однако если следователь предполагает, что информация, о которой сообщает обвиняемый, скорее всего, ложная, то, на наш взгляд, эффективнее всего создать видимость того, что следователь воспринимает данную информацию с доверием.

На практике следователю рекомендуется обращать внимание не только на то, что говорит обвиняемый, а и каким образом он это сообщает, т. е. на невербальные признаки, которые в совокупности могут указывать на то, что лицо, возможно, лжет.

П. Экман к таким невербальным признакам относит:

1) прикрывание рта рукой, прижатие большого пальца к щеке. Данный признак свидетельствует о том, что лицо контролирует свою речь и боится сообщить что-либо лишнее;

2) постоянное отведение взгляда;

3) нервное подергивание конечностями и скрещивание пальцев на руке [4, с. 200].

Безусловно, нельзя принимать за аксиому тот факт, что такое невербальное поведение обязательно свидетельствует о лжи, однако следователь должен обращать внимание на поведение обвиняемого с целью дальнейшей постановки вопросов.

В случае если же обвиняемый признает свою вину, следователю необходимо в первую очередь исключить возможность самооговора. Полагаем, что в данном случае целесообразно привести высказывание прокурора СССР А. Я. Вышинского: «Признание – царица доказательств» [5]. Однако полагаем, что данное высказывание не является обоснованным в силу ряда объективных причин, самая главная из которых – возможность самооговора.

Не менее важным моментом в ходе допроса обвиняемого по делам о насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, является преодоление возможного противодействия предварительному расследованию.

Как указывает К. Ю. Даньшин, «уголовное судопроизводство само по себе предполагает наличие разнообразных конфликтов. Преследуя несовпадающие и противоположные цели, участники уголовного процесса вступают в столкновения, реализуя при этом законодательно предусмотренные права и обязанности, а также совершая в определенных случаях неправомерные действия.

Уголовно-процессуальные конфликты возникают на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства как реакция на обвинение, когда обвиняемый (подозреваемый) еще не знает, из каких доказательств исходят следователь, дознаватель (а также государственный обвинитель), и, например, будучи невиновным, не может разъяснить им ошибку либо, будучи виновным, преследует цель избежать привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 69]. Очевидно, что в той ситуации, когда обвиняемый не признает свою вину в совершении преступления, но у органа уголовного преследования имеется достаточное количество доказательств, указывающих на его виновность, им будет осуществляться противодействие предварительному расследованию различными способами.

Так, например, «в 2016 г. возбуждено уголовное дело в отношении 69-летнего гражданина С., который обвинялся в совершении насильственных действий сексуального характера над малолетним потерпевшим Р. В ходе предварительного следствия обвиняемый отрицал факт совершения им преступного посягательства на малолетнего потерпевшего. Несмотря на это, органом уголовного преследования была собрана необходимая доказательственная база, указывающая на виновность обвиняемого» [7].

На основании вышесказанного полагаем, что целесообразно выделить следующие способы преодоления противодействия обвиняемого предварительному расследованию:

1) тактическая работа с доказательствами. Собранная совокупность доказательств, изобличающих обвиняемого, способна являться инструментом преодоления противодействия предварительному расследованию, а также признания своей вины. При этом доказательства должны представляться последовательно;

2) планирование отдельных следственных и иных процессуальных действий с учетом сложившейся следственной ситуации, разработка тактических приемов работы с обвиняемым, который противодействует предварительному расследованию;

3) изучение личности обвиняемого, анализ его личностных качеств и использование психологических приемов в целях преодоления противодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

2. Халиуллина, А. Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. Ф. Халиуллина. – Уфа, 2018. – 180 л.

3. Образцов, В. А. Криминалистика : учебник / В. А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 760 с.

4. Экман, П. Узнай лжеца по выражению лица : учеб. пособие / П. Экман. – СПб. : Питер, 2016. – 272 с.

5. Библиотекарь.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/22/1.htm/>. – Дата доступа: 12.03.2019.

6. Даньшин, К. Ю. Понятие противодействия предварительному расследованию / К. Ю. Даньшин // Вестн. СПбГУ. – 2012. – № 4. – С. 69–76.

7. Krasnodarmedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su/news/794502/>. – Дата доступа: 12.03.2019.

К содержанию

УДК 343.575

С. А. СОРОКА

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

ПРОФИЛАКТИКА КАК ОДНО ИЗ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НАРКОМАНИИ

Наркомания по своим медицинским и социальным последствиям – одна из наиболее приоритетных проблем современности. Последствия употребления наркотиков для здоровья человека вызывают все большую обеспокоенность во всем мире. С середины XIX века во многих государствах увеличились масштабы распространения наркомании. Термин «наркомания» (от греческого *narke* – оцепенение и *mania* – безумие, влечение) означает болезненное влечение, пристрастие к употреблению наркотических средств [1]. В научной литературе под термином «наркомания» понимается болезненное психическое состояние, обусловленное хронической интоксикацией вследствие употребления наркотических средств и характеризующееся психической или физической зависимостью от них [2, с. 22].

Чтобы противостоять расширению масштабов злоупотребления наркотическими средствами, сообщество наций с начала XX века постепенно создает механизм контроля, предназначенного для ограничения доступа к наркотикам, которые ведут к злоупотреблению. Поэтому контроль над наркотиками был общемировой проблемой. Международная система контроля строилась поэтапно.

Проблема незаконного распространения наркомании коснулась и Украины. Доминирующей тенденцией развития наркотических проблем в Украине является постоянный рост зарегистрированного количества больных наркотической зависимостью. На сегодняшний день в Украине зарегистрировано около полумиллиона наркоманов. Фактически эта цифра намного больше. По оценке специалистов, число наркозависимых может превышать 5 млн. Такое несоответствие цифр объясняется тем, что далеко не все люди, имеющие проблемы с наркотиками, признают свою зависимость, готовы на лечение наркомании и обращаются за помощью к специалистам. По статистике, пятая часть всех наркозависимых людей – это школьники. 60 % – это молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет. 30 % составляют люди старше 30 лет [3]. Вызывает беспокойство распространенность ВИЧ среди тех, кто употребляет наркотики: Министерство охраны здоровья отмечает, что согласно официальным статистическим данным за период 1987–2018 гг. в стране официально зарегистрировано 333 717 случаев ВИЧ-инфекции среди граждан Украины, в частности 111 044 случая заболевания СПИДом и 48 456 случаев смерти от заболеваний, обусловленных СПИДом [4].

Проблемой является и то, что наркозависимость помолодела. Средний возраст, в котором человек в первый раз пробует запрещенные вещества, составляет 15–16 лет. К сожалению, все чаще дети в возрасте 9–12 лет также становятся заложниками

наркотиков. В семьях, где родители являются наркозависимыми, наблюдаются случаи, когда наркотики начинают употреблять маленькие дети в возрасте 6–8 лет [3]. Наркомания среди несовершеннолетних представляет серьезную угрозу национальной безопасности Украины. В последние годы Украина последовательно идет к национальной катастрофе: количество наркозависимых растет в геометрической прогрессии.

Осознавая опасность, которую несет распространение наркомании, руководство государства и правительство Украины включили контроль за наркотиками в первоочередные национальные задачи. Украиной были ратифицированы международные договоры, принято национальное антинаркотическое законодательство, адаптированное к международным требованиям. Кроме того, Украина впервые разработала собственную стратегию противодействия наркомании и наркопреступности. Кабинетом Министров Украины 28 августа 2013 года принято распоряжение «Об одобрении Стратегии государственной политики в отношении наркотиков на период до 2020 года». Стратегическая парадигма государственной политики в отношении наркотиков – потребность во всестороннем переходе от карательного, уголовно-правового направления антинаркотических мероприятий в лечебно-профилактическое как наиболее плодотворное в контексте преодоления наркомании [5]. К субъектам формирования и реализации наркополитики отнесены органы государственной, исполнительной власти, общественные, профессиональные, религиозные объединения, научные учреждения, благотворительные фонды, средства массовой информации, частные и другие структуры.

Итак, наркоманию как социальную проблему люди должны решать на всех уровнях, а противостоять распространению наркомании можно, только если подходить к проблеме комплексно. Главной целью преодоления этой проблемы является снижение спроса на наркотики. Будет снижен спрос – будет снижено и предложение. Для достижения этой цели должна проводиться широкая пропаганда здорового образа жизни, жизни без наркотиков. Поэтому как приоритетное направление борьбы с наркоманией следует выделить профилактику заболевания. Надо проводить борьбу с наркоманами не только там, где они есть, но и там, где они могут появиться.

Профилактика – это сложная система комплексных государственных и общественных, социально-экономических и правовых, методико-санитарных, психолого-педагогических и психологических мероприятий. По сути, она представляет комплекс мероприятий, направленных на обеспечение высокого уровня здоровья людей, их творческого долголетия, устранение различных причин заболеваний, улучшение условий труда, быта и отдыха, охрану окружающей среды.

Борьба с наркоманией включает в себя и помощь больным. Разрабатываются методы терапии и лечения наркомании. Широкая работа должна проводиться и по реабилитации и ресоциализации наркозависимых.

Итак, проблема наркомании – это глобальная проблема нашего общества, проблема больше социально-экономическая, чем медицинская. И бороться следует не с наркоманами, а именно с наркоманией как с явлением путем снижения спроса на наркотики. Сокращение спроса на наркотики – то обнадеживающая перспектива для оздоровления нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uk.wikipedia.org/wiki/e>.

2. Наркопреступность: криминологическая характеристика и предупреждение : науч.-практ. пособие / А. А. Бова [и др.] ; под общ. ред. А. П. Закалюка. – М., 2006. – 296 с.

3. Статистика наркомании в Украине на 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://job-sbu.org/statistika-narkomanii-v-ukraine-na-2017-god-88961.html>.

4. Эпидемическая ситуация по ВИЧ-инфекции в Украине по состоянию на 01.01.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://phc.org.ua/index.php/pages/diseases/hiv_aids/statistics.

5. Об одобрении Стратегии государственной политики в отношении наркотиков на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Кабинета Министров Украины, 28 авг. 2013 г., № 735-р. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua>.

К содержанию

УДК 343.973

С. Н. ЧЕПЕЛЕВ, Е. Н. ЧЕПЕЛЕВА, А. Н. ЧЕПЕЛЕВ

Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – **В. В. Сажина**, кандидат юридических наук, доцент

ДИНАМИКА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (2014–2018)

Коррупция является проблемой не только национальной, но и мировой. Коррупция, как явление общественной жизни, существует во всех странах мира вне зависимости от формы правления, формы государственного устройства, политического режима, экономических условий, социального развития. Несмотря на то что Республика Беларусь проводит последовательную, взвешенную антикоррупционную политику, в связи с постоянным изменением общественных и экономических отношений появляются и новые коррупционные риски. Это вызывает необходимость постоянного совершенствования законодательства Республики Беларусь.

В Республике Беларусь правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией определяет Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией». Имеется утвержденный перечень коррупционных преступлений, который включает в себя статьи Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь: ст. 210, 235, 424, ч. 2 и 3 ст. 235, ч. 2 и 3 ст. 424, ч. 2 и 3 ст. 425, ч. 2 и 3 ст. 426, 429, 430–432, ч. 1 ст. 455 [1, с. 11].

Под коррупцией понимается умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц. Таким образом, любое использование служебных полномочий или служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности, включая получение взятки за соответствующие действия по службе в интересах взяткодателя, образует коррупционное правонарушение.

Общественная опасность коррупции чрезвычайно велика. Она оказывает исключительно вредное влияние на экономику, политику, подрывает эффективность всех видов правительственных решений и программ, наносит ущерб состоянию морали

в обществе. Коррупция, как один из наиболее опасных факторов общественной жизни, крайне негативно влияет на состояние национальной безопасности государства в целом и систем ее обеспечения.

Целью данной работы явилось выяснение основных закономерностей распространения коррупционной преступности в Республике Беларусь с 2014 по 2018 г. В ходе исследования были проанализированы официальные данные с пресс-конференций Верховного Суда Республики Беларусь (далее – ВС) и статистические сведения ВС о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях, а также официальные данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь по зарегистрированным случаям взяточничества в Республике Беларусь за 2014–2018 гг.

По информации пресс-конференции ВС от 18.02.2015, за 2014 г. 297 лиц было осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности, т. е. на 25,8 % больше (темп роста (далее – Т.р.) составил 125,8 %), чем в 2013 г. (236 лиц) [2, с. 5].

На пресс-конференции первого заместителя Председателя Верховного Суда В. Л. Калинковича от 25.02.2016 было отмечено, что в 2015 г. уже 485 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности, что на 63,3 % больше, чем в 2014 г. [3, с. 2]. Установлено далее, что в 2017 г. 694 лица осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности, т. е. на 22,0 % больше, чем в 2016 г. [4]. В 2018 г. также отмечается динамика роста: осуждены 1 005 лиц, что на 44,8 % больше, чем в 2017 г. [5].

Сводные данные пресс-конференций ВС и статистических сведений ВС с 2014 по 2018 г. по преступлениям коррупционной направленности приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Количество лиц, осужденных за коррупционные преступления в Беларуси с 2014 по 2018 г., по данным Верховного Суда Республики Беларусь

Наименование коррупционного преступления	2014 год	2015 год	Т.р., %	2016 год	Т.р., %	2017 год	Т.р., %	2018 год	Т.р., %
Получение взятки (ст. 430 УК)	69	112	162,3	119	106,3	154	129,4	313	203,2
Дача взятки (ст. 431 УК)	48	75	156,3	120	160	126	105,0	247	196,0
Злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК)	28	48	171,4	56	116,7	108	192,9	60	55,6
Превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК)	16	27	168,8	24	88,9	34	141,7	40	117,6
Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК)	120	204	170,0	225	110,3	240	106,7	299	124,6
Всего	297	485	163,3	569	117,3	694	122,0	1005	144,8

По данным таблицы 1 видно, что имеет место постоянная динамика роста преступлений коррупционной направленности, причем не только в общем, но и по каждой отдельно взятой статье УК. Временное снижение было установлено по количеству осужденных лиц только в 2016 г. за превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) по сравнению с 2015 г. с 27 до 24 лиц (темп прироста составил 11,1 %) и в 2018 г. по злоупотреблению властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) по сравнению с 2017 г. со 108 до 60 лиц (темп прироста составил 44,4 %).

По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД), число зарегистрированных случаев взяточничества с 2014 по 2018 г. также имеет стойкую тенденцию к росту: в 2014 г. зарегистрировано 782 преступления, в 2015 г. – 1 112 (Т.р. составил 142,2 % по сравнению с предыдущим годом), в 2016 г. – 1 254 (Т.р. – 112,8 %), в 2017 г. – 1 922 (Т.р. – 153,3 %) и в 2018 г. – 1 999 (Т.р. – 104,0 %) (таблица 2) [6].

Таблица 2

Наименование преступления	2014 год	2015 год	Т.р., %	2016 год	Т.р., %	2017 год	Т.р., %	2018 год	Т.р., %
Взяточничество	782	1112	142,2	1254	112,8	1922	153,3	1999	104,0

При анализе индекса восприятия коррупции в Республике Беларусь, по данным международной организации Transparency International, в целом отмечается положительная либо стабильная динамика. Однако наша страна по-прежнему занимает высокие позиции по сравнению с другими странами, что указывает на недостаточную эффективность мероприятий по снижению коррупционных преступлений (таблица 3).

Таблица 3

Показатели	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Индекс восприятия коррупции	31	32	40	44	44
Место в рейтинге стран	119	107	79	68	70

Применяемые меры уголовной ответственности направлены на достижение поставленных уголовным законом целей исправления лиц, совершивших преступления, и предупреждения совершения преступлений как этими, так и иными лицами. Вместе с тем применяемых мер явно недостаточно для реального противодействия коррупции, что подтверждается стойкой тенденцией роста числа лиц, осужденных за коррупционные преступления. В борьбе с этим явлением первоочередно важны усилия всего гражданского общества, заинтересованность населения в обнаружении и пресечении фактов коррупции и ликвидации причин, ее порождающих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конюк, А. В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев. – Минск : Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2018. – 336 с.

2. Пресс-конференция от 19 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/upload/111111/sup_2015.pdf. – Дата доступа: 24.03.2019.

3. Пресс-конференция от 25 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/upload/111111/fakt_2016.pdf. – Дата доступа: 24.03.2019.

4. Сведения за 2017 г. о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/ru/statistika1/113da1bbb2b2441c.html>. – Дата доступа: 24.03.2019.

5. Сведения за 2018 г. о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/ru/statistika1/6ed5eb4b3f9f44b8.html>. – Дата доступа: 24.03.2019.

6. Преступность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupno-st-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 24.03.2019.

К содержанию

УДК 343.295

Е. И. ШАЙТАРОВА

Беларусь, Минск, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь
Научный руководитель – Д. Г. Мороз, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В ст. 30 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь содержится норма, предусматривающая ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения. Однако УК не содержит определения состояния опьянения.

Большая советская энциклопедия дает следующее определение состоянию опьянения: «нарушение физиологических функций организма, и прежде всего его центральной нервной системы, вследствие приема алкоголя и других наркотиков; проявляется беспричинно радостным, приподнятым настроением (эйфория), возбуждением (в тяжелых случаях переходящим в угнетение), утратой реальной оценки обстановки». Опьянению сопутствуют различные нарушения деятельности центральной нервной системы в зависимости от количества употребленных веществ и особенностей организма человека.

Согласно ст. 30 УК Республики Беларусь, в перечень веществ, употребление которых приводит человека в состояние опьянения, входят алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и другие одурманивающие вещества. Используя связку «и другие», законодатель ставит знак равенства между веществами, перечисленными в данной статье. Такая формулировка представляется

не вполне корректной. Термин «одурманивающие вещества» используется в УК Республики Беларусь в качестве обобщающей характеристики веществ, вызывающих состояние опьянения.

В медицине для характеристики указанных веществ употребляется понятие «психоактивные вещества». Под психоактивным понимается любое химическое вещество, способное при однократном приеме изменять настроение, физическое состояние, самоощущение и восприятие окружающего, а при систематическом приеме вызывает психическую и физическую зависимость. К психоактивным веществам относят химические соединения, входящие в состав спиртных напитков, лекарственных препаратов, средств промышленной и бытовой химии, биологических субстратов (растений и грибов).

Вместе с тем лекарственные средства с психотропным эффектом – «психотропные вещества», разрешенные к медицинскому применению, – требуют собственного определения, равно как и наркотические средства, токсические вещества. Обязательным признаком правового характера названных категорий является их включение в соответствующий перечень. Так, наркотическим средством является каждое «вещество природного или синтетического происхождения, включенное в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

Белорусское законодательство определяет и дифференцирует такие понятия, как «алкогольная продукция» и «непищевая спиртосодержащая продукция». В этом смысле соединительный союз «и» свидетельствует о различном происхождении исследуемой продукции, однако есть основания полагать, что алкогольная продукция является составной частью целого, представленного в виде спиртосодержащей продукции.

Обобщая круг веществ, употребление которых способно привести лицо в состояние опьянения, можем прийти к выводу о том, что данные вещества имеют психоактивный характер и могут влиять на психическое состояние субъекта.

Кроме того, для исследования дефиниции понятия «состояние опьянения» важную роль играет то обстоятельство, что лицо находилось в состоянии опьянения в момент совершения преступления.

Исходя из теории причинной связи, следует, что:

– лицо употребило алкогольное, наркотическое, психотропное или иное психоактивное вещество;

– употребление данных веществ повлекло нарушение психических функций организма, т. е. аномальное состояние психики;

– в данном состоянии лицо совершило преступление.

Следовательно, для влияния на уголовную ответственность состояния опьянения лица, совершившего преступление, необходимо наличие всех трех указанных критериев данного состояния. С учетом перечисленных критериев состояние опьянения – это аномальное психическое состояние лица в момент совершения преступления, вызванное употреблением алкогольных, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или иных психоактивных веществ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, пищевой спиртосодержащей продукции и пищевой этилового спирта

[Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 27 авг. 2008 г., № 429-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Психоактивное_вещество. – Дата доступа: 28.03.2019.

К содержанию

УДК 343

П. В. ШАЦКОВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Е. В. Романюк**, старший преподаватель

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

В настоящее время вопрос о защите животных становится все более актуальным. Ввиду того что нравственность нашего общества меняется, происходит изменение отношений как между людьми, так и между человеком и животным. Все чаще стали происходить случаи жестокого обращения с животными, отсюда следует, что защита необходима не только людям, но и животным. В связи с этим стали приниматься различные нормативные правовые акты по защите животных. К ним можно отнести Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Закон Республики Беларусь «О животном мире», проект закона «Об обращении с животными», а с недавних пор и Уголовный кодекс. Наличие данных нормативных правовых актов свидетельствует о том, что Республика Беларусь принимает меры, необходимые для защиты животных от жестокого обращения с ними. Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь содержит статью, посвященную жестокому обращению с животными. Это ст. 339-1 «Жестокое обращение с животным», состоящая из двух частей. В соответствии с ч. 1 ст. 339-1 УК, «жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или арестом». То же действие, совершенное повторно либо группой лиц, наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до одного года, или лишением свободы на тот же срок [1].

Однако на сегодняшний день необходимо ужесточение уголовной ответственности за жестокое обращение с животным. Это связано прежде всего с ростом зарегистрированных случаев проявления жестокости по отношению к животным, а также с тем, что данная санкция утратила свою эффективность. По сравнению с УК Российской Федерации, уголовная ответственность в Республике Беларусь является менее жесткой. Так, ст. 245 УК Российской Федерации «Жестокое обращение с животными» предусматривает, что жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на

срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. То же деяние, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в присутствии малолетнего, с применением садистских методов, с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), в отношении нескольких животных, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет [2].

Примечательным также будет и пример закрепления уголовной ответственности за рассматриваемое преступление в УК Украины. Согласно данному кодексу, статья, посвященная жестокому обращению с животными, состоит из трех частей. Диспозиции являются схожими как с УК Республики Беларусь, так и с УК Российской Федерации.

Так, согласно УК Украины, жестокое обращение с животными, относящимися к позвоночным, в том числе беспризорными животными, совершенное умышленно и приведшее к увечью или гибели животного, а также натравливание животных друг на друга или других животных, совершенное из хулиганских или корыстных побуждений, публичные призывы к совершению действий, которые имеют признаки жестокого обращения с животными, а также распространение материалов с призывами к совершению таких действий наказываются арестом на срок до шести месяцев или ограничением свободы на срок до трех лет. По ч. 2 те же действия, совершенные в присутствии малолетнего или несовершеннолетнего, наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до пяти лет. По ч. 3 действия, предусмотренные частями первой или второй статьи об ответственности за жестокое обращение с животными, совершенные с особой жестокостью или в присутствии малолетнего или несовершеннолетнего, или к двум и более животным, или повторно, или группой лиц, или совершены активным способом, наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет [3].

Таким образом, из приведенных примеров видно, что уголовное наказание за жестокое обращение с животными как в Российской Федерации, так в Украине намного строже, чем в Республике Беларусь. Санкция нормы, предусматривающей наказание за жестокое обращение с животными, в УК Украины является наиболее жесткой по сравнению с Россией и Беларусью. В судебной практике показательны следующие примеры.

По совокупности двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 «Угроза убийством» и ч. 1 ст. 245 «Жестокое обращение с животными» УК Российской Федерации, приговором мирового судьи 47 судебного участка Железнодорожного судебного района был осужден К., который, находясь у себя дома в алкогольном состоянии, убил кота своей 23-летней дочери М. Применяя садистские методы, осужденный кухонным ножом нанес ему множественные ранения, от которых животное скончалось. После этого он стал угрожать и замахиваться ножом на дочь, которая вернулась домой и увидела изрезанный труп домашнего питомца. Суд приговорил К. к 8 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в условиях поселения. Еще одним примечательным примером будет являться деяние Т., предусмотренное ч. 1. ст. 245, повлекшее гибель животного, а также совершенное из хулиганских

побуждений, с применением садистских методов, в присутствии малолетнего. Т. умышленно схватила сидящую на земле утку и, держа руками, стала бить головой об урну, затем ею было нанесено 4 удара головой утки о кусты, после Т. стала «мотылять голову утки» против часовой стрелки. Суд признал Т. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК Российской Федерации, и назначил ей наказание в виде исправительных работ на срок девять месяцев с удержанием ежемесячно в доход государства 10 % из заработка осужденной [4]. Приведенные примеры демонстрируют широкую применяемость уголовной ответственности за деяние, выраженное в жестоком обращении с животными, а также эффективность и результативность данной нормы.

Таким образом, ввиду всего рассмотренного ранее, целесообразным будет ужесточить уголовную ответственность за жестокое обращение с животным в Республике Беларусь, а также ввести дополнительную ответственность за факты трансляции в Интернете сцен жестокости и насилия над животными, за вовлечение в эту деятельность несовершеннолетних. Такое изменение будет способствовать сокращению количества совершаемых преступлений в отношении животных, а также оказывать профилактическое воздействие на преступления данного вида.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2018 г. № 569-ФЗ : с изм. пост. Конституц. Суда от 25.04.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

3. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III : с изм. и доп. от 23.11.2018 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109. – Дата доступа: 10.03.2019.

4. Обобщение судебной практики по применению ст. 245 УК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.detective-agency.info>. – Дата доступа: 11.03.2019.

К содержанию

УДК 343

А. А. ШЕЛЕСТ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – **Е. В. Романюк**, старший преподаватель

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАТИСТА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Действующим Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) Республики Беларусь предусмотрен перечень лиц, участвующих в уголовном процессе. Так, согласно п. 49 ст. 6 УПК Республики Беларусь, участниками уголовного процесса являются: судья, прокурор, государственный обвинитель, начальник следственного

подразделения, следователь, начальник органа дознания, лицо, производящее дознание, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители и представители, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания – помощник судьи), свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с настоящим Кодексом. Согласно гл. 7 УПК Республики Беларусь, иными участниками уголовного процесса являются свидетель, адвокат свидетеля, эксперт, специалист, переводчик и понятой.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существующим законодательством ограничен перечень участников уголовного процесса. Вместе с тем при проведении ряда следственных действий органу предварительного следствия приходится привлекать иных лиц, статус которых в действующем законодательстве не определен. Так, при проведении такого следственного действия, как следственный эксперимент, органом предварительного следствия привлекается статист (демонстратор).

Интернет-ресурсом Wikipedia.com дается следующее значение слова статист: статист – актер кино или театра, исполняющий роли без слов, а также переносное значение: статист – человек, не принимающий активного участия в чем-либо, молчаливо присутствующий при чем-либо, не оказывающий влияния на что-либо. Тем же ресурсом закреплено понятие «демонстратор» – тот, кто демонстрирует кого-либо, что-либо [1]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что лицу, которое принимает участие при проведении следственного действия в качестве статиста (демонстратора), присущи признаки обоих рассмотренных значений. Вместе с тем в большинстве случаев при проведении следственных действий с участием статиста (демонстратора) на данную роль подбирается лицо, которое наиболее подходит по своим «параметрам» для объективности проведения следственного действия. Например, в случае проведения следственного эксперимента по делам о ДТП, в результате которого погиб пешеход, для проведения следственного эксперимента ввиду невозможности участия потерпевшего подбирается лицо, наиболее схожее с ним по параметрам, которому, помимо всего прочего, предоставляется максимально приближенная по виду одежда, т. е. статисту (демонстратору) придается вид потерпевшего лица.

Для формирования понятия статиста (демонстратора) как участника уголовного процесса необходимо обозначить, что, по нашему мнению, статистом (демонстратором) не может являться заинтересованное в исходе уголовного дела лицо. Таким образом, можно сформулировать следующее понятие статиста (демонстратора) в уголовном процессе: статист (демонстратор) – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, участвующее в производстве следственного действия в целях воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события в случаях, предусмотренных настоящим кодексом.

Каковы же у данного участника уголовного процесса права и обязанности? Наиболее близким участником по статусу, как нам кажется, является понятой. Так, с учетом ст. 64 УПК наиболее приемлемыми видятся следующие права и обязанности статиста (демонстратора). Статист (демонстратор) имеет право: знать, в проведении какого следственного действия он участвует, кто руководит и кто участвует в его производстве; делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал; получать возмещение понесенных им расходов, связанных

с участием в производстве следственных действий. Статист (демонстратор) обязан: являться по вызовам органа уголовного преследования; удостоверить своей подписью в протоколе следственного действия факт производства этого действия, его ход и результаты; соблюдать порядок при производстве следственных действий; подчиняться законным распоряжения органа уголовного преследования; не разглашать сведения об обстоятельствах дела или иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на такой нюанс. Ввиду того, что положение статиста на законодательном уровне не закреплено, он, в отличие от иных участников уголовного процесса, не имеет права на возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственных действий, что, на наш взгляд, ущемляет права лица, участвующего в качестве статиста при производстве следственных действий.

Проанализировав вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время в УПК Республики Беларусь имеется пробел в связи с отсутствием закрепления статуса такого участника уголовного процесса, как статист (демонстратор), в связи с чем при производстве ряда следственных действий происходит казуистическая ситуация, а именно при дальнейшем составлении протокола следственного действия указывается несуществующий участник, а непосредственно при проведении следственного действия лицо, участвующее в качестве статиста (демонстратора), по сути, не имеет прав и обязанностей, что противоречит основам существующего законодательства Республики Беларусь как демократического государства.

На основании вышеизложенного считаем необходимым внести предложение о необходимости закрепления в существующем УПК Республики Беларусь нормы, регламентирующей процессуальный статус статиста (демонстратора) как участника уголовного процесса, дав ему законодательное определение и наделив его правами и обязанностями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статист [Электронный ресурс] // Викисловарь. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. – Дата доступа: 16.03.2019.

К содержанию

УДК 343

А. Ю. ШЕЛЯГИНА, Н. В. ПАНТЕЛЕЕВА

Беларусь, Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ)

Общее определение предпринимательской деятельности дано в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), согласно п. 1 которой предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических

лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [1].

На данном этапе стремительного развития правоотношений субъектов хозяйствования и гражданского оборота в целом необходимо различать нюансы правового регулирования и содержания различных видов деятельности, и в частности отличать предпринимательскую деятельность от ремесленной и от деятельности физических лиц. Последняя регулируется Указом Президента Республики Беларусь «О регулировании деятельности физических лиц» от 19 сентября 2017 г. № 337. Это имеет особенное значение во избежание уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Предпосылками к нарушению норм гражданского законодательства в сфере хозяйствования и совершению преступлений против порядка осуществления предпринимательской деятельности являются среди иных причин и стремительно развивающиеся инновационные формы хозяйствования, в сфере которых возможно нарушить закон как умышленно, так и по неосторожности [2].

Примером специального правового регулирования отдельных отношений и возникающих между сторонами обязательств в зависимости от предмета и цели деятельности субъектов могут быть:

– Указ Президента Республики Беларусь от 31.12.2013 № 590 в редакции от 01.03.2018 «О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг)»;

– Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-3 в редакции от 17.05.2016 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [3];

– Закон Республики Беларусь от 21.10.1996 № 708-ХІІІ в редакции от 18.05.2016 «О научной деятельности»;

– Положение, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 25.05.2006 № 356 «О порядке государственной регистрации научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ» [3].

Развитие законодательства в этом направлении должно идти в соответствии с положениями Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 г. по пути презумпции добросовестности как субъектов хозяйствования, так и субъектов всего гражданского оборота между собой; саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность субъектов хозяйствования; доступности законодательства и административных процедур для физических и юридических лиц, максимального использования информационных технологий во всех процессах взаимодействия государственных органов, их должностных лиц и субъектов гражданского оборота.

В настоящее время в Республике Беларусь стремительно развивается предпринимательская деятельность, и в этой связи возрастает и экономическая преступность. Это является одним из серьезнейших факторов угрозы экономической безопасности страны. Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение обязательно, обуславливает сокращение налоговой базы, она же оказывает пагубное воздействие и на легальную экономику.

Согласно Закону Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» от 9 января 2019 г. № 171-3 (ст. 233 УК), предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), сопряженная с получением дохода в крупном размере, наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью), или арестом или ограничением свободы на срок до двух лет [5].

Под доходом от предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), сопряженной с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, следует понимать всю сумму привлеченных денежных средств. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении. Доход от предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), признается полученным в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины (25,50 руб.) [5].

Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), – это деятельность, обладающая всеми признаками предпринимательской, за исключением формального признака, относящегося к установленному законом или иным нормативным актом.

В Кодексе об административных правонарушениях (далее – КоАП) также распространены случаи экономической преступности. В соответствии со ст. 12.7 КоАП предусмотрено два состава правонарушений в области лицензирования при осуществлении предпринимательской деятельности:

1. Деятельность без специального разрешения (лицензии), когда специальное разрешение (лицензия) обязательно [6].

2. Деятельность с нарушением правил и условий осуществления видов деятельности, предусмотренных в специальных разрешениях (лицензиях), что влечет индивидуальному предпринимателю наложение штрафа от десяти до двухсот базовых величин с конфискацией дохода, полученного в результате такой деятельности, или без конфискации или лишение права заниматься определенной деятельностью [6].

Следовательно, в уголовном законодательстве санкции к данному виду деятельности более ужесточенные (ограничение свободы на срок до двух лет), в КоАП за экономические преступления на индивидуального предпринимателя накладывается штраф.

Таким образом, основаниями для привлечения к уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) являются:

– осуществление деятельности, обладающей всеми признаками предпринимательской, без должной государственной регистрации в установленном законодательными актами порядке;

– предпринимательская деятельность осуществляется без специального разрешения (лицензии) в том случае, когда такая лицензия необходима.

Предпринимательская деятельность будет правомерной только при соблюдении определенных правил, нарушение которых может служить основанием для привлечения к юридической ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение обязательно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ.

19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-3 : в ред. Закона от 18.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О проектах по созданию новых производств, имеющих определяющее значение для инновационного развития Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 авг. 2018 г., № 623 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. О модельном законе «О предпринимательстве» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 27 нояб. 2017 г., № 48-3 // Бизнес-инфо : аналит. правовая система Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2019 г., № 171-3. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 03.03.2019.

6. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 17 дек. 2002 г., № 194-3. – Режим доступа: <http://kodeksy-by.com>. – Дата доступа: 03.03.2019.

К содержанию

УДК 343(477)

С. В. ЯКИМОВА, А. М. ГУМИН

Украина, Львов, Национальный университет «Львовская политехника»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ УКРАИНЫ

С принятием в 2001 г. действующего Уголовного кодекса (далее – УК) Украины термин «насилие» присутствует в контексте многочисленных составов преступлений. В большинстве случаев термин «насилие» используется как способ совершения основного или квалифицированного состава преступления. В частности, это касается особо опасных и тяжких преступлений против собственности (ст. 186, 187, 189, 194 УК Украины), против правосудия (ст. 337, 373, 386, 393 УК Украины), против гражданской безопасности, общественного порядка и народного здоровья (ст. 295, 296, 299 УК Украины). В связи с этим В. К. Гришук, рассматривая насилие как способ совершения преступления, определяет данное понятие в качестве умышленного физического либо психического воздействия одного лица на другое против его воли, что причиняет потерпевшему физический, моральный вред либо содержит угрозу причинения такового для достижения преступной цели насильника [1, с. 334–335].

Кроме этого, в Уголовном кодексе Украины насилие определяется как специфическая форма преступного деяния. При этом Уголовный кодекс Украины указывает на содержательную сторону конкретных насильственных проявлений (например,

ст. 115 «Умышленное убийство», ст. 121 «Умышленное тяжкое телесное повреждение», ст. 129 «Угроза убийством» УК Украины и т. п.). Соответственно В. А. Навроцкий определяет преступное насилие как «...нанесение телесных повреждений, убийство либо угроза его применения» [2, с. 35]. Однако насилие ассоциируется не только с совершением преступлений против жизни и здоровья личности, поскольку касается преступлений, которые посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны, к примеру диверсия (ст. 113 УК Украины) [3, с. 308].

В доктрине уголовного права Украины и судебно-следственной практике насилие традиционно дифференцируется следующим образом: а) по характеру (физическое и психическое); б) по степени тяжести (опасное для жизни или здоровья либо такое, которое не представляет опасности для жизни или здоровья человека). В постановлениях Пленума Верховного Суда Украины по этому поводу сказано, что опасным для жизни или здоровья человека следует считать умышленное причинение пострадавшему легкого телесного повреждения, повлекшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную потерю работоспособности; средней тяжести или тяжкое телесное повреждение, а также другие насильственные действия, которые не привели к указанным последствиям, однако были опасными для жизни или здоровья в момент их совершения (истязание, применение электротока, оружия, специальных средств, действие, повлекшее потерю сознания, и т. п.). Умышленное причинение пострадавшему легкого телесного повреждения, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной потери работоспособности, а также совершение иных насильственных действий, которые не были опасными для жизни или здоровья в момент их причинения (нанесение удара, побоев, незаконное лишения свободы и т. п.) – это насилие, не опасное для жизни или здоровья человека [4].

В частности, физическое насилие – это умышленное противоправное физическое воздействие одного лица на физическую целостность и (либо) личную свободу другого лица. Психическое насилие, как правило, это угроза применения физического насилия. Однако в современной теории уголовного права наблюдается тенденция к более расширенному толкованию психического насилия, а именно как противоправной угрозы причинения пострадавшему физического, морального либо имущественного вреда для достижения преступной цели [3, с. 313].

В процессе реализации положений Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия и борьбе с этими явлениями в Особенную часть Уголовного кодекса Украины были внесены дополнения, связанные с закреплением уголовно-правовых дефиниций понятий домашнего и сексуального насилия. В диспозиции ст. 126-1 «Домашнее насилие» закреплено его уголовно-правовое толкование как умышленного систематического совершения физического, психологического или экономического насилия в отношении супругов или бывших супругов или другого лица, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях, что приводит к физическим или психологическим страданиям, расстройствам здоровья, утрате трудоспособности, эмоциональной зависимости или ухудшению качества жизни потерпевшего [5]. Таким образом, уголовно-правовое понятие домашнего насилия определяется совокупностью последующих признаков: 1) умышленный характер насилия; 2) деяния в форме физического, психологического или экономического насилия; 3) систематичность совершения таких деяний; 4) альтернативные последствия в форме физических или психологических страданий, расстройств здоровья, утраты трудоспособности, эмоциональной зависимости или ухудшения качества жизни потерпевшего; 5) причинно-следственная связь между

деяннями, які по суті є фізичним, психологічним або економічним насильством, з однієї сторони, і вищеуказаними наслідками – з іншої; б) потерпілий, яким є один із подружжя насильника, в тому числі колишній, а також інше лице, з яким винуватий знаходиться (знаходився) в родинних або близьких стосунках.

В свою чергу сексуальне насильство – це «...здійснення будь-яких насильствених дій сексуального характеру, не передбачаючих проникнення в тіло іншої особи, без добровільної згоди потерпілого» [5] (ст. 153 «Сексуальне насильство» УК України). В формулюванні криміно-правової визначення поняття сексуального насильства, на відміну від криміно-правової визначення поняття «домашнє насильство», застосовується зовсім інший підхід, відповідно до якого законодавець акцентує увагу тільки на двох суттєвих ознаках: а) особливостях дій сексуального характеру, які не передбачають проникнення в тіло іншої особи; б) відсутності згоди на здійснення таких дій в стосунках потерпілого.

Підводячи підсумок, можна відзначити такі основні тенденції розвитку сучасного трактування поняття насильства в положеннях Кримінального кодексу України. По-перше, спостерігається домінування закріплення насильства як окремого складу злочину порівняно з тими положеннями Кримінального кодексу України, де насильство визначається як спосіб здійснення діяння. По-друге, вперше в сучасному кримінальному законі України, в його Особливій частині, були закріплені законодавчо визначення окремих видів насильства («домашнє», «сексуальне»). По-третє, в Загальній частині Кримінального кодексу України відсутнє родові поняття насильства або його основні криміно-правові види. При цьому поняття сексуального насильства закріплені в ст. 153 УК України. З урахуванням потреб правової практики існує необхідність подальшого розвитку досліджень криміно-правового трактування поняття насильства, розробки його суттєвих ознак, а також чіткого визначення окремих видів насильства. Крім того, особливу увагу слід приділити дослідженням відносин окремих криміно-правових видів насильства.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Гришук, В. К. Способи вчинення злочину: насильство, напад, обман / В. К. Гришук // Наук. вісн. Чернівецьк. ун-ту. – 1996. – Вип. 4–5. – С. 328–335.
2. Навроцький, В. О. Злочини проти особи : лекції для студентів юрид. фак. / В. О. Навроцький. – Львів : Львів. держ. ун-т ім. Івана Франка, 1997. – 48 с.
3. Карп'юк, М. В. Поняття насильства як способу вчинення злочинів проти власності за кримінальним правом України та Республіки Польща / М. В. Карп'юк // Наук. вісн. Львів. держ. ун-ту внутр. справ. – 2010. – № 1. – С. 305–315.
4. Про судову практику у справах про злочини проти власності [Електронний ресурс] : постановою Пленуму Верхов. Суду України, 6 лист. 2009 р., № 10 // Офіційний портал Верховної Ради України. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0010700-09>. – Дата доступу: 25.03.2019.
5. Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України з метою реалізації положень Конвенції Ради Європи про запобігання насильству стосовно жінок і домашньому насильству та боротьбу з цими явищами : Закон України, 6 груд. 2017 р. // Відомості Верхов. Ради. – 2018. – № 5. – Ст. 34.

К содержанию